ISSN № 0130-7045

В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

2 • 1981

Из воспоминаний делегата

Это было в 1919 году. Как делегат я попал на VIII съезд партии.

Только я решил выступить в прениях, чтобы рассказать съезду о том, что я видел на селах, — тут как раз председатель предложил «подвести черту».

Я встал, поднял руку и говорю:

— Протестую. Как это так? Тут нас много делегатов еще не высказалось...

В зале поднялся шум. А тут как раз со сцены выступил Владимир Ильич и спросил:

— В чем дело?

Я повторил.

— Правильный протест! — сказал товарищ Ленин. Проголосовали опять — и ораторы продолжали высказываться.

Получил и я слово...

Кончились мои 15 минут. Съезд требовал продолжать. И вот Владимир Ильич, под аплодисменты, заявил:

— Говорит старик к делу. Дадим ему час...

И я говорил 60 минут. Рассказал обо всем, что видел, что слышал, о том, где что делается...

А в перерыве подошел ко мне Демьян Бедный и повел к Владимиру Ильичу.

— Спасибо, старик, — сказал Ленин. — Много материала ты нам дал. Пойдем снимемся. — Пошли. И Демьян Бедный с нами. Снялись мы втроем.

Ф. Д. Панфилов

Вверху слева: В. И. Ленин, Демьян Бедный и делегат от Украины Ф. Д. Панфилов на VIII съезде РКП(б). Москва. 18—23 марта 1919 г.

Вверху справа: В. И. Ленин в президиуме IX съезда РКП(б) в Свердловском зале Кремля. Москва, март — апрель 1920 г.

В середине: В. И. Ленин и К. Е. Ворошилов в группе делегатов X съезда РКП(б) — участников подавления Кронштадтского мятежа. Москва. март 1921 г.

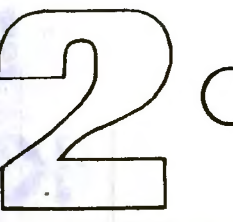
Внизу слева: XXV съезд КПСС, голосуют делегаты.

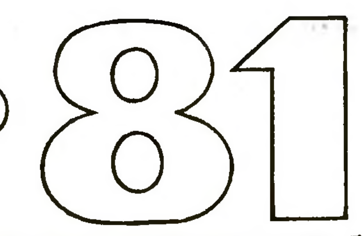
Внизу справа: Кремлевский Дворец съездов.

Фотохроника ТАСС.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Издается с сентября 1959 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

ВСТРЕЧАЯ СЪЕЗД ПАРТИИ

Наша Родина встречает XXVI съезд КПСС в обстановке всеобщего трудового и политического подъема. Самоотверженной работой, активной деятельностью на всех участках коммунистического строительства каждый трудящийся Страны Советов стремится внести достойный вклад во всенародное дело созидания самого счастливого на Земле общественного строя. Повсеместный ударный труд, широкое развитие социалистического соревнования в преддверии съезда — яркая демонстрация нерушимого единства ленинской партии и советского народа.

Сейчас, когда подводятся итоги сделанного, советские люди, оглядываясь на пройденный путь, видят: нам есть чем гордиться. Значительно возрос экономический, оборонный и духовный потенциал страны. По предначертаниям партии и под ее руководством совершены новые гигантские шаги в развитии народного хозяйства и решении больших социальных задач. Наша Родина стала страной развитого, зрелого социализма, уверенно идет ленинским курсом к коммунизму.

И одна из главных побед на этом пути — формирование нового человека, идейно убежденного, политически грамотного борца за претворение в жизнь марксистско-ленинских идей. Советских людей сегодня отличают активная жизненная позиция и преданность делу коммунизма, трудолюбие и высокая гуманность, обширные знания и культура. Они в подавляющем большинстве свободны от иллюзорного религиозного миропонимания и во всех делах своих, в жизни руководствуются не догмами религии, а передовой диалектико-материалистической теорией, надеются не на помощь мифической сверхъестественной силы, а на свои собственные разум и руки, знания и мастерство.

И если вдуматься, присмотреться, то можно увидеть: все это — славный результат длительной борьбы коммунистов-ленинцев за счастье народа, итог победы великой пролетарской революции в нашей стране, торжества марксистско-ленинского мировоззрения, идеологии и политики нашей родной Коммунистической партии.

Важными вехами в этой борьбе за человеческое счастье всегда были партийные съезды. Каждый из них открывал перед коммунистами и народом новые перспективы, указывал конкретные пути преодоления трудностей и достижения поставленных целей. Вот только некоторые из них: II съезд создал марксистско-ленинскую революционную партию, партию большевиков: VI съезд определил курс партии на вооруженное восстание; X съезд указал дорогу к переходу от военного коммунизма к новой экономической политике; XIV съезд — курс на социалистическую индустриализацию страны; XV съезд — коллективизация сельского хозяйства...

Не перечислить всей сложности и многообразия задач, рассматриваемых партийными съездами в ходе социалистического строительства в нашей стране. И каждый раз наш народ, руководимый и направляемый партией, с честью решал эти задачи, совершая еще один важный шаг на пути к коммунизму. Вот и теперь мы завершили десятую пятилетку, которая займет свое славное место в истории героических свершений советских людей. Она еще раз подтвердила правильность ленинского курса партии, ее стратегии на данном этапе развития нашего общества, выработанной XXIV и XXV съездами КПСС.

И новый, XXVI съезд партии — дальнейшее продолжение и развитие бессмертного дела Ленина. В проекте ЦК КПСС к съезду «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» говорится: «В восьмидесятые годы Коммунистическая партия будет последовательно продолжать осуществление своей экономической стратегии, высшая цель которой — неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности на основе дальнейшего повышения эффективности всего общественного производства, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой активности советских людей».

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СОВЕТУЕТ, СПРАШИВАЕТ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» КАМНИ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

ЗА РУБЕЖОМ

ОБРАЗ ЖИЗНИ — СОВЕТСКИЙ

И. ПРОКОПЬЕВ,
первый секретарь Чувашского обкома КПСС

Фото В. Исаева.

СОВРЕМЕННАЯ социалистическая Чувашия — республика с развитой промышленностью, высокомеханизированным сельским хозяйством, высокой культурой. Она гордится своими передовиками труда, деятелями науки и культуры. Вспомним, к примеру, какую славную страницу в освоении Космоса вписал сын чувашского народа, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации А. Г. Николаев. За самоотверженную работу десятки тысяч лучших у нас награждены орденами и медалями, а 57 удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда.

Десятая пятилетка стала новым этапом в развитии экономики и культуры Чувашской АССР. Так, выпуск промышленной продукции за пять лет возрос почти вдвое, экономика республики сегодня — одна из составных частей единого народнохозяйственного комплекса страны.

XXVI съезд Коммунистической партии трудящиеся нашей республики встречают в обстановке широко развернувшегося социалистического соревнования. В нем участвуют сотни тысяч тружеников города и деревни, почти 90 процентов работающих. По всей республике идет добрая слава о фрезеровщице электроаппаратного завода Н. А. Королеве, резьбошлифовщике машиностроительного завода А. А. Александрове, ткачихе хлопчатобумажного комбината Ю. И. Петровой, отделочнице Шумерлинского комбината автофургонов Н. И. Ивановой, старшем аппаратчике химического завода А. А. Колыванове, механизаторе колхоза «Красный Октябрь» Комсомольского района Л. Н. Анчурине, бригадире колхоза «Путь Ленина» Канашского района М. З. Зиновьевой, председателе колхоза имени Мичурина Урмарского района С. Л. Лунине, бригадире монтажников домостроительного комбината М. И. Иванове, прорабе строительного треста № 4 А. А. Алексееве и многих других.

Наши сегодняшние достижения огромны, но мы были бы Иванами, не помнящими родства, если бы забыли о том, какой гигантский путь пройден чувашским народом за шесть десятилетий Советской власти. Вот только одна цифра (думается, она не нуждается в комментариях): сейчас республика выпускает за год промышленной продукции примерно в тысячу раз больше, чем в 1913 году. Таково наше настоящее, наш сегодняшний день, который начался в Октябре 1917 года с исторического залпа «Авроры», с Серпа и Молота, с букваря...

Вспоминается старая чувашская легенда:

...Сгорело село, ни с чем остались люди. И решили просить царя о помощи — послали к нему самого уважаемого старика-щурсухала. Много дней и ночей прошло, прежде чем добрался чуваш до царских хором. А там грозные стражи стоят, никого во дворец не пускают. Пригорюнился старик: как землякам помочь? Глядь — под ногами целые россыпи драгоценных жемчужин. Может, взять горсточку? А часовые смеются: «Бери, не жалко! Это ведь застывшие слезы таких, как ты: со всех концов земли идут сюда ходоки. Но если возьмешь хоть одну с собой, — горе других народов к твоему перейдет». Задумался чуваш: «Да, в большой беде мы пребываем. Но, может, другие люди лучше нас заживут?» И взял целых три жемчужины. Вернулся домой — еще хуже стали жить односельчане: то пожар, то засуха, то мор. Да только и соседям не полегчало, все так же никому нет выхода из нужды. Потому что три всесильных дракона — царизм, помещики и церковь — стеной стали на пути народов к заветному счастью.

Тяжкий гнет царского самовластия, жестокая эксплуатация и духовное насилие, голод и болезни, сплошная неграмотность, деревянная соха и лапти... Не перечислить всех бед чувашского народа до Великого Октября.

В промышленности края насчитывалось тогда всего около трех десятков небольших полукустарных предприятий, выпускавших пиломатериалы, кое-какую мебель, мочало, кули, рогожи, спирто-водочные изделия. Основными рабочими профессиями были лесорубы, грузчики, ямщики, винокуры и смолокуры.

Исключительно тяжелой была доля крестьян. Более половины земель принадлежало царской фамилии, помещикам, духовенству, кулакам. В начале XX столетия в чувашских селах на 20—25 дворов приходился лишь один плуг. А лошади? Многие люди были вынуждены сами впрягаться в ярмо, до кровавых мозолей натирать лопатой ладони. Нечем было пахать, нечего сеять. Даже в наиболее благоприятные годы низкий уровень агротехники не давал возможности получать в достатке хлеб, его в большинстве случаев не хватало до нового урожая. И бедняки шли побираться.

Жили крестьяне в нередко топившихся «по черному» закоптелых избушках, часто болели. В зачаточном состоянии находилось медицинское обслуживание: в 1913 году в обширном крае было всего 19 больниц на 486 коек. Не случайно среди населения были широко распространены такие порожденные тяжкой жизнью и бескультурьем болезни, как трахома, чесотка, туберкулез. Трахомой, например, по данным земской статистики, в отдельных населенных пунктах страдали до 90 процентов жителей.

Усилиями царизма и православной церкви в Чувашии насаждалась густая сеть религиозных учреждений. Т. Г. Шевченко, проплывая на пароходе в 1857 году мимо Чебоксар, записал в своем дневнике: «Если не больше, так по крайней мере наполовину... в нем домов и церквей». К концу 1917 года в крае насчитывалось 338 действующих религиозных центров, в том числе 229 православных церквей, семь монастырей и 38 мечетей. Немало людей придерживались и древних религиозных верований. Духовное угнетение здесь тесно переплеталось с национальным.

И еще одна цифра, относящаяся к тем же временам: из каждых пяти чувашских детей четверо оставались за порогом школы. Считанные копейки на душу населения в год составляли расходы на народное образование. По переписи 1897 года, в Цивильском, Чебоксарском и Ядринском уездах грамотных среди мужского населения в возрасте до 49 лет было

всего 16,6 процента, среди женщин — 5,8 процента, а у чувашей эти цифры были еще ниже — соответственно 10,8 и 1,6 процента.

Когда в 1903 году в одном из уездов хотели напечатать на чувашском языке брошюры по вопросам агрономии, животноводства и медицины, власти категорически отказали, мотивируя это тем, что «книжки на чувашском языке развивают только самомнение, крайне несимпатичное и даже вредное. Чувашской литературы не бывало и не будет». Такая политика царской администрации привела к тому, что до 1917 года, за столетие, на чувашском языке было издано лишь 695 книг, причем 465 из них — религиозного содержания. К тому же у простого народа просто не имелось средств на их приобретение.

Царские сатрапы, как пожара, боялись грамотности народа. Полковник Маслов в донесении шефу жандармов Бенкендорфу прямо писал: «Опыты всех времен доказывают, что легче управлять народом невежественным, нежели получившим хотя малейшее просвещение... На основании сего правила начальствующие чуваши всеми силами способствуют распространению невежества». Вдумайтесь: «легче управлять народом невежественным»; а как кощунственно звучат слова: «способствуют распространению невежества»!

«Для чувашей просвещение вредно, ибо они забудут земледелие», — писал вышестоящему начальству уездный исправник, когда возник вопрос об открытии первого приходского училища. И весьма символично, что именно отец вели-

Вверху:
В мастерской заслуженного художника РСФСР, народного художника Чувашии Н. В. Овчинникова.

Директор Яльчикской средней школы, народный учитель СССР П. Н. Чернов.

Справа:
Чебоксары. Новые жилые дома.

Монумент славы в Чебоксарах.

Байдеряковский народный хор Яльчикского района.

кого Ленина — Илья Николаевич Ульянов первым добился средств на обучение чувашских детей. К слову сказать, Илья Николаевич был ближайшим соратником выдающегося просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева, основателя и бессменного руководителя Симбирской чувашской учительской школы — колыбели нашей национальной культуры. Подумать только, всего столетие назад мои соотечественники начали обучаться грамоте. Можно лишь поражаться настойчивости, с какой Илья Николаевич преодолевал преграды на пути к просвещению народа. Одна только папка с его перепиской об открытии первой национальной чувашской школы в селе Ходары содержит 89 документов!

После Великого Октября чувашский народ начинал, как и вся Россия, с проведения в жизнь одного из важнейших ленинских декретов — ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Уже в 1920 году в Чувашии работало 1200 школ ликбеза, в которых обучались 85 тысяч взрослых, а в 893 общеобразовательных школах — 75 тысяч детей.

В тесном содружестве с другими братскими народами Советской страны трудящиеся Чувашии осуществили глубокие социально-экономические преобразования, позволившие в кратчайший исторический срок преодолеть хозяйственную и культурную отсталость. Сохранился интересный документ — отчет Совнархоза Чувашской автономной области за период с сентября 1920 по апрель 1921 года. В нем говорится, что за это время произведено около полутора миллионов штук рогож и кулей, около 700 тысяч пар лаптей, 140 штук сенных вил, 240 граблей, 2260 зубьев к боронам, 2093 ведра, а также деревянные лопаты, ложки, веретена.

В 1931 году А. М. Горький в статье «О действительности» писал: «Отлично знакомые нам городки Окуровы превращаются в центры социалистической культуры. Это похоже на сказку, но это — факт. Башкирия и Узбекистан, глухая тайга Сибири и Карелия, Молдавия и Чувашия — все в один голос радостно и гордо заявляют: воскресли к новой жизни, встали на ноги, работаем, понимаем глубокий смысл нашей работы, да здравствует партия, наш вождь».

Особенно много крупных промышленных предприятий появилось в Чебоксарах и других городах республики в послевоенные годы. Основой промышленности за этот период стали отрасли, оказывающие решающее влияние на ускорение научно-технического прогресса. Например, удельный вес машиностроения, энергетики и химической промышленности в общем объеме производства у нас превышает 60 процентов. Такие крупные предприятия, как электроаппаратный, агрегатный, имени Чапаева, машиностроительный, Канашский вагоноремонтный заводы, хлопчатобумажный комбинат, по объему производства, уровню технологии и технического оснащения занимают ведущее место в своих отраслях. Огромные средства вкладываются в строительство новых, расширение и реконструкцию действующих предприятий. По всей стране сегодня известны такие строящиеся гиганты индустрии, как Чебоксарский завод промышленных тракторов и Чебоксарская ГЭС.

Сейчас промышленное лицо Чувашской АССР определяют совсем другие, чем в 20-е годы, названия: сталь и бесчелночные ткацкие станки, тракторы и спецавтомобили, вагоны и электропогрузчики, электрические аппараты и приборы, кабель и пианино, стиральные машины и трикотаж... Более полутора тысяч наименований изделий с маркой предприятий республики отправляются во все уголки страны и в 80 зарубежных государств.

И все это результат самоотверженного труда советского народа, руководимого Коммунистической партией, итоги многолетней целенаправленной, планомерной деятельности государства трудящихся, братской взаимопомощи всех народов нашей многонациональной Родины, последовательного осуществления ленинской национальной политики.

В ходе строительства развитого социалистического общества произошли коренные изменения в структуре населения республики. Вырос новый большой отряд специалистов высшей квалификации. Сегодняшние рабочие Чувашии — это металлурги и гидростроители, создатели сверхточных электрических приборов, автоматических машин и аппаратов, химических продуктов и других сложнейших изделий. Научно-технический прогресс сопровождается, как известно, возрастанием роли инженерно-технических специалистов. За последние десять лет их число в народном хозяйстве республики удвоилось.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» в республике осуществляется широкая программа перевода его на промышленную основу. В настоящее время все села Чувашской АССР электрифицированы. Сельскохозяйственное производство становится разновидностью индустриального: действуют более ста животноводческих комплексов по откорму свиней, крупного рогатого скота, производству молока. Все это, естественно, меняет и социальный облик крестьянства. Наряду с трактористами и шоферами, в колхозах и совхозах главными стали профессии электрика и газооператора, строителя и мелиоратора, оператора животноводческого комплекса.

На развитие современного сельскохозяйственного производства республики особенно благотворное влияние оказало претворение в жизнь комплексной аграрной программы, разработанной мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС, XXIII, XXIV и XXV съездами партии.

И если в 1913 году урожай зерновых культур в Чувашии составлял примерно 9,3 центнера с гектара, то сегодня колхозы и совхозы республики ежегодно собирают по 20—22 центнера зерна с гектара, а труженики таких передовых колхозов, как «Победа», «Ленинская искра», «Канаш», имени Андрияна Николаева, — по 35 и более центнеров. При этом чувашский каравай становится весомей год от года. Кануло в небытие былое полуголодное существование тружеников земли.

Как известно, значительный подъем материального и культурного уровня жизни советских людей Коммунистическая партия выдвинула в центр всей своей практической деятельности, об этом еще раз говорил недавно, на октябрьском Пленуме ЦК КПСС, Л. И. Брежнев. У нас в республике, как и по всей стране, последовательно осуществляется программа улучшения благосостояния трудящихся. С ростом экономики повышаются заработная плата рабочих и служащих, денежные и натуральные доходы колхозников. И, главное, растут выплаты и льготы за счет расширения общественных фондов потребления — на культурные нужды, на образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение, на отдых. А возьмем жилищное строительство. За период с 1966 по 1980 год в Чувашии построено около восьми миллионов квадратных метров жилья. Только за годы десятой пятилетки каждый пятый житель республики получил новую квартиру или улучшил свои жилищные условия.

«Великое дело — строительство коммунизма,— отмечал Л. И. Брежнев,— невозможно двигать вперед без всестороннего развития самого человека. Без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей коммунизм невозможен, как невозможен он и без соответствующей материально-технической базы».

Образование является общим условием приобщения человека к материальным и духовным ценностям, формирует у него общественную и трудовую активность, нравственность,

научно-материалистический взгляд на явления и закономерности развития природы и общества. Примечательная черта сегодняшней Чувашии — массовое стремление людей к знаниям, к повышению своего образовательного и профессионального уровня. В республике, как во всей Советской стране, завершен переход ко всеобщему среднему образованию. Но это далеко не все. В наших высших и средних специальных учебных заведениях, в профессионально-технических училищах обучаются многие десятки тысяч молодых людей.

За годы Советской власти Чувашское книжное издательство выпустило около 12 тысяч названий книг тиражом более 80 миллионов экземпляров. А разовый тираж республиканских, районных, городских газет и журналов в 1980 году превысил у нас 700 тысяч экземпляров. Если учесть центральные издания, то сейчас на каждую тысячу жителей приходится 1300 экземпляров газет и журналов. В 1968 году в Чувашии была полностью завершена радиофикация. Во всех городах и районах жители смотрят телепередачи.

Растет и сеть культурно-просветительных учреждений. В республике более тысячи дворцов, домов культуры и клубов, свыше 700 массовых библиотек с книжным фондом более девяти миллионов томов, 1220 киноустановок, 15 музеев, 11 парков культуры и отдыха, 41 музыкальная и 16 художественных школ. В системе государственных и профсоюзных культурно-просветительных учреждений действуют шесть с половиной тысяч коллективов и кружков художественной самодеятельности, в которых занимаются 125 тысяч рабочих, колхозников, представителей интеллигенции.

Подлинного расцвета достигли в республике литература и искусство. За последние годы писатели, композиторы, художники создали немало талантливых произведений, в которых раскрываются замечательные черты советского человека, богатство его духовного мира. В литературу и искусство входит новый герой — труженик эпохи развитого социализма и научно-технической революции, человек с активной жизненной позицией, глубоко проникающий в сложную сферу общественного бытия, нравственно зрелый, деловитый, сочетающий высокий профессионализм с подлинно государственным мышлением.

Есть у чувашей древнее поверье: если пройти через расписную радугу-дугу, то старик станет молодым, юноше откроются тайны природы и превратятся все мечты в дела. Такова была извечная заветная мечта нашего народа. И она осуществилась...

Особенно живительной стала эта радуга для сельского труженика, его уклада жизни и мировоззрения. Еще несколько десятилетий назад территория, на которой расположена наша республика, была одним из районов, в котором пережитки патриархальных отношений и религиозных верований, в том числе древних, дохристианских, проявлялись особенно сильно. Однако ушло время, когда люди, говоря словами Ф. Энгельса, «отчаявшись в материальном освобождении, искали взамен него освобождения духовного, утешения в сознании, которое спасло бы их от полного отчаяния». Социальное освобождение, воспитательная работа партии и объединение людей на основе коллективного владения основными средствами производства вытеснили исторически отжившие взаимоотношения людей. Говоря словами Маркса и Энгельса, крестьянское мышление изменилось «при помощи современной агрикультуры и современных машин». И, конечно же,— образа жизни.

Возьмем, к примеру, только два факта из нашей современности. Первый — колхозник получает гарантированную оплату труда, второй — он имеет пенсионное обеспечение в старости. И тот и другой укрепляют веру сельского труженика в реальную ценность своей работы, а значит, и сказываются на его мировоззрении. Сама жизнь здесь выступает тем объективным началом, благодаря которому советский человек реально утверждает собственное достоинство и свою общественную сущность.

На XXV съезде КПСС говорилось, что в нашей стране построено развитое социалистическое общество, в котором господствует научное, материалистическое мировоззрение. А оно, как известно, определяет и жизненную позицию людей. Это в свою очередь означает, что подавляющее большинство населения нашей страны придерживается атеистических взглядов, живет согласно им, что религиозное миропонимание в массах, по сути, уже ушло в прошлое. Думается, это одно из исторических завоеваний социализма, способствующего исчезновению всего, что мешало людям жить светло и радостно.

Конечно, религиозная идеология оказывает влияние на какую-то часть населения. Сохранению религиозных настроений в наших условиях способствует также влияние остатков патриархально-родовых отношений. Прежде всего это традиционное общественное мнение в сельской местности. Однако хочу обратить внимание: даже сама религиозность теперь все более приобретает форму традиции. По крайней мере, в Чувашии. Именно этим объясняют более половины опрошенных верующих мотивы своего участия в религиозных праздниках и обрядах.

Однако ареал социальных связей, характерных для сельской местности в прошлом и сохранившихся в определенных формах до настоящего времени, неумолимо сокращается. Фактически этот процесс начался уже непосредственно после Октября 1917 года, но сейчас, в период развитого социализма, происходят глубокие качественные изменения во всей структуре и всем содержании отношений людей. Жизнь сельского труженика становится значительно шире и богаче, а социальные отношения более насыщенными и разнообразными.

Естественно, меняются также его психология и мировоззрение. И особенно ярко это демонстрирует такой показатель, как уровень религиозности населения. Например, результаты исследований, проводившихся в Ядринском районе, показывают: разница в религиозности, если сравнить механизаторов и других работников в колхозах, достигает 30 процентов. Число атеистов среди рабочих совхозов выше, чем у колхозников. Этот уровень возрастает в группе рабочих промышленности, расположенной в сельской местности, а самый высокий его показатель — среди рабочих промышленности города (свыше 85 процентов неверующих). Таким образом, социально-экономические факторы и образ жизни рождают у людей материалистическое мироощущение.

Однако мироощущение — еще не есть осознанное мировоззрение. Чтобы оно стало таковым, нужна систематическая и целенаправленная воспитательная работа. «...Наше мнение таково: религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм, — говорил К. Маркс.— Ее исчезновение должно произойти в результате общественного развития, в котором крупная роль принадлежит воспитанию».

Воспитание человека — идейно убежденного, свободного от пережитков прошлого, гармонически сочетающего в себе духовное богатство и нравственную чистоту — Коммунистическая партия считает сегодня одной из важнейших задач. На XXV съезде КПСС говорилось, что главный путь здесь — «комплексный подход к постановке всего дела воспитания». Причем сердцевиной его является формирование марксистско-ленинского мировоззрения, органическая составная часть которого — атеистическое воспитание. Партия исходит из того, что освобождение сознания людей от влияния религиозной идеологии способствует наиболее полному проявлению их творческой активности, стимулирует процесс гармоничного развития личности. Формирование научного мировоззрения — задача огромного социального значения и, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологи-

ческой, политико-воспитательной работы», постоянно должна находиться в поле зрения всех идеологических учреждений.

Одна из мер, способствующая улучшению дела коммунистического воспитания в нашей республике,— создание системы научно-атеистического воспитания. В партийных организациях предприятий, учреждений, колхозов и совхозов есть теперь организаторы атеистической работы. При райкомах партии, на крупных предприятиях и в хозяйствах созданы советы по научному атеизму. При Совете Министров действует координационный совет по контролю за соблюдением законодательства о культах и по внедрению новых праздников и обрядов в быт людей. В республиканской и во всех городских и районных организациях общества «Знание» работают секции научного атеизма.

Основные задачи и направления атеистического воспитания стали у нас частью соответствующих разделов перспективных планов идеологической работы обкома, горкомов и райкомов партии, парткомов многих крупных предприятий. Благодаря этому появилась возможность лучше координировать этот участок работы партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, общества «Знание». Для подготовки и переподготовки кадров созданы районные и городские школы атеистов, организованы теоретические семинары в системе политического просвещения.

Наши пропагандисты уже выработали немало форм и средств атеистического воспитания. Широкое распространение получили, например, лекции (их в республике ежегодно читается до 10 тысяч), беседы, тематические вечера, вечера вопросов и ответов, кинолектории. Накоплен определенный опыт по организации такой работы среди женщин.

В целом система способствует вовлечению в научно-атеистическую работу широкого круга активистов из числа интеллигенции, передовых рабочих, стимулирует эту работу в общественных организациях и трудовых коллективах. При этом организаторы стремятся комплексно сочетать ее с политическим, трудовым, нравственным воспитанием. Особенно, думаю, велика роль социалистического соревнования, формирующего в сознании людей принцип «один за всех и все за одного».

Таким образом, всестороннее развитие экономики республики, утверждение новых социалистических отношений, вовлечение широких масс трудящихся в активную общественную жизнь, открытие им доступа к вершинам образования, науки и культуры, активная идейно-воспитательная работа, образ жизни в целом способствуют коренному изменению сознания людей. В то же время широта и сложность задач коммунистического строительства делают настоятельной необходимость дальнейшего качественного улучшения всего дела воспитания.

В книге нашего земляка, летчика-космонавта СССР Андрияна Григорьевича Николаева «Встретимся на орбите» есть такие слова: «Видно, правду люди говорят, что человека трудно удовлетворить. Жадность его одолевает. В хорошем смысле. Совершил какое-то нужное дело, и уже новая мысль не дает ему покоя: «А что же дальше?» Достиг задуманного потолка — и сразу же прикидывает: «А нельзя ли повыше?» Сделан шаг, второй, а уже догоняет сотый, тысячный. Кажется, цель уже достигнута. Вот она, рядом. А мечта, замыслы ведут дальше и дальше. Видимо, в этом смысл человеческой жизни. Без нее, без этой хорошей жадности, а точнее жажды, наверное, скучно было бы жить на свете».

Здесь, на мой взгляд, точно подмечен главный секрет наших успехов: советские люди не привыкли успокаиваться на достигнутом, довольствоваться сегодняшним. Мы устремлены в будущее — к новым вершинам коммунистического строительства.

г. Чебоксары

День как день...

В. ЕВСЕЕВ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

Застать Григория Ивановича Гецентова в кабинете практически невозможно. «Мое рабочее место в поле, на фермах, в бригадах, — сказал он при встрече. — Вот проедемся завтра по нашим владениям и поговорим. Заодно посмотрите на наше хозяйство».

Ранним утром следующего дня директорская «Волга» ждала меня у гостиницы. Невысокого роста, быстрый в движениях Гецентов удобно устраивается рядом с водителем: «Давай, Николай Алексеевич, в Верхние Галковичи. Посмотрим, как закладывают силос».

По пустынным утренним улицам быстро проезжаем Псков. Ослепительное восходящее солнце подчеркивает желтизну созревшего хлеба и серовато-коричневые лоскуты зяби. Григорий Иванович начинает рассказ:

Наш совхоз «Победа» — крупное пригородное хозяйство. Снабжаем областной центр мясом, молоком, овощами. Со своей задачей справляемся: на знамени совхоза — орден Трудового Красного Знамени.

Вот уже 15 лет начинаю я обычно свой рабочий день с объездов. Руководитель хозяйства должен сам видеть, как и что делается. А вообще служу земле более 40 лет. Помню, когда начинал председателем колхоза «Красный Октябрь» — здесь же, в Псковской области, мой транспорт состоял из двух лошадей. На одной я ездил до обеда, на другой — после: каждая выдерживала лишь по полдня. А сейчас, как видите, — в радиофицированной машине. На всех участках и фермах есть рации. В любой момент могу связаться с бригадами и получить нужную информацию.

Вообще без науки и техники в сельском хозяйстве сегодня делать нечего. Когда я пришел в «Красный Октябрь», хозяйство было бедное, за трудодень платили по 10 копеек, в нынешнем исчислении — копейку. Думаете, с чего я начал? На первом же собрании сказал колхозникам: «Будем проводить радио и свет». А они: «Ты дай сначала хлеб за трудодень, а потом радио проводи». Я отвечаю: «Чтобы выращивать хороший хлеб, нужно знать, как это делается». В области мы первыми радиофицировали колхоз, потом купили две передвижные электростанции...

Огромная траншея засыпана зеленой, остро пахнущей массой. Гецентов ходит по влажному от росы и сока силосу, прикидывая, сколько можно засыпать еще. «В этом году будем с кормами...» — удовлетворенно говорит он.

Семь часов утра. Григорий Иванович включает в машине рацию: начинается планерка. Он давно завел такой порядок — считает, что ежедневные кабинетные совещания лишь отнимают у

людей время. И сейчас планерки ведет по рации. Бригадиры, заведующие фермами сообщают о проделанной за прошедший день работе. Григорий Иванович вносит коррективы, делает замечания...

Вот диспетчер докладывает, что с одной из ферм поступило молока меньше, чем обычно. Слышится голос заведующей фермой:

— Григорий Иванович, красят у нас боксы, поэтому доярки плохо выдаивают коров.

— Простите меня, Зинаида Викторовна, но на днях у вас были тоже низкие надои, и тогда нашлись другие объективные причины...

Новая информация — плохо кормлены коровы в стойле. Начинают выяснять, кто виноват. Директор прерывает их:

— Что давали в субботу?.. Так... Да они у вас голодные стоят. За такие дела будете наказаны.

Гецентов хмурится, смотрит в окно:

...Мало и еще очень слабо мы требуем с работников. До того подчас доходит, что, по сути, никто и ни за что не отвечает. Мои коллеги, руководители хозяйств, иной раз сокрушаются: скажем, загубил кто-то посевы, так чтобы взыскать с него за потраву, надо затратить немало сил и здоровья.

Я в этих случаях сторонник наказания рублем. У нас в совхозе разработана такая система. Если рабочий добросовестно трудился, не нарушал дисциплину, вел хорошо себя в быту, то месяц оценивается ему максимально — в пять баллов. Набрал за год 60 баллов — получаешь хорошую премию. Не набрал, потеряешь ощутимую сумму.

Был как-то случай. Приходит ко мне работница и говорит, что муж недостойно ведет себя дома: «Вы попугайте уж его, помогите». Хорошо, говорю. Позвонил председателю оценочной комиссии, там разобрались и с того человека сняли положенное количество баллов. А в конце года он лишился 150 премиальных рублей. Через некоторое время приходит его жена:

— Григорий Иванович, я же просила лишь попугать его.

— А я и попугал, — отвечаю.

— Так он принес домой на 150 рублей меньше.

— Я вот что тебе скажу. Ты теперь щи наливай ему за обедом пожиже и без мяса, а сама с детьми кушай с мясом, чтобы он и за столом свою вину чувствовал.

И сегодняшний случай обязательно будет рассмотрен на рабочкоме.

Едем в Писковичи, на центральную усадьбу совхоза. Там Гецентов должен встретиться с председателем облисполкома.

У двухэтажного здания конторы Григорий Иванович передает меня на попечение секретарю парткома Александру Филипповичу Карповичу. Пока у директора шло совещание, я посмотрел большое тепличное хозяйство, новые дома на берегу реки Великой, где живут рабочие совхоза, Дом культуры, местную школу...

Наконец совещание закончилось. Чувствуется, что Гецентов доволен разговором:

Решали вопросы, связанные с уборкой урожая... Ведь скоро очередной съезд партии — период подведения итогов, самое ответственное время. Я это знаю: был делегатом XXV съезда КПСС. Тогда нашему совхозу предоставили право подать рапорт на имя съезда. Высокая честь и доверие!

Вот и завершилась десятая пятилетка. Прямо скажу — хорошо мы поработали. Если в 1976 году произвели продукции почти на два с половиной миллиона рублей, то в нынешнем перешагнули рубеж в четыре миллиона. Даже в 1979 году, несмотря на неблагоприятные погодные условия, мы выручили почти три миллиона. А в этом году хороший урожай зерна, овощей, произвели больше мяса. Таких успехов добились за счет интенсивного ведения хозяйства и роста производительности труда. В 1976 году каждый рабочий давал продукции на 5720 рублей, а сегодня — почти на 7000.

За период между съездами построили высокомеханизированный животноводческий комплекс, каждая доярка обслуживает здесь по сто коров. Сейчас строим овощеводческий комплекс стоимостью в шесть миллионов рублей; скоро круглый год будем кормить псковичей свежими овощами. Только что сдали отличный механизированный ток производительностью до ста тонн зерна в день, обслуживать его будут всего два человека.

Ну и, конечно, строим много жилья. Вы видели наш микрорайон на берегу Великой? Скоро в деревне Загорицы начнем возводить индивидуальные дома: все больше людей хотят иметь усадьбу, домашний скот, мы всячески поощряем их.

Раздается стук в дверь, в кабинет входит парень. Увидев постороннего, мнется.

— Что случилось? — спрашивает Григорий Иванович.

— Да вот, до работы не допускают.

— Как тебя зовут?

— Валуев.

— Ах, Валуев! Почему ты не пришел вчера на планерку?

— Постыдился...

— А почему прогулял?

— Я ездил к тетке в гости и опоздал на автобус.

— А я знаю иную причину твоего прогула — пьянство. И это не первый случай. Пиши объяснительную...

Парень уходит и через некоторое время возвращается с листом бумаги. Григорий Иванович внимательно читает, потом смотрит на парня:

— Ты хорошенько поразмысли над своим поведением. Если думаешь у нас оставаться, работай. Будешь пьянствовать — уволим.

И по селектору:

— Евгения Александровна, Валуев написал мне клятвенное заверение, что будет прилежно трудиться. Может, поверим? Все-таки у парня есть совесть, коль постыдился прийти вчера на совещание.

Гецентов оборачивается ко мне:

Вот мы говорили о том, как растут совхозные доходы. Одновременно ведь увеличиваются и заработки. Полеводы получают у нас в среднем по 190 рублей, а механизаторы — не менее 270 рублей. Соответственно растет и достаток людей. Давайте заглянем сегодня в наш Дом культуры на концерт, и вы увидите, как хорошо и со вкусом одеты люди. А дом у каждого — полная чаша. У нас 30 человек уже купили машины, а сколько желающих!..

Помню, как раньше в деревне перед каким-нибудь религиозным праздником шла в церковь вереница людей, а обувь — через плечо: жалели.

Но вот что я думаю иногда. Почему случается так, что вещи и деньги становятся для некоторых людей главным лучом света в окошке? Работала у нас, например, одна молодая семья — дети уважаемых родителей. Трудились хорошо, потом уехали работать в другое место за «длинным рублем».

А когда вернулись, все увидели, что изменились люди — овладел ими дух стяжательства. И почему-то они решили, что дорогая мебель, хрусталь, ковры и машина дают им право смотреть на своих товарищей свысока. Даже друзей стали подбирать исходя из того, насколько те хорошо обеспечены...

Тут, на мой взгляд, лежат истоки мещанской идеологии, беспринципности. Вот я нередко слышу, что некоторые молодые люди крестят своих детей. А когда их спрашивают, как это совмещается с их пребыванием в комсомоле, отвечают: «Бабка с дедом заставили, иначе смотреть за внуком не будут». И как ни странно, отдельные люди относятся к этому доводу с пониманием.

Мои родители, особенно мать, были людьми верующими. Церковь находилась от нас недалеко, и в каждый религиозный праздник мы ходили туда. А вот как подрос, стал комсомольцем, дорогу в храм забыл. И на этом стоял твердо. Родители, конечно, погоревали... А чем же вызвана сегодняшняя беспринципность некоторых молодых? Обратите внимание, что просьба окрестить ребенка со стороны старших сопровождается, как правило, посулами помочь в строительстве дома, в покупке машины. Вот так эти молодые люди и соблазняются. Они прекрасно понимают, что поступают против совести, от-

того и придумывают доводы, будто их родители заставляют...

Думаю, материальные блага — это сегодня своего рода лакмусовая бумажка, на которой проявляется уровень культуры и гражданской зрелости человека. Можно иметь много вещей и быть их хозяином, а можно стать и их рабом. Возвращаясь к той семье, спрашиваю: где истоки ее зла? Очень хорошо ответила на этот вопрос мать молодого человека: «Промах я допустила в воспитании. В детстве отказа не знал ни в чем, хотя и рос в войну».

Как часто я слышу такие слова: «Он еще мал». А этому мальцу уже 17 лет. И до такого возраста он в семье только получает, потребляет. Родители кормят его, одевают.

Скажите, часто ли слышат наши дети, что надо беречь одежду, книги, карандаши, тетради, экономить газ, электроэнергию. Наоборот, им нередко твердят, что в нашей стране всего много — и нефти, и угля, и стали, и хлеба. Ребенок с детства приучается, что у нас всего в избытке. И, естественно, предъявляет требования — сначала родителям, потом государству. Да, наша страна богата, но это богатство нельзя транжирить, его надо беречь и приумножать. Вот чему мы должны учить человека с детства...

Едем в молодежный лагерь труда и отдыха. По дороге Гецентов с удовлетворением отмечает, что капуста нынче хороша и хлеб удался. Только бы погода не подвела. Когда проезжаем мимо аккуратно сложенных стогов, просит диспетчера соединить его с бригадиром четвертой бригады: «Вера Васильевна, нужно поощрить людей. Отлично сметали стога». Потом продолжает начатый в кабинете разговор:

Хорошо, когда в доме достаток. Люди должны жить зажиточно. Пусть побольше зарабатывают и пусть покупают красивые вещи. Ведь хлеб очень трудно достается. Я люблю смотреть на своих товарищей по работе в праздники, торжественные дни. Грудь многих украшают ордена и медали — все это свидетельства добросовестного труда. И сегодня у нас уже более 30 человек выполнили свои личные пятилетние планы.

Могу назвать десятки семей, которые красиво работают. Это шоферы Николай Михайлович Голубев, Алексей Александрович Гуков, овощеводы Нина Ивановна Неделина и Юлия Александровна Гаврилова, механизаторы Евгений Петрович Петров и Галина Николаевна Назаркова.

Есть у нас в деревне Обижа небольшая ферма. Там 300 коров, а ухаживают за ними только четыре доярки — Вера Дмитриевна Зимарёва, Татьяна Ивановна Букляшова, Евгения Дмитриевна Орлова и Нина Михайловна Ромашкина. Все они прекрасные мастера машинного доения коров, также досрочно выполнили пятилетнее задание. Такие люди живут многогранно, интересно, и совхоз не жалеет средств, чтобы удовлетворить полнее их запросы. Наши рабочие часто выезжают на экскурсии — в Киев, Минск, Петрозаводск и другие города. В Доме культуры совхоза часто выступают артисты из Москвы, Ленинграда, Пскова. А ведь это деньги, и немалые. Но мы не жалеем их, наш принцип: «Все для человека, все на благо человека».

Сейчас духовный уровень людей очень вырос. Вы, конечно, видели у нас на усадьбе церковь. Она — действующая и расположена метрах в 300 от Дома культуры. Так вот, Дом культуры всегда полон, а церковь... Разве что на пасху, когда сюда стекаются пожилые люди из окрестных деревень да местная молодежь, чтобы поглазеть на крестный ход. А ведь что было раньше!..

Совхозный детский сад.

В совхозной теплице хорошо работает комсомольско-молодежное звено Н. Жуковой.

В годы моей работы в «Красном Октябре» еще сильны были религиозные настроения. Хотя церкви поблизости не было, в каждом селе отмечали свой престольный праздник. А таких деревень у меня было 30...

Перед каждым таким праздником я ездил по бригадам, рассказывал о трудностях, которые переживала страна, беседовал о происхождении и сущности религиозных праздников, а потом раздавал наряды на работу. Выполните, говорил, потом празднуйте. И люди работали, зачастую без обеда. Разумеется, за такую, с позволения сказать, атеистическую работу я не раз получал нагоняи. Но в тех условиях она была, на мой взгляд, единственно возможной. Ну, а сейчас даже трудно представить, чтобы кто-то не вышел на работу в яблочный спас или на успение.

Падение влияния религии сегодня — это прежде всего результат коренных изменений в нашей жизни: экономических, политических, каких хотите. Большую роль играет и атеистическое воспитание. Им у нас занимаются коммунисты совхоза, учителя местной школы. В частности, неплохо действует комиссия по атеистической работе, в которую входят председатель сельсовета, секретарь партийной организации совхоза, председатель рабочкома, секретарь нашей комсомольской организации, препо-

даватели школы. По инициативе комиссии организован лекторий с тем же названием, что и ваш журнал.

Вообще идейному воспитанию людей мы уделяем большое внимание. Интересно, например, проходят у нас свадьбы. А вот в прошлом году отмечали золотую свадьбу Александра Никитича Шабанова, бывшего председателя сельсовета, и его супруги Анны Алексеевны. Их тепло поздравляли местные жители, работники совхоза.

Словом, стремимся к тому, чтобы жизнь была интересной, содержательной...

Среди небольшого соснового леса неподалеку от Псковского озера стоят 22 коттеджа — молодежный лагерь труда и отдыха. Тишина, все ушли на работу, остались только дежурные. Григорий Иванович здоровается с начальником лагеря, интересуется, как живут ребята. «Скоро покидаете нас... Жаль. Когда у вас закрытие лагеря? Послезавтра? Обязательно буду». Снова садимся в машину и Гецентов говорит:

Коллектив совхоза стабильный. В 1976 году у нас работали 734 человека, сегодня — 756. У меня как у директора проблем с кадрами нет. Люди идут к нам охотно — у нас хорошие условия труда, неплохие заработки, есть жилье.

Однако много внимания мы уделяем нашей смене — молодежи. Взять, к примеру, этот лагерь. Живут в нем старшеклассники псковских школ, проходят здесь свой трудовой семестр. И нам — помощь от них, и им — польза большая. Мы постарались создать своим помощникам нормальные условия. Приобрели домики, построили хорошую столовую. Работают в совхозе и ребята из нашей — Писковичской средней школы. Обычно в теплицах. Я очень доволен ими, особенно комсомольско-молодежным звеном, которое возглавляет практикантка, студентка пятого курса Великолукского сельскохозяйственного института Ирина Жукова.

Г. И. Гецентов (с л е в а) обсуждает с бригадиром механизаторов В. Егоровым ход уборки.

Фото автора.

В таких домах живут труженики совхоза.

Когда я бываю в школах, я никогда не зову ребят идти работать в совхоз. Идите, говорю, туда, куда чувствуете призвание. Ну, а тем, кто надумал работать у нас, предоставляем все условия. Если, скажем, человек по какой-то причине не смог получить среднее образование, то в совхозе есть заочная школа. За последние два года ее окончили около 30 человек. Вот и в этом учебном году 23 человека хотят продолжить учебу...

Вообще большинство работников совхоза учатся. Без этого нельзя. Народ верно подметил: чем больше науки, тем умнее руки. Сам я — член общества «Знание», веду семинар по изучению основ экономики сельскохозяйственного производства. Скажу прямо, польза от таких занятий совхозу большая. Однажды на семинаре главный агроном совхоза Сергей Георгиевич Лебедев рассказал, что в хозяйстве плохо обстоит дело с заготовкой сена. Слушатели не только внесли конкретные предложения, экономически обосновали их целесообразность, но и применили их на практике. В результате нам удалось заготовить своевременно 1200 тонн сена.

А сколько ценных предложений внесли наши механизаторы. И вот итог. Наш машинно-тракторный парк стал работать гораздо лучше. Производительность труда возросла там вдвое.

Гецентов снова включает рацию — спрашивает диспетчера, когда вышли комбайны.

— В начале первого, Григорий Иванович, — отвечает диспетчер.

— С утра роса очень сильная, косить невозможно. Хлеб только к полудню подсыхает, — поясняет Гецентов.

Мы едем на дальнее поле, где работают пять комбайнов бригады Виктора Николаевича Егорова. Слушая по рации его доклад, Григорий Иванович не скрывает удовлетворения:

Судя по всему, центнеров по 30 на круг возьмем. И ведь это в условиях Нечерноземья. Да если лет 15 назад я назвал бы такую цифру, меня засмеяли бы...

Хлеб для меня — цель жизни. Вкус у меня к нему обостренный. Я ведь ровесник Советской власти, родился в феврале 1917 года. Родителей своих не

знаю. Когда было семь месяцев, взяли меня из детского дома в одну семью. В ней было еще восьмеро детей. В то время государству тяжело было содержать сирот в детских домах. Оно платило хорошие деньги тем семьям, которые брали детей на воспитание. В этой семье относились ко мне очень хорошо, и своих приемных родителей я вспоминаю только добрым словом.

Наша семья считалась середняцкой: были корова и лошадь. Но не забывайте, что девять детей. А отец страдал малярией. Ходил в валенках и шубе весь год, даже в июле. Естественно, работник он был никудышный. Так что можете представить, как нам доставался каждый кусок.

Когда вырос — снова был связан с хлебом: избирали председателем сельсовета, год возглавлял колхоз «Красные Орлы». А после войны, как уже рассказывал, принял другой — «Красный Октябрь». Тогда все было подчинено одному: выращивать хлеб. Конечно, и картофель сажали, и капусту, и морковь. Но независимо от того, хороший ли ожидался урожай этих культур или неважный, все с трепетом душевным ждали хлеба. Сберег урожай, убрал его полностью — значит, год прожит не зря.

Лозунг «все для человека, все на благо человека» для меня не абстрактный, а полон большого смысла. Какая судьба была бы уготована мне, человеку без рода и племени, не будь Советской власти? Она воспитала меня, дала образование, доверила выращивать хлеб, кормить людей. Советской власти я обязан тем, кто я есть сейчас. Я не забывал об этом никогда — ни в войну, когда сражался в Белоруссии, Прибалтике и на Южном фронте, ни на хлебном поле. Все время стремился выплатить ей свой долг...

Возвращались поздно. Гецентов торопился посмотреть программу «Время». Позже он скажет, что не понимает руководителей, которые бравируют тем, что не слушают радио, не смотрят телевизор.

Я смотрю на него и думаю: вся его жизнь, как этот до предела насыщенный делами день. Беспокойный он все-таки человек. Сегодня ездит по хозяйству, а завтра сядет в поезд, чтобы отправиться в Рязань на заседание общественного поста журнала «Октябрь» по Нечерноземью. Вот услышал по радио, что завтра возможен дождь, и сразу за рацию — вносить коррективы в уборку хлеба.

А страна по достоинству оценила его труд. Гецентов — Герой Социалистического Труда, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета»...

И еще я думаю: наверное, здорово устает Гецентов, но, верно, и очень счастлив этой своей усталостью.

НАМ ПИШУТ

КАКОВ ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК

Хочу поделиться тем, что наболело на сердце, потому что вы сможете меня понять. Познакомилась я на работе с одной женщиной, Матреной Харитоновной. Работали вместе во вневедомственной охране, проще сказать, сторожами. Приходилось мне часто слышать от сменных сторожей, что Харитоновна опаздывает на работу: очень верующая она, службу в церкви не желает пропускать. А на собраниях нашего первого участка я ее не видела никогда. Ну что же, силком не потянешь, а потом ведь неизвестно, что у человека на душе, может быть, обида какая или горе.

Разговорились мы как-то с Матреной Харитоновной, и я узнала, что нет у нее своего угла, снимает она у хозяек койку, где придется, а из своих вещей, что получше, носит на себе или берет с собой на работу. Разве же это жизнь? Пожалела я эту несчастную женщину и решила ей помочь. Оказалось, что муж ее погиб, расстреляли его фашисты во время войны, и справка у Харитоновны об этом есть.

Я и захлопотала: «Давай напишем в Москву, приложим эту справку, вот ты и комнату получишь, перестанешь мыкаться по чужим углам». Она говорит: «Нет, не дадут, потому что я верующая». Кто-то ей вдолбил в голову, что верующим людям у нас хода нет. Я сама написала за нее заявление, отослала и радуюсь. А она сердится, зря, мол, ты все это затеяла. Жилось ей плохо: квартировала она у одной набожной домовладелицы, та кроме денег требовала еще, чтобы квартирантка и огород вскопала, и посадила, и хату побелила.

Пошла я, чтобы ускорить дело, в облпрофсоюз. Сначала там со мной и разговаривать не хотели. Но я сказала: «Будьте любезны меня выслушать, мне 72 года, а профсоюзный стаж у меня больше тридцати лет». Выслушали! Прошло какое-то время — и вот приходит ко мне на пост моя дорогая Харитоновна, сияет от радости и показывает ордер на комнату. Вызвали ее и вручили. Она земли не чует от счастья под собой. Признаться, я даже позавидовала в тот момент. Живу я с семьей в вечной суете и заботах, а как хотелось бы свою собственную комнатку иметь. Но я несказанно была рада за свою приятельницу.

Дали ей комнату в большом доме со всеми удобствами, в центре поселка — внизу магазины, рядом трамвайная остановка. Приглашала меня Харитоновна в гости, но пока я собиралась, откладывала со дня на день, она рассчиталась и ушла на пенсию. И не виделись мы несколько лет.

И вот однажды в воскресенье еду я с кладбища, пересаживаюсь в другой трамвай, вхожу и вижу — сидит моя Матрена Харитоновна! Я к ней с радостью подсела, подаю руку: «Здравствуй, милая, как поживаешь?» А она, представляете,— руки не подает! Говорит: «Я в церкви была!» Стало мне горько и обидно: значит, после церкви она святая, и я ей в подруги не гожусь. Сидит она отвернувшись, не смотрит в мою сторону. Ничего я ей не ответила, только подумала: это, что же, в церкви тебя научили отворачиваться от старых друзей? А ведь она в школе училась, когда уже не преподавали закон божий, может, и пионеркой была и вот такая набожная сделалась, что церковную свою «святость» боится по дороге из церкви растерять. Я-то в школу не ходила, набралась грамоты самоучкой от брата, если он разрешал смотреть его букварь. Посылать в школу всех детей было большой роскошью для бедняцкой семьи. Учили, как правило, мальчиков, а о девочках, о их грамотности не заботились, им ведь предстояло дома работать, в поле и на огороде, зачем им сильно грамотными быть?

Вот так между нами, Харитоновной и мной, оказалась на двухместном сиденье межа. Она к окну отвернулась, а я сижу на самом краешке и беззвучно плачу. Я ведь ездила на могилку своей дочери и наплакалась уже там. Может быть, вы думаете, что осуждала я Харитоновну за ее веру в бога? Нет, никогда. Понимаю, что надо уважать религиозные чувства верующего человека, и слова против ее веры не произнесла. Хочется тебе — пожалуйста, верь. Но чего же стоит эта вера, если в сердце нет любви к людям, нет доброты? Для показа? Я, мол, набожная, я в церковь хожу, а ты нет?

Ходила и я в церковь до 35 лет, все церковные законы исполняла, читала псалтырь по покойникам, апостола читала, а стала ли я сама от всех этих чтений светлей? Жила как впотьмах. До сих пор не знаю, что это такое: «Паки, паки, господу помолимся». Что такое «паки»? Спасибо, люди добрые научили меня другие книги читать. Очень пристрастилась я к историческим книгам: про декабристов, про Петра Первого, про всякий религиозный обман. Чем больше я читала, тем дальше уходила от религии и в конце концов рассталась с ней. Но верующих людей, особенно неграмотных, я жалею, разговариваю с ними уважительно, у меня есть верующие подруги, в гости к ним хожу, книги им приношу исторические, а попросят — и почитаю вслух.

Две мои подруги живут теперь в одной квартире. Одна верующая, другая нет. Неверующая — участница войны, фронтовичка, медицинская сестра учит грамоте свою верующую подругу. Мы с ней одно время работали вместе, очень она хороший человек. Добрая женщина, ласковая, всегда старалась, чтобы все на работе было хорошо. Так и я поступаю, и другие люди тоже, и дело тут не в том, верующий ты или неверующий, а уж какой ты есть человек — добрый или злой.

В. РУМЯНЦЕВА

г. Запорожье

Отец и сын Нургалиевы.

ПОЛЧАСА И ЕЩЕ МНОГО-МНОГО ЛЕТ

Адриан РОЗАНОВ

СЕЛО БУРАН Маркакольского района Восточно-Казахстанской области — на самом краю Советской земли. Семь месяцев в году из великих пустынь в долину Черного Иртыша, на улицы большого села вкатывается, грохоча, как скорый поезд, плотный ветрище. Тонкая пыль въедается в лица, в листву. Словно спасаясь от бурана, жмутся к земле саманные дома.

Обычная типовая трехэтажная школа из красного кирпича здесь выглядит подтянуто и даже горделиво. «Добро пожаловать!» — начертано над входом на русском, казахском, английском и немецком языках — эти языки изучают школьники. В коридоре смотрят с портретов умные люди всех времен и народов, подписи напоминают, что надо торопиться: Леся Украинка в 13 лет опубликовала в журнале первые стихи; Аркадий Гайдар в 17 лет командовал полком; Софье Ковалевской в 24 года присудили степень доктора философии...

Почти каждый год я бываю в этой школе и всякий раз встречаюсь с интересными нововведениями.

В кабинете физики занятия ведет молодой учитель Талант Кумашевич Нургалиев — высокий, с живыми черными глазами и чудесной белозубой улыбкой. Он нажимает клавишу — и окна закрываются шторами; трогает другую — опускается киноэкран; третья клавиша включает проектор, и класс смотрит учебный фильм «Полупроводники и их применение».

После урока мы идем в «технический центр» школы — комнату, где находится радиоузел, здесь стоят магнитофоны и проигрыватели, хранятся магнитофонные записи и грампластинки — около двух с половиной тысяч. «Центр» связан с каждым из сорока учебных кабинетов и производственными мастерскими. Юная лаборантка, вчерашняя десятиклассница управляет всем этим хозяйством. Сегодня, рассказывает она, преподаватель литературы Анна Ивановна Голосова просила передать в ее класс отрывок из «Василия Теркина», учительница Бигжамал Садыкова заказала для классного часа революционные песни — «Слезами залит мир безбрежный» и «Вихри враждебные».

— Отсюда можно передавать диктант, записанный на пленку,— поясняет Нургалиев.— Это удобно педагогу — он не прикован к тексту, а следит, как ребята работают.

На пульте замигала зеленая лампочка, раздался телефон-

ный звонок. Лаборантка подняла трубку, закивала: «Хорошо». Включила нужный проигрыватель, и в восьмом «Б» зазвучали стихи Гомера в исполнении Сурена Кочаряна.

А за окном скачет пыльный ветер — по серым плетням, по огородам, по рыжим барханам на берегу реки. И я жадно расспрашиваю, как удалось устроить в сельской школе, в 400 километрах от областного центра этакие чудеса.

Талант Кумашевич пожимает плечами:

— Пришлось парням из физического кружка повозиться, зато освоили системы связи и управления. В основном тут заслуга моего отца. Он в Москве пробился и к министрам, и к начальникам управлений. Доказал, что ребята в казахском ауле должны учиться на таком же уровне, как столичные школьники. К начальству отец считает неудобным ходить на костылях, надевает протезы, а носить их ему стало совсем трудно...

— Эй, эй! Не зря я тебя Талантом назвал! — раздается веселый голос директора школы Кумаша Нургалиевича Нургалиева.— У тебя просто удивительный талант заговаривать людям зубы своими физическими проблемами. Но я-то как-никак историк, и товарищу журналисту придется обратиться к истории.

Мы отправляемся с директором в «Зал боевой славы». Здесь горит Вечный огонь, замерли в почетном карауле пионеры в синих пилотках. Сверкает золотыми буквами мемориальная доска. 144 человека не вернулись с войны в село Буран. Имена их установили красные следопыты во главе с историком Кумашем Нургалиевым.

Часть стены отведена боевому пути гвардейского мотострелкового имени Александра Матросова полка. Фотографии рассказывают и о том, как матросовцы служат сегодня: торжественным маршем проходят молодые солдаты; парад вместе с ветеранами и старшими офицерами принимает директор Бурановской школы Нургалиев, улыбаясь своей молодой, как у сына, улыбкой. Неистовая воля понадобилась ему, чтобы сохранить свой оптимизм!

В свой первый бой младший сержант Кумаш Нургалиев вступил в 44-м под Великими Луками. Паренек из Восточного Казахстана волею судьбы попал в полк, где совершил свой подвиг рядовой Александр Матросов. Политрук, беседуя с молодыми бойцами, сказал, что погиб Саша, «смертию смерть поправ». Посреди окровавленных полей и пепелищ с черными печными трубами эти слова звучали естественно. Кумаш не ведал, конечно, что они из Библии, но Сашин порыв примерял на свою душу: сумеет ли он поступить так, чтобы своей гибелью спасти жизни других людей?

На исходе октября полк вышел на подступы к Риге. Впереди лежало неубранное картофельное поле, поросшее ржавой ботвой. У кромки темного сосняка протянулись проволочные заграждения и высилось нечто вроде холмика. Стоило кому-нибудь приподняться над полем, как холмик оборачивался головой чудовища с двумя мигающими пламенем глазками — пулеметы простреливали весь сектор наступления роты.

—Нургалиев! Взять четырех солдат, подавить огневую точку.

— Есть подавить!

Он пополз, грудью и животом втискиваясь в вязкую почву и приказывая себе не трусить. Гитлеровцы не услышали, как шуршит сухая ботва, как тихонько позвякивает разрезаемая колючая проволока. Перед дотом взметнулись легкие тени, громыхнули в проемах амбразур противотанковые гранаты, по выскочившим фашистам хлестнули автоматные очереди. Позади раскатывалось «ура», наши поднялись в атаку. И тут ударила немецкая артиллерия. Первый разрыв, второй. Нургалиев кинулся к свежей воронке, зная, что попадания в одно и то же место почти никогда не бывает. Ослепительная вспышка погасила все на свете...

Из письма медицинской сестры В. А. Шевелевой:

«Как я его впервые увидела? В палатку медсанбата внесли еще одни носилки, но они почему-то были пустые, только посредине лежит под шинелью какой-то сверток. Приподняла шинель, вскрикнула. Там лежал мальчик без обеих ног и руки — ее оторвало выше локтя, бледный, безжизненный. Мне так жалко его стало, и я взяла его на руки».

Сначала Кумашу почудилось, что он снова маленький, болен и мама его укачивает. Но почему-то мама пела по-русски. Кумаш удивился, открыл глаза и увидел белую косынку и грустные глаза девушки, которая его носила. Он хотел спросить — как она его, такого большого, таскает? Губы не слушались. Кумаш сообразил, что ранен, должно быть, тяжело. И сразу ему представились маленькие братики, сидящие рядком на лавке. И он спросил медсестру уже внятно: «Как ты думаешь, смогу я работать в колхозе хотя бы счетоводом?» Валя закусила губы и сдавленным шепотом ответила: «Сможешь, родненький, конечно, сможешь».

...И совсем так же она закусила губу 30 с лишним лет спустя, когда оказалась в Казахстане, в селе Буран, в доме Нургалиевых, и на первой странице их семейного альбома увидела свою фотографию — большеглазая девушка в пилотке со звездой. Когда-то на обороте этого снимка она чернильным карандашом написала: «Кумаш! Помни меня такой, какая я здесь». А теперь под ее фотографией было написано: «Ей было 17 лет, когда она подарила папе жизнь. Это его вторая мама». Так написала Гуль, младшая дочь Кумаша.

За Бураном течет сильная ласковая река — Черный Иртыш. Под обрывом, в глубоком омуте тихо кружится темно-зеленая вода. Валин муж, прилетевший вместе с ней в гости к казахским друзьям, забрасывал спиннинг. И глядя, как он пытается укротить вытащенную им скользкую упругую щуку, хохотал бывший мальчишка, которого Валя носила на руках, — директор одной из лучших школ Казахстана. Разве можно было вообразить себе такое 30 с лишним лет назад?..

Гремя намокшей под дождем плащ-палаткой, в медсанбат вошел командир полка. Отрывисто спросил: «Где тот младший сержант?» Валя протянула к нему руки с лежавшим на них безжизненным свертком. Командир прикрепил на грудь Нургалиева орден Красного Знамени, сказал: «Спасибо, солдат» — и отвернулся.

Из письма хирурга А. М. Молоденкова:

«Дорогой Кумаш! Самая большая награда хирургу от больного — это та, что он жив... Один я, конечно, ничего не сделал бы. Преданные своему делу хирурги Зайцев и Каверина помогали мне. У медсестер Наташи Солодкиной и Лизы Великановой брали кровь для тебя. Ты их видел, как пришел в себя, и должен помнить. Они все время находились рядом, так как надо было вырвать тебя у смерти.

Дорогой Кумаш, я уж не говорю, сколько мужества и благородства проявила Валя Изотова (ныне Шевелева)».

Прохладный деревянный дом Нургалиевых возле школы. Не раз я гостил в этой большой казахской семье, где говорят друг с другом вполголоса, не кричат на расшалившихся детей, встречают гостей радушно, но без назойливых знаков почтения.

Первое мое знакомство с Нургалиевым было не из приятных. Редакция республиканской газеты поручила мне расследовать жалобу двух молоденьких учительниц, уволенных из Брановской школы. Я ринулся в село с решимостью сочинить фельетон об этаком удельном князьке от педагогики, свившем феодальное гнездо в отдаленном районе. Сходу влетел в кабинет директора и задал вопрос: как могло случиться, что в н а ш е время, из н а ш е й школы прогоняют молодых специалистов, не успевших даже...

Произнося свою запальчивую тираду, я, однако, смог заметить, что директор не только не обеспокоен появлением гневного корреспондента, но исполнен обезоруживающей добродушной иронии — он смотрел мне прямо в глаза и улыбался улыбкой человека, абсолютно уверенного в своей правоте. И когда я притормозил, он задал мне неожиданный вопрос:

— Знаете ли вы, что есть педагоги, которых нельзя подпускать к детям на пушечный выстрел? Да, у уволенных девушек есть дипломы, но морального права учить детей у них нет. За полгода они нам это доказали. Вы скажете, здоровый коллектив обязан заняться воспитанием бедных девушек. Но, пока мы воспитываем невоспитанных учительниц, они принесут много вреда детям. Мы предлагали им устроиться в селе на другие должности — они посчитали это обидным.

Очень спокойно и убедительно доказал он мне несостоятельность жалобы, которая привела меня в Буран. Переубеждал меня весь облик этой школы. Я ходил по кабинетам, встречался с учителями и все больше проникался доверием к тем, кто здесь работает. Оказалось, две трети здешних педагогов — бывшие ученики Нургалиева. Некоторые, закончив вузы и получив направление в городские школы, предпочли вернуться «к Нургалиеву». В Маркакольском районе преподавателей не хватает — физиков, математиков, учителей иностранных языков, а в Брановской школе штаты заполнены. И если какой-то другой школе района требуется директор или завуч, то эти кадры чаще всего берут «у Нургалиева»...

Потом мы беседовали с директором почти до рассвета. Выяснилось, что мы воевали рядом — на Втором Прибалтийском фронте, в составе соседних армий шли к столице Латвии, вспомнили малоприметные латышские населенные пункты, молчаливых хуторян, сосновые боры, тихие речки и камыши Лубанской равнины. Я уснул на диванчике в спальне Нургалиева и пробудился часа через два, услышав, что директор встает. Я осторожно выглянул из-под одеяла и увидел, что Кумаш Нургалиевич смотрит в зеркало и улыбается. Учителя и ученики видят его в неизменно хорошем настроении. Никому и в голову не приходит, что их директор способен болеть. Как я узнал позже, он — инвалид первой группы — за три десятка лет брал бюллетень один лишь раз...

Через несколько лет после первой встречи я вновь сидел на том же диванчике в спальне Нургалиева и читал письма хирургов и сестер медсанбата, вернувших его к жизни в военные годы. Три с лишним десятилетия эти медики ничего не слышали о судьбе своего бывшего пациента. Но вот в «Правде» появилась статья К. Нургалиева о работе школы. После этого в Буран стали приходить письма — от однополчан, товарищей по госпиталям, медиков. Каждый проникается особой симпатией к тому человеку, которому он сделал добро. Врачи и медсестры помогли второму рождению Нургалиева. И все они, как оказалось, помнили его, беспокоились: как сложится его жизнь?..

Не раз приходилось мне слышать и читать истории святых мучеников и великомучеников. Мне кажется, что у тех, кто составлял церковные жития, не хватило бы красок изобразить то, что пришлось пережить Нургалиеву: как, спасая его от гангрены, врачи подпиливали его кости, подрезали и сшивали сухожилия и кровеносные сосуды. Святые мученики умерщвляли плоть, всячески унижали свое человеческое достоинство ради призрачного загробного блаженства. Нургалиев не верил в бога. Он верил в жизнь и высокие обязанности человека. Эту веру, как умел, внушал мальчишке его отец, овцевод из тихой деревни Сорвенок, так и не осиливший грамоты, но вступивший в 1921-м в партию большевиков. Вместе с русскими крестьянами-переселенцами отец гнал белобандитов с Кабинского нагорья и заводил в селе новые порядки.

Школьные учителя, красные командиры, врачи и медсестры укрепляли в Кумаше веру в силы и возможности человека. И нечеловеческие муки не убили ее. Черноволосый, похожий на галчонка младший сержант страдал среди людей и вместе с людьми. Едва хоть немного становилось легче, он начинал думать о тех, кто упорно не отпускал его в лапы смерти. Недвижимый, бессильный, мечтал когда-нибудь согреть заботой и сердечным теплом усталых врачей и бледных до синевы медсестер. Собрать бы их всех на родине летом, на берегу прекраснейшего в мире озера Маркаколь, окаймленного горными лесами, чтобы полюбовались они, как меняет цвет вода, становясь то темно-зеленой, то фиолетовой, то густо-синей...

Кумаш недвижно лежал на спине и глядел в серое прибалтийское небо, удивляясь острой боли в ногах и левой кисти. Он только начинал понимать, как сильно болит то, чего нет, и то, что эта боль — навсегда. Он еще только учился не думать о страдании. Носилки втащили в нутро ревущего «ЛИ-2», самолет взял курс на Москву.

Всякий раз, бывая в Москве, Кумаш Нургалиев приезжает на улицу Радио, поднимается по широкой лестнице дома № 10-а. Теперь здесь педагогический институт, а в годы войны в этом здании размещался эвакогоспиталь. В палате, где сейчас большая аудитория, он пролежал почти два года. Сюда он приводил жену и всех своих пятерых детей — когда они подрастали и могли понять необычную историю второго рождения отца.

Глухими ночами, когда палата похрапывала во сне, на него наваливалось беспросветное отчаяние. Кому он нужен? Матери? У нее и так четверо малышей. Канипе?..

Он и Канипа родились в один и тот же день в соседних избах Сорвенка, и, по казахскому поверью, самой судьбой им было предначертано стать счастливыми супругами. Едва научившись ходить, Канипа и Кумаш вместе играли и, случалось, своенравная крепенькая девчонка поколачивала своего «жениха». Вместе окончили семилетку, вместе собрались ехать в педагогическое училище. Но Кумашу надо было кормить семью, и в 15 он поступил на службу — секретарем сельсовета, а вскоре был выбран колхозным комсомольским вожаком.

Госпитальными ночами Кумаш снова и снова представлял себе колхозный ток и грохочущую старенькую молотилку. Парни подают снопы пшеницы, а наверху стоит Канипа и вилами заталкивает их в жадную пасть машины, покрикивая на нерасторопных джигитов: «Эй, шевелись, ленивцы!» И закатные лучи солнца пронизывают пыльное облако.

Уходя в армию, он, улыбаясь, сказал Канипе: «Жди, скоро Гитлеру капут!» Она отвечала ему серьезно: «Буду ждать тебя всегда». Кумаш не написал, какая беда с ним стряслась, сообщил только, что в госпитале. И удивительно: скоро в Москву прилетело письмо от Канипы: «Сердцем чувствую, что тебе очень-очень тяжело. Знай, я всегда рядом с тобой, что бы ни случилось». От нее он узнавал о деревенских и районных новостях, о том что на Кабинском нагорье

Учащиеся Бурановской школы на воскреснике.

снова тают снега и колхозные ребятишки готовятся к весеннему севу вместе с женщинами и стариками.

Соседями Кумаша по койке были офицеры Сергей Леванов и Константин Глебов. Первый потерял ногу и руку, второму ампутировали ногу. Им было легче, чем Кумашу. И они стали для него рассказчиками, чтецами, поильцами-кормильцами, няньками-санитарами — короче, настоящими друзьями. Часто к Сергею приходил его брат — преподаватель военной академии, присаживался на койку Нургалиева, шутил:

— Здорово, вольный друг степей! Хватит бездельничать, учиться тебе надо. Начинай с русского языка...

Подполковник Леванов сунул под подушку Нургалиеву только что изданную «Повесть о настоящем человеке», принес потрепанные учебники русского языка и литературы. Вскоре к раненым стали приходить учительницы из ближней школы. Зинаида Алексеевна Толстикова занималась с Нургалиевым русским языком, Наталья Васильевна Балдина преподавала историю, географию. Наверное, этим пожилым женщинам приходилось очень нелегко — работа в школе, очереди за продуктами, искореженные войной семьи. Но они никогда не опаздывали на уроки и спрашивали с Кумаша строго.

В госпитале он сдал экстерном экзамены за восьмой, девятый и десятый классы русской школы, окончил курсы бухгалтеров. Нургалиев и сегодня с гордостью показывает свой бухгалтерский диплом, где лишь одна «четверка», остальные — «пятерки».

В начале 46-го Кумаш впервые встал на протезы. Постоял пять минут и рухнул без сознания. А через два месяца вместе с новым другом по имени Толеу, казахом из Актюбинской области, начал обходить Москву. Два сержанта ходили вокруг Кремля, медленно двигались по Третьяковке, по Историческому музею.

Осенью 1946 года в кабинет секретаря ЦК ЛКСМ Казахстана вошел паренек в ладно сидевшей гимнастерке, украшенной орденом боевого Красного Знамени. Под плечо аккуратно подвернут пустой рукав.

— Бывший секретарь комсомольской организации колхоза «Третья пятилетка», бывший член Маркакольского райкома комсомола Нургалиев с воинской службы явился!

— Тебе нужна наша помощь?

— Я знаю русский язык. Мне написали, что в моем родном селе нет преподавателя. Пошлите меня.

Секретарь полистал документы младшего сержанта и нахмурился:

— Так у тебя и ног нету? Тебе, наверное, отдохнуть надо?

— Мне отдыхать нельзя, у меня мама и семеро маленьких.

Бывают же на свете совпадения: 29 октября, в день рождения комсомола и в день своего рождения, Кумаш Нургалиевич начал первый урок в селе Сорвенок, что недалеко от озера Маркаколь. Объясняя предмет, учитель расхаживал по классу, и на его лице была счастливая улыбка победителя. Он написал в Москву З. А. Толстиковой: «Многоуважаемая, дорогая и милая Зинаида Алексеевна! Я очень счастлив, я учитель, преподаю детям ваш родной язык. Прошу вас, разделите мою радость. Кроме того, послал заявление на заочное отделение исторического факультета Казахского педагогического института. Меня выбрали заместителем секретаря партийной организации колхоза «Третья пятилетка». Так что, как видите, поблажек себе не даю. Вы правильно говорили, что это лучший способ чувствовать себя вполне здоровым. Канипа, о которой я вам рассказывал, меня дождалась. Скоро мы отпразднуем свадьбу».

Всего 30 минут прошло с того мгновения, как младший сержант Нургалиев получил боевой приказ, до того, как он с товарищами подавил огневую точку противника. Его подвиг и сегодня ставят в пример всем молодым солдатам имени Матросова гвардейского полка. А потом начался другой подвиг Кумаша Нургалиева, длящийся уже много-много лет. Казалось, инвалид, обремененный огромной семьей, должен бы стараться избегать острых конфликтов. Но у скромного учителя, ветерана войны, всегда имелось собственное мнение, он бескомпромиссно отстаивал свою точку зрения.

Кумаша Нургалиевича назначили завучем средней школы райцентра Алексеевки. На новом месте он вступил в борьбу с директором школы — белоручкой и выпивохой. Комиссия из Усть-Каменогорска, разбиравшая дело, рекомендовала старого директора от работы отстранить, а на его место назначить Нургалиева. Некоторые считали: не потя-

нет. Нургалиев не только потянул — с первых дней директорства начал проявлять преданность делу и требовательность. «Вы лучше скажите,— говорил он защитникам лентяев,— почему я, инвалид, нашел в себе силы хорошо закончить среднюю школу, почему нахожу время нормально учиться в институте, а вполне здоровые люди позволяют себе увиливать от учения?»

Через год, по настоянию облоно и нового секретаря райкома партии, его направили в Буран — директором крупнейшей в районе школы-интерната.

Кумаш Нургалиевич переехал туда, имея уже 12 иждивенцев — у него с Канипой к тому времени было пятеро детей. И жить директору с семьей было негде, и преподавать приходилось в три смены. Тесно было и во многих других школах района, но именно Нургалиев первым добился сооружения нового школьного здания. Сам следил за стройкой, появлялся там рано утром, требовал, чтобы каменщики, плотники, маляры и штукатуры работали на совесть, заставлял переделывать, если замечал брак. Обрывал телефонные провода, если не подвозили вовремя кирпич, раствор. Через два года школа была признана одной из лучших в Восточном Казахстане, она стала участницей ВДНХ, удостоилась диплома Всесоюзной выставки.

Школьники активно помогают совхозу — работают на полях и фермах. В один из моих приездов в Буран Нургалиев с гордостью поведал мне, что минувшей весной старшеклассники приняли в совхозных отарах более 25 000 новорожденных ягнят.

— У нас теперь на массовый прием новорожденных ягнят отправляются все старшеклассники. Это — лучший практикум по чабанскому делу, в котором нам никак не обойтись без молодого поколения, это и воспитание нравственности, ибо много чище становится человек, если своими руками помогает живому существу появиться на свет. Заработанные девятиклассниками деньги идут на полезное дело: летом они едут в Москву.

Нургалиев сам намечает московский маршрут для своих питомцев. Красная площадь, Мавзолей. Затем — вокруг Кремлевской стены, к Ленинской библиотеке, в Третьяковку, в залы Исторического музея — в той же последовательности, как и он, когда во второй раз учился ходить.

— По-настоящему я начал знакомиться с миром и постигать смысл жизни тогда, в московском госпитале. Я хочу, чтобы мои ученики всегда помнили слова Твардовского: «Где мы с тобой, там и Москва!»

За тридцать с лишним лет учительской работы Нургалиев со школьным педагогическим коллективом вывел в жизнь около трех тысяч мальчиков и девочек. Среди бывших учеников есть и животноводы, и ученые, и комбайнеры, и офицеры. Одни уехали за пределы Казахстана, другие остались в родном селе.

В Латвии, на том месте, где младший сержант Нургалиев подавил фашистский дот, стоит небольшое село Слямпе. В нем Кумаш Нургалиевич побывал несколько лет назад. Сейчас пионерская дружина латышской восьмилетней школы носит имя воина-казаха Нургалиева. Латышские мальчишки и девчонки задумали побывать в Восточном Казахстане, на берегу Черного Иртыша, подняться на Кабинское нагорье, к озеру Маркаколь, туда, где вырос Кумаш...

Педагогическое образование получили две дочери и три сына Канипы Айкеновны и Кумаша Нургалиевича. К боевой награде директора Бурановской школы добавились орден Ленина и другие высокие награды за мирный труд. Теперь-то — считают некоторые — заслуженный учитель школы Казахской ССР Нургалиев имеет полное право со спокойной совестью уйти на отдых.

— Эй, эй, рано меня списываете! — весело сердится Кумаш Нургалиевич. — Теперь, когда я кое-что узнал и кое-чему научился, мне никак нельзя уходить из школы!

НАМ ПИШУТ

Нетипичная история

■ Около 40 лет проработал я директором школы. Встречался с сотнями родителей, беседовал с ними — советовались, как лучше воспитывать детей. Вспоминается беседа с одной многодетной матерью, сын которой отказывался вступить в пионеры. На вопросы учителя, почему он не желает стать пионером, мальчик, опустив голову, долго молчал, а потом произнес: «Мамка не велит — боженька накажет».

Мы много и подолгу беседовали с матерью, и вот однажды мальчик с гордостью надел красный галстук. Совсем недавно он вернулся из рядов Советской Армии со значком «Отличник боевой и политической подготовки». Сама наша жизнь сделала из него человека с активной жизненной позицией. Таких примеров из моего опыта можно привести немало. Но вот случай, о котором я хочу рассказать,— он буквально потряс меня.

...Черный платок, опущенные плечи, общее ощущение подавленности. Только когда приглядишься, увидишь: совсем не старая, миловидная женщина. Наверное, очень украсила бы ее улыбка. Те, кто не знает ее истории, думают: «Наверное, большое горе у человека». И удивляются, узнав, что живет она в кооперативной квартире, что у нее двое ребятишек, заботливый муж.

И все-таки беда случилась. Для Марии Петровны ею стало увлечение баптизмом. Родные и близкие говорят: «Словно подменили ее». Вспоминают, как любила она свой дом, как заботилась о сыновьях, горячо интересовалась их жизнью, учебой, слушала рассказы о школе, о товарищах. А затем все изменилось...

С некоторого времени Мария Петровна начала часто уходить из дома по вечерам. Возвращалась молчаливая, безучастная к тому, что происходило в родных стенах. А со временем вообще перестала заниматься домашним хозяйством, заботиться о детях. Когда муж пытался выяснить, что же произошло, она говорила лишь о боге, о вере, спасении. И он никак не мог понять, почему же ей не хочется побыть с сыновьями, почитать, посмотреть телевизор? Удивлялся: неужели религиозное чувство может вытеснить даже материнскую любовь. Вместе с мужем встревожились и родные Марии Петровны — сестры, братья, мать: «Да что же это за вера такая, что из-за нее ты бросаешь детей? — говорили они ей. — Разве не видишь, сколько зла пришло в твой дом с тех пор, как ты вся ушла в свои молитвы? Не замечаешь, как тяжело с тобой самым близким тебе людям?» Уговоров родных Мария Петровна словно не слышала. «Бог нас рассудит», — вот и весь ответ.

И вот отец пишет заявление в комиссию по делам несовершеннолетних: «Моя жена не занимается воспитанием своих детей. Когда меня не бывает дома, они предоставлены самим себе. Как отец я не могу спокойно смотреть на происходящее». Потом мы сидим дома у Марии Петровны — женщины, которая сама, по доброй воле, ушла в мир иллюзий. Нам от души больно, обидно за нее: можно ли так обкрадывать себя? Она твердит одно: «Так богу угодно» — и не хочет даже слышать наши голоса — людей, которые по-настоящему желают ей добра.

Такой религиозный фанатизм — случай, конечно, исключительный. Но при этом следует все же заметить, что мало кто сегодня в полной мере понимает, насколько сильным может быть религиозное влияние и какой вред оно приносит людям. Нас не должна успокаивать исключительность, нетипичность этих случаев.

Е. ЗОЛОТОВИЦКИЙ,
член комиссии по делам несовершеннолетних при исполкоме Реутовского горсовета

г. Реутов
Московской области

ГОВОРИТЬ С ЛЮДЬМИ ПРОСТО И ДОХОДЧИВО

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ — ВАЖНЕЙШАЯ ЗАБОТА ЛЕКТОРОВ ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ». СЛОЖНЫЕ, МНОГОГРАННЫЕ ЗАДАЧИ, КОТОРЫЕ ПАРТИЯ СТАВИТ ПЕРЕД ПРОПАГАНДИСТАМИ, ТРЕБУЮТ ОТ НИХ ПОСТОЯННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МАСТЕРСТВА, ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ВЫСТУПЛЕНИЙ. О ТОМ, КАК ВЕДЕТСЯ ЭТА РАБОТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РАССКАЗЫВАЕТ НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ» РСФСР, ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК КУЛЬТУРЫ РСФСР МАРИЯ СЕРГЕЕВНА ХРОМОВА.

— ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВЫШЛИ ДВА ВАЖНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КПСС — «О ДАЛЬНЕЙШЕМ УЛУЧШЕНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ, ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ» И «О СОСТОЯНИИ И МЕРАХ УЛУЧШЕНИЯ ЛЕКЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ». КАКУЮ РАБОТУ ПРОВОДИТ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» РСФСР В ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЭТИХ РЕШЕНИЙ ПАРТИИ?

— Сердцевиной лекционной деятельности было и остается формирование марксистско-ленинского мировоззрения. Главная цель, к которой стремятся наши лекторы, — воспитание у советских людей глубокой убежденности и политической сознательности, высокой культуры и коммунистической нравственности. Они всесторонне разъясняют трудящимся проблемы марксистско-ленинского учения, рассказывают об актуальных проблемах внутренней и внешней политики Советского государства, о задачах по строительству материально-технической базы коммунизма, о том, с какими успехами наш народ идет навстречу XXVI съезду КПСС.

Ежегодно в Российской Федерации читается свыше 15 миллионов лекций на общественно-политические, научно-технические и естественнонаучные темы. И все они несут в себе мощный идейный и мировоззренческий потенциал.

— А КАК ЭТО ВЫГЛЯДИТ В ЛЕКЦИЯХ ПО НАУЧНОМУ АТЕИЗМУ?

— Большинство выступлений наших пропагандистов-атеистов посвящены таким важным и актуальным в современных условиях проблемам, как «Атеистическое наследие классиков марксизма-ленинизма», «Конституция СССР о свободе совести», «Мировоззренческие основы научного атеизма», «Религия и современная идеологическая борьба». Популярен цикл лекций «Научный атеизм о мире, человеке и обществе», который включает критику богословских взглядов на вопросы космологии, физики, биологии и психологии. Многие выступления посвящены проблемам нравственного содержания научного атеизма и критике религиозных поучений о нравственности. Немало лекций по научному атеизму освещают наследие классиков марксизма-ленинизма. Наряду с критикой религиозной обрядности глубоко раскрываются содержание и закономерности формирования новых гражданских ритуалов, обрядов и праздников. И конечно же, лекторы не забывают традиционных тем: научную критику современной религиозной идеологии, а также Библии, Корана и других религиозных книг.

— ОДНАКО НЕ ВСЕГДА, — И ЭТО ПОДЧЕРКИВАЛОСЬ В ПОСТАНОВЛЕНИИ ЦК КПСС «О ДАЛЬНЕЙШЕМ УЛУЧШЕНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ, ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ», — КАЧЕСТВО ЛЕКЦИЙ УДОВЛЕТВОРЯЕТ СЛУШАТЕЛЕЙ...

— Отрыв от жизни, от местных конкретных условий, недостаточная убедительность доводов в критике религиозной идеологии, использование устаревших примеров, фактов, цифр, просчеты методического порядка — все это, к сожалению, еще встречается в выступлениях. Не везде достаточно продуманно разрабатывается тематика лекций по научному атеизму. В частности, мало у нас еще выступлений, посвященных научной критике ислама, иудаизма, некоторых других религиозных направлений.

Сейчас мы прилагаем усилия, чтобы наладить более строгий контроль за тематической направленностью лекций. В научно-методических советах по пропаганде научного атеизма есть группы рецензентов из числа наиболее подготовленных и опытных лекторов. Более 50 методических пособий и лекций, подготовленных на местах, прорецензировали в прошлом году члены научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при правлении общества «Знание» РСФСР.

Сегодня в своих выступлениях лекторы стали больше обращать внимания на состав аудитории. При этом они не только учитывают социально-демографические и социально-психологические характеристики и ценностные ориентации слушателей, но и перед выступлением стараются ближе знакомиться с коллективом, аудиторией, интересуются характером задаваемых людьми вопросов. Особо пристальное внимание уделяется молодежи.

Следует сказать также о весьма существенной для нашей пропаганды теме «Религия и современная идеологическая борьба». Эта тема не может рассматриваться только как атеистическая. Она, как это видно из самого названия, тесно связана с актуальными вопросами современности: с идеологическим противоборством социализма и капитализма, с необходимостью разоблачать всю фальшь империалистической пропагандистской клеветы на советскую действительность и показывать правду о первой в мире стране победившего социализма, с необходимостью раскрывать гуманистическую сущность марксистского атеизма, связь атеистического и интернационального воспитания.

Среди других постоянно действующих форм работы все большую популярность завоевывают циклы лекций. Правление общества «Знание» РСФСР в истекшем году вело 260 таких циклов по самым различным вопросам политических и естественнонаучных знаний. Например: «Философские проблемы физики», «Достижения современного естествознания и религия», «Актуальные вопросы нравственного воспитания советского человека» и другие. Я также отметила бы лектории и кинолектории по научному атеизму, школы начальных знаний о природе, обществе и человеке, клубы «Атеист».

Особое место в пропаганде атеизма занимают народные университеты. Сейчас на 542 факультетах научного атеизма этих университетов занимаются свыше 55 тысяч слушателей. Успешно работают они в Ставропольском и Краснодарском краях, Татарской, Дагестанской, Башкирской автономных республиках, Владимирской, Пензенской, Ростовской, Тульской областях.

Надо отметить, что атеистическая тематика стала теперь более органично вписываться в систему коммунистического воспитания. Она сегодня — неотъемлемая часть программ и учебных планов в сотнях народных университетов самых различных направлений — ленинских основ научного коммунизма, исторических знаний, медицинских и естественнонаучных, коммунистического воспитания и быта, педагогических знаний.

— КАКИМИ ПУТЯМИ ЛЕКТОРЫ ДОБИВАЮТСЯ ПОВЫШЕНИЯ НАУЧНОГО УРОВНЯ И ДЕЙСТВЕННОСТИ СВОИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ?

— Обеспечение высокого уровня атеистической пропаганды требует постоянного использования в арсенале пропагандистов новейших достижений современной науки. Устная пропаганда не может считаться научной, если не соединяет теоретического знания с практикой, с жизненным опытом людей, не способствует выработке твердой идейной убежденности, активной жизненной позиции. И очень важно, чтобы в любом выступлении, в том числе в лекциях по научному атеизму, подчеркивался нравственный потенциал трудовых достижений, передового опыта производственников, успехов социалистического соревнования, борьбы за экономию средств и материалов, укрепления трудовой и государственной дисциплины, общественного порядка.

Что же касается наступательности в лекциях по научному атеизму, то, с одной стороны, она предполагает яркий, аргументированный показ преимуществ социалистического строя, возрастания морального авторитета социализма, усиления его притягательной нравственной силы. С другой стороны, лекторы общества «Знание» с необходимой остротой и принципиальностью — разумеется, присущими им методами убеждения и создания общественного мнения — должны вести непримиримую борьбу с измышлениями клерикальной пропа-

ганды о положении религиозных организаций в нашей стране, об ущемлении прав верующих.

— В ПОСТАНОВЛЕНИИ ЦК КПСС «О ДАЛЬНЕЙШЕМ УЛУЧШЕНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ, ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ» ПОДЧЕРКИВАЕТСЯ, ЧТО УСПЕХ ЕЕ «ВСЕЦЕЛО ЗАВИСИТ ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И МЕТОДИЧЕСКОГО УРОВНЯ ПРОПАГАНДИСТСКИХ КАДРОВ». КАК ВЕДЕТСЯ ПОДГОТОВКА ЛЕКТОРОВ АТЕИСТОВ?

— В нашей республике имеется немало высококвалифицированных пропагандистов атеизма. Только при правлении общества «Знание» РСФСР их свыше 300.

За последние три года правление общества «Знание» РСФСР и самостоятельно, и вместе с правлением Всесоюзного общества «Знание» и другими организациями провело 17 республиканских и зональных семинаров по актуальным вопросам атеистического воспитания. Аналогичным путем идут и правления организаций общества «Знание» в автономных республиках, краях и областях РСФСР. Особенно удачно, на наш взгляд, проходят такие семинары в Астраханской, Башкирской, Кировской, Липецкой, Ростовской, Рязанской организациях.

В ряде мест эти семинары проводятся с учетом специализации лекторов. Так, в Ставропольской краевой организации по итогам социологических исследований был организован семинар, на котором рассматривались особенности атеистической работы среди сельского населения в районах, где распространено православие. Интересно прошел семинар лекторов, специализирующихся на критике ислама, в Карачаево-Черкесии.

Весьма эффективная форма работы — постоянно действующие семинары. На уровне республики для них создана перспективная программа. Здесь установился сравнительно стабильный контингент участников, выполняющих в своих организациях функции лекторов-консультантов или руководителей научно-методических советов. Это дает возможность более оперативно разъяснять важнейшие общественно-политические события, а также систематически консультировать лекторов по актуальным вопросам развития теории научного атеизма и оказывать им действенную методическую помощь.

Началась эта работа после того, как в 1978 году президиум правления общества «Знание» РСФСР принял решение об организации постоянно действующего республиканского семинара лекторов-атеистов на тему «Актуальные вопросы атеистического воспитания в свете решений XXV съезда КПСС». В его программу были включены темы: «Конституция СССР о свободе совести», «Современная идеологическая борьба и религия», «История, культура и атеистическое воспитание», «Мировоззренческие аспекты в пропаганде естественнонаучных знаний».

Первое занятие состоялось в том же году в Новгороде. Его материалы легли в основу методического пособия для лекторов «О свободе совести», выпущенного обществом «Знание» РСФСР в 1979 году. Второе занятие — «Современная идеологическая борьба и религия» — состоялось в конце 1979 года в Суздале. В октябре прошлого года в Смоленске прошло занятие на тему «История, культура и атеистическое воспитание». Сейчас ведется подготовка к очередной встрече — «Мировоззренческие аспекты в пропаганде естественнонаучных знаний».

Выступать на таких семинарах мы приглашаем ведущих ученых и пропагандистов научного атеизма, преподавателей вузов. Большую помощь в организации и проведении республиканских семинаров оказывают обкомы и райкомы партии тех регионов, где они проводятся.

Как я уже говорила, подобные постоянно действующие семинары стали практиковать и многие организации общества «Знание» автономных республик, краев и областей. На наш взгляд, заслуживает внимания опыт Липецкой областной организации, где семинары — составная часть комплексного плана работы по атеистическому воспитанию населения, разработанного научно-методическим советом.

В последнее время мы убедились в плодотворности проведения зональных семинаров. Они позволяют обсуждать проблемы, существенные для того или иного региона. В прошлом году такие семинары прошли в Хабаровском крае — для лекторов Восточной Сибири, в Чувашии — для областей Среднего Поволжья, в Алтайском крае — для юга Западной Сибири. Эту форму работы мы будем развивать.

Организации общества «Знание» РСФСР составляют программы своих семинаров с учетом связи пропаганды с жизнью, с решением хозяйственных и политических задач. Например, обсуждение вопросов социалистической обрядности на семинарах-совещаниях в Перми, в Краснодаре и недавно в Чебоксарах показало, что для повышения идейно-воспитательного потенциала социалистических праздников и обрядов нужно решить целый ряд организационных, методических и материально-технических вопросов в масштабах республики. Участники этих семинаров предложили ходатайствовать о создании специальной комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам при Совете Министров РСФСР. Правление общества «Знание» РСФСР направило соответствующее письмо в Совет Министров РСФСР.

Следует отметить, что в организации семинаров есть еще недостатки. Так, в их программе реже, чем хотелось бы, ставятся вопросы методики чтения лекций, передается опыт использования наглядных пособий и технических средств пропаганды. К сожалению, лекторов — участников семинаров — редко еще направляют в города и районы для оказания помощи пропагандистам на местах, особенно сельским. Кроме того, в ряде местных организаций мало заботятся о подготовке лекторов, способных выступать перед аудиторией на ее родном языке. В Астраханской области, например, из восьми лекторов, выступающих по критике ислама, нет ни одного, владеющего татарским или казахским языком.

— В НАШЕЙ СТРАНЕ, КАК ИЗВЕСТНО, — БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ НАСЕЛЕНИЯ В ВОЗРАСТЕ ДО 30 ЛЕТ. ЧАСТО ЛИ ПЕРЕД ЮНОШАМИ И ДЕВУШКАМИ ВЫСТУПАЮТ ИХ СВЕРСТНИКИ — МОЛОДЫЕ ЛЕКТОРЫ?

— Проблема действительно актуальная. Очень важно сохранить преемственность в передаче опыта от старшего поколения молодым. Во многих автономных республиках, краях и областях РСФСР такая работа ведется, и неплохо. Например, два года назад президиум правления Башкирской организации общества «Знание» принял решение, согласно которому комсомол республики направил в школу лекторов 90 комсомольских работников, учителей, медиков, инженеров и техников. Мы со своей стороны оказали этой школе конкретную помощь — посылали регулярно в Башкирию квалифицированных лекторов, знающих местные условия. Первый выпуск школы состоялся весной 1979 года.

Школы молодого лектора есть и в Кировской области: в педагогическом, сельскохозяйственном и политехническом институтах, в университете марксизма-ленинизма горкома партии. Кроме того, научно-методический совет областной организации общества «Знание» приглашает молодых лекторов два-три раза в год на заседания секции атеизма, прослушивает и рецензирует их лекции.

И все же этого явно недостаточно. Мы должны добиться, чтобы школы молодого лектора были организованы во всех краях, областях и автономных республиках Российской Федерации.

В организации учебы лекторских кадров, в том числе и молодых, немалая роль и домов научного атеизма. Они призваны обобщать положительный опыт атеистического воспитания, разрабатывать методические материалы в помощь пропагандистам. Не так давно научно-методический совет по пропаганде научного атеизма при правлении общества «Знание» РСФСР слушал отчет Московского Дома научного атеизма. Было отмечено, что работает он неплохо. Здесь, например, созданы кабинеты по анализу и критике буржуазно-клерикальной пропаганды, по новым советским праздникам и обрядам, по методике атеистической пропаганды, оказывающие существенную помощь лекторам.

Всего в Российской Федерации 12 домов научного атеизма, но, к сожалению, деятельность многих из них оставляет желать лучшего. Одна из причин заключается в том, что находятся они в ведении различных организаций — органов культуры, профсоюзов и т. п. Практика показывает: следует передать их в одни руки. Думаю, такое объединение наибольшую пользу принесло бы в рамках общества «Знание», что позволит скоординировать их работу. А Московский Дом научного атеизма, накопивший интересный опыт, мог бы стать здесь ведущим центром.

Это только один из аспектов общей проблемы координации действий и управления лекционной пропагандой. На наш взгляд, научно-методическим советам и секциям следует взаимодействовать между собой. Это прежде всего относится к общественно-политическим отраслям знаний. Необходимо также укреплять контакты организаций Общества с органами просвещения, профтехобразования, высшего и среднего специального образования, развивать сотрудничество с органами культуры, творческими союзами, комсомолом и профсоюзами, с тем чтобы сделать работу по атеистическому воспитанию отвечающей требованиям времени.

В заключение следует сказать, что, готовясь к XXVI съезду партии, организации общества «Знание» Российской Федерации значительно обновили тема-

тику лекций, в том чиле по атеизму. С октября 1980 года прочитано свыше ста циклов лекций по предсъездовской тематике. Ряд организаций (Карельская, Рязанская, Пермская и др.) провели смотры-конкурсы на лучшую лекцию. В Архангельской, Свердловской и других областях в ходе подготовки к съезду партии родилась новая форма — коллективные выезды рецензентов в сельские районы для прослушивания лекций и непосредственной помощи коллегам в первичных организациях колхозов и совхозов, при этом особое внимание уделялось выступлениям, в которых раскрывалось содержание проекта ЦК КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

Однако предстоит еще и многое сделать. Для повышения идейно-теоретического уровня лекций и лекторского мастерства необходима специализация лекторов, своевременное обобщение и распространение их опыта. Уровень методических рекомендаций, библиографических обзоров и программ, выпускаемых Обществом брошюр в помощь лектору нужно также повысить.

Лекторы должны помнить: сегодня они имеют дело с человеком общества развитого социализма — слушателем информированным, образованным, многое знающим. Естественно, у него стали выше и требования к содержанию и культуре лекционной работы, ее формам и методам. Значит, выступления лекторов во всем — и в логике рассуждения, и в характере аргументов, и в объеме оперативной информации — должны соответствовать новому уровню развития слушателей, их возросшей образованности и культуре. Надежным ориентиром в нашей работе всем пропагандистам должны служить замечательные слова товарища Леонида Ильича Брежнева, произнесенные при вручении ему Ленинской премии: «Необходимо взять за правило говорить с людьми простым и доходчивым языком, откровенно и по-деловому, пора отрешиться от пышных слов, казенщины и механических повторений. Надо привыкнуть писать, вкладывая в каждую фразу собственную живую мысль, собственные чувства».

Информация, хроника

В СОЮЗЕ ЖУРНАЛИСТОВ СССР

● Секретариат Союза журналистов СССР принял решение о создании всесоюзной секции журналистов, пишущих на атеистические темы. В задачи секции входит оказание методической помощи сотрудникам журналов, газет, издательств, радио, телевидения в подготовке материалов по атеистической проблематике, организация профессиональной учебы, улучшение информированности журналистов по вопросам атеистического воспитания.

На секцию возлагается подготовка творческих семинаров, организация передачи лучшего опыта работы над атеистической темой в печати, координация мероприятий, направленных на повышение роли печати, радио и телевидения в атеистической пропаганде, руководство аналогичными секциями при местных организациях Союза журналистов.

В состав бюро секции вошли представители центральных газет и журналов, ведущих издательств страны, всесоюзного радио и центрального телевидения, республиканской и областной печати.

Одним из первых мероприятий, которые готовит секция, будет всесоюзный семинар журналистов, пишущих на атеистические темы.

НАШИ ПРАЗДНИКИ

В. ТЕОСЕВ

В ЛЮБОМ разговоре — об образе жизни, быте, о нашей многонациональной культуре — мы неизбежно касаемся обрядов, традиций и обычаев. В них — душа народа, его история. Недаром говорится: как без определенных черт характера нет человека, так нет народа без традиций и обычаев. И советские обычаи, традиции и обряды — плоть от плоти нашего образа жизни, потому они сегодня так прочно вошли в каждый дом, в каждую семью.

Прикаспийский край в дореволюционные годы был захолустной окраиной России. Сейчас в Астрахани два театра, филармония, историко-архитектурный музей, 28 клубов, домов и дворцов культуры, семь музыкальных и три художественные школы, около десята массовых библиотек, десятки кинотеатров и стационарных киноустановок. В городе свыше 50 общеобразовательных школ, 20 техникумов, четыре высших учебных заведения. С их непосредственной помощью мы активно пропагандируем новые обычаи и традиции.

Особенно популярны у нас впечатляющие по форме и богатые по содержанию обряды, сопровождающие наиболее важные события в жизни людей: торжественное вручение паспорта, посвящение в рабочий класс, регистрация новорожденных и, конечно, свадьбы.

Я часто бываю в городке целлюлозно - картонного комбината. И всякий раз, проходя мимо великолепного Дворца культуры, вижу броские слова афиш: «Здесь работает комната счастья», «Сегодня проводится вечер встречи с ветеранами труда», «Читается лекция по новой обрядности».

Тут проходят встречи ветеранов труда с молодежью, посвящения в рабочий класс, торжественные проводы в Советскую Армию, комсомольские свадьбы, регистрация новорожденных, вручение паспортов. По установившейся традиции вручают паспорта у нас в дни рождения выдающихся деятелей Коммунистической партии и государства. Так, в дни рождения Владимира Ильича Ленина и Ильи Николаевича Ульянова паспорта молодым гражданам вручаются в Доме-музее Ульяновых, в день рождения Сергея Мироновича Кирова — в Кировском мемориальном доме-музее. В День Победы юноши и девушки получают паспорта в зале Боевой славы областного историко-архитектурного музея.

Свой Дворец культуры есть и у астраханских корабелов. Несколько лет назад в нем был открыт музей трудовой и боевой славы. Здесь новички начинают знакомство с заводом, его традициями. В музее проводятся также торжественные посвящения в рабочие.

Первые шаги пришедшего на тепловозоремонтный завод молодого рабочего тоже начинаются в музее трудовой славы — со знакомства с историей завода, его трудовыми традициями. Ребят тепло встречает председатель совета музея, член совета наставников завода В. Н. Терехов. У стенда «Дорогами войны» он рассказывает о боевом пути работников завода, участвовавших в Великой Отечественной войне, у стенда «Дружба с пограничниками» — о легендарной пограничной заставе имени Героя Советского Союза старшего лейтенанта И. И. Стрельникова. Регулярно проводятся в музее встречи молодежи с руководителями, специалистами завода, приглашаются сюда и родители молодых рабочих. Идет разговор о традициях коллектива, о преемственности поколений, о нравственном облике советского рабочего.

На станкостроительном заводе хорошо проходят торжественные проводы в армию. В этот день бывшие воины, ветераны труда и Великой Отечественной войны, представители общественности вручают «Наказ молодому воину»: «Коллектив Астраханского станкостроительного завода, провожая тебя на службу в ряды Советской Армии, наказывает: Помни! Наши отцы в трудный час отстояли социалистическую Отчизну от посягательств врагов. И твой долг — каждым прожитым днем, каждым биением сердца утверждать на земле коммунизм, беречь и приумножать славные традиции Советских Вооруженных Сил».

Станкостроители поддерживают тесную связь с ушедшими на военную службу молодыми рабочими. В день рождения каждого и к революционным праздникам посылают поздравительные открытки, в которых рассказывают о трудовых успехах товарищей, всего предприятия. И на это воины отвечают высокими показателями в боевой и политической подготовке, а по окончании срока службы, как правило, возвращаются на родной завод.

Многие улицы в городе носят имена наших земляков — героев Великой Отечественной войны. Работники учреждений культуры совместно с депутатами Советов и активом провели интересные по форме и содержанию праздники улиц имени Наташи Кочуевской и Степана Здоровцева, в которых участвовали сотни людей. Подобные праздники — это тоже часть большой воспитательной работы, формирующей атмосферу нашей жизни — климат творчества, горячей заинтересованности во всех наших делах.

г. Астрахань

ОТВЕЧАЯ ЗАПРОСАМ ПРОПАГАНДИСТОВ

А. БЕЛОВ,
заведующий редакцией литературы по научному атеизму Политиздата ЦК КПСС

Съезды партии — знаменательные вехи на пути прогрессивного развития нашего общества, претворения в жизнь величественных замыслов и планов. Каждый из них заставляет оглянуться назад, оценить пройденное, обобщить сделанное, чтобы отчетливее увидеть будущее, те проблемы, которые предстоит решить.

XXV съезд КПСС поставил ряд важнейших задач в деле формирования научного мировоззрения, коммунистического воспитания трудящихся в духе высокой идейности, преданности идеалам коммунизма, преодоления пережитков прошлого как непременного условия гармонического развития личности. Они нашли свое развитие в ряде принятых ЦК КПСС постановлений, в частности в постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», где обращено внимание на разработку и осуществление конкретных мер по усилению атеистического воспитания, на необходимость повышения ответственности коммунистов и комсомольцев в преодолении религиозных предрассудков.

Немалую роль в пропаганде партийных решений, мобилизации идеологического актива на их реализацию играет массово-политическая литература. Для идеологических работников, занимающихся вопросами атеистического воспитания, особое значение имеют издания, в которых раскрывается практика организации и методика воспитательной работы, опыт пропаганды научного атеизма на местах. Поэтому Политиздат, выпускающий в течение ряда лет серию «Библиотека атеиста», акцентировал внимание на издании брошюр о конкретном опыте атеистического воспитания и привлек в качестве авторов в первую очередь партийных работников и пропагандистов.

За последние годы значительно расширилась география авторского актива редакции. Выпущенные в свет брошюры создавались в Ленинграде и Новосибирске, Киеве и Кишиневе, Караганде и Калуге, Ужгороде и Житомире, Минске и Ашхабаде. Это дало возможность читателям ознакомиться с постановкой атеистического воспитания в самых различных регионах страны.

В брошюрах серии отражены отдельные аспекты атеистической работы, касающиеся особенностей пропаганды научного мировоззрения в тех или иных конкретных условиях и в различных социальных слоях населения. Например, А. А. Лебедев рассматривает значение конкретных социологических исследований для повышения эффективности атеистического воспитания, используя при этом социологические материалы города Калуги и Калужской области, экономическое, социальное и культурное развитие которых типично для обширной полосы европейской части СССР. И не случайно многие читатели в своих письмах, адресованных в Политиздат, отмечают, что брошюра очень помогла им в организации подобных исследований. Это означает, что задача, поставленная автором, в известной мере решена: опыт, о котором он рассказал, стал достоянием пропагандистов за пределами его области.

В 1980 году в серии «Библиотека атеиста» выпущена книга секретаря Житомирского обкома КП Украины В. Е. Острожинского «Обрядность в нашей жизни». Автор анализирует работу партийных и общественных организаций этой области по утверждению новой, социалистической обрядности. Опыт весьма самобытный и интересный, да и рассказывается о нем живо, с меткими характеристиками и зарисовками. Не случайно брошюра вызвала много откликов. Вот один из них: «Книга «Обрядность в нашей жизни» очень нам помогла. Мы давно на заводе думали о том, как торжественно оформить события в жизни членов нашего коллектива — начало трудовой деятельности молодых рабочих, первую получку, выполнение планов и т. д. Опыт житомирчан подсказал нам, как превратить эти события в праздничные, как построить работу, кого привлечь. Может быть, у нас пока еще не все получилось, как надо. Но вот посвящение в рабочие прошло, по мнению всех, очень трогательно и интересно. Организовали мы совет по новой обрядности. Активно взялся за дело комсомол. А когда возникают вопросы, вновь и вновь обращаемся к книге. Она у нас стала как бы настольной...» Это письмо пропагандиста В. Фетисова из Горького — лучшая оценка изданию, которое приносит пользу в практической деятельности идеологического актива.

Какую бы из брошюр серии мы ни взяли, каждая по-своему раскрывает те или иные стороны атеистического воспитания и, таким образом, служит повышению его эффективности. Это и брошюра В. А. Сапрыкина «Рука доброго друга» — об опыте атеистической работы в условиях города, и брошюра Р. П. Платонова «В поисках высокой действенности» — о работе партийных комитетов и организаций по развитию и совершенствованию политической пропаганды, повышению ее роли в формировании научного мировоззрения, атеистической убежденности масс. В работе П. Я. Кюбара «Совет атеистов действует» речь идет о деятельности одного из советов атеистов при райкоме партии. Как строится его работа, какие трудности возникают, какие новые формы и методы воспитания применяются на практике — обо всем этом рассказано обстоятельно, с критическим анализом недостатков, которые, естественно, имеются.

С интересом встретили читатели брошюру А. А. Алимбаева «Молодым — атеистическую убежденность». И это понятно. Вопросы воспитания молодежи всегда привлекают внимание. В данном случае раскрывается конкретный опыт, накопленный в Казахской ССР и ряде других районов страны, прежде всего опыт трудовых коллективов. Сам по себе материал, обобщенный здесь, дает основание для раздумий о повышении действенности атеистического воспитания молодежи, о поисках наиболее эффективных средств идеологического влияния на молодое поколение.

Выходят в этой серии и издания методического характера. К ним, в частности, относится брошюра В. И. Мурашовой и А. П. Хмельницкой «Беседа по душам». Несомненно, разговор о такой важной форме атеистической работы, как беседа, принесет пользу тем, кто их ведет.

Как видим, уже эта краткая характеристика некоторых изданий, выпущенных в серии «Библиотека атеиста», говорит о том, что пропагандисты научного атеизма получают полезные пособия, дающие им и методические советы, и информацию о накопленном опыте воспитательной работы. Вместе с тем следует сказать, что далеко не все выпущенные брошюры написаны на достаточно высоком уровне, глубоко и всесторонне раскрывают тему. Есть среди них такие, которые оставляют желать лучшего и с содержательной, и с литературной стороны. Редакции предстоит дальнейшая работа и над улучшением авторского состава, и над повышением качества изданий. Но общая оценка читателей свидетельствует

о том, что выпуск серии своевремен и актуален, она вносит свою лепту в дело формирования атеистической убежденности людей.

Конечно, не только книги этой серии пропагандируют те задачи, которые призвано решать атеистическое воспитание. Каждое издание, выпущенное редакцией литературы по научному атеизму, в той или иной степени нацелено на то, чтобы способствовать повышению действенности атеистической работы, формировать у людей активную жизненную позицию, утверждать научное мировоззрение. Отсюда и широкий тематический диапазон литературы, и поиски новых ее форм, и ее жанровое разнообразие.

В читательских письмах положительно оценивается выпуск таких книг, как «Мир вокруг нас» и «Разум побеждает». В них предпринята попытка мировоззренческого осмысления естественнонаучных открытий последнего времени. Ведь нужно признать, что у нас проявляется явно недостаточное внимание к естественнонаучной критике религии. Между тем она имеет важное значение в формировании материалистического мировоззрения. И тот факт, что авторы этих двух книг — виднейшие и авторитетнейшие ученые страны, делает эти издания особенно весомыми и значительными. Отмечу, что обе книги составлены в основном из статей, напечатанных в журнале «Наука и религия».

Еще одно издание подготовлено при непосредственном участии редакционного коллектива журнала «Наука и религия». Это сборник «Я — атеист». Его авторы — ученые, общественные деятели, литераторы, работники культуры, рабочие и колхозники — рассказывают о том, как формировалась их атеистическая убежденность. В книге на примерах человеческих судеб раскрыто воздействие социалистического образа жизни, сложившихся в нашем обществе отношений, нашей морали на формирование духовного мира человека. Авторитет таких авторов, как генерал армии П. И. Батов или летчик-космонавт Г. Т. Береговой, народная артистка СССР Е. Н. Гоголева или известный всей стране механизатор М. Е. Довжик, знатный слесарь-сборщик В. В. Ермилов или академик А. П. Окладников, говорит сам за себя.

Особое внимание уделено у нас выпуску литературы по научному атеизму для массового читателя, в том числе и для верующих. Для этой категории читателей издается серия «Беседы о мире и человеке». Книги серии — небольшие по объему, живо написанные, поднимают проблемы, которые волнуют многих людей и неизменно вызывают их интерес. Отсюда и значительный спрос на издания.

Формирование атеистической убежденности — сложный процесс. Критика религиозных взглядов и представлений еще не решает задачу. Важнейшая сторона этого процесса — утверждение материалистического мировоззрения, коммунистических идеалов. И в этом отношении, как нам представляется, в атеистической литературе последних лет произошли существенные сдвиги, что, естественно, сделало ее более эффективной.

Выдвинутое партией требование комплексного подхода ко всему делу коммунистического воспитания как главного условия повышения действенности идеологической работы нашло отражение и в пересмотре подхода к изданию атеистической литературы. Авторы стали теснее увязывать атеистическое воспитание с нравственным, трудовым, интернациональным, идейно-политическим, патриотическим. Четче проявляется дифференцированный подход к различным группам читателей.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико - воспитательной работы» определена одна из важнейших задач идейно-воспитательной и информационной работы: помогать советским людям распознавать фальшь клеветнической империалистической пропаганды, «в ясной, конкретной и убедительной форме разоблачать ее коварные методы, нести людям правду о первой в мире стране победившего социализма».

Буржуазно - клерикальная пропаганда прилагает немалые усилия для того, чтобы дезинформировать советских людей, представить в ложном свете положение религии, церкви, верующих в СССР, извратить политику партии и государства в религиозном вопросе. Делается все возможное для того, чтобы вызвать у религиозных людей недоверие к тем целям, которые ставит «атеистическая власть», иными словами, вбить клин между верующими и неверующими, нарушить единство нашего народа.

С целью разоблачения пропаганды западных клерикальных центров редакция начала выпускать сборник «Аргументы», который предполагается издавать примерно раз в год. Первый выпуск «Аргументов», на наш взгляд, получился содержательным и актуальным. Его авторы сумели раскрыть истинный смысл пропагандистских акций ряда западных религиозных центров, показать, как под прикрытием фальшивого лозунга «защиты прав человека» осуществляются подрывные действия против СССР и других социалистических стран.

При формировании редакционных планов издательство учитывает запросы читателей, внимательно относясь к их просьбам и предложениям. Как уже говорилось, в значительной мере мы опираемся на авторов с мест, ибо считаем, что любой положительный опыт должен стать общим достоянием.

Редакция самокритично относится к своей работе. Мы видим свои недостатки. В частности, признаем, что пока еще слабо поднимаем проблемы, связанные с нравственными ценностями. А те немногие книги, которые написаны на эту тему, к сожалению, не могут удовлетворить ни своей убедительностью, ни литературным качеством. Конечно, во многом деятельность редакции определяется уровнем научной разработки тех или иных проблем атеистического воспитания. Мы будем настойчивей вести поиски интересных авторов, заинтересованнее работать с ними. Хочется думать, что в ближайшее время появятся заслуживающие внимания книги, убедительно раскрывающие несостоятельность религиозной нравственности, показывающие преимущества коммунистической морали.

В своем выступлении на октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии нашей страны Л. И. Брежнев поставил в прямую связь с решением планов социального и экономического развития внимательное, заботливое отношение к человеку, решительное преодоление бюрократизма, черствости, чванства, которым не должно быть места в советском образе жизни. Заботой о человеке проникнут программный проект «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Ведь высшей целью деятельности ленинской партии является в конечном счете служение интересам народа, повышение его благосостояния.

В литературе по коммунистическому воспитанию эти вопросы должны занять важное место. Мы стремимся к тому, чтобы наши книги пробуждали творческую активность, прививали людям чувство ответственности за решение задач, поставленных партией, помогали преодолевать пассивное отношение к жизни, воспитывали массы в духе коллективизма.

Немало сложных задач стоит перед редакционным коллективом. Мы уже наметили, как отразить решения XXVI съезда КПСС. Они должны быть в первую очередь отражены в учебной литературе, в книгах и брошюрах, адресованных идеологическому активу, слушателям системы партийного образования. Совместно с Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС готовится справочник «Атеистическое воспитание», где предполагается увязать задачи атеистической работы с решениями съезда.

Массовая литература должна отвечать потребностям практики идеологической работы, атеистического воспитания. Она должна идти в ногу с жизнью. Думая о ее совершенствовании, мы стараемся сделать ее не только более глубокой по содержанию, научно анализирующей процессы и тенденции в тех сферах жизни, которые в той или иной степени связаны с формированием научного мировоззрения, но и яркой по форме, языку, стилю, оформлению, разнообразной по тематике. Именно эти задачи поставлены в принятом в мае 1980 года решении коллегии Госкомиздата СССР «О выпуске и содержании литературы по научному атеизму». В свете решений XXVI съезда партии выполнение этих задач особенно актуально.

КОСМОС СЛУЖИТ ЗЕМЛЕ

В. ШАТАЛОВ, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза

Медная арабская астролябия, изготовленная в 1054 г., использовалась в Ягеллонском университете (Польша), и тогда, когда там учился Н. Коперник (конец XV в.).

Модели в натуральную величину состыкованных космических кораблей «Союз-19» и «Аполлон», установленные на ВДНХ в Москве.

У ЗНАМЕНИТОГО польского писателя-фантаста Станислава Лема в романе «Магелланово облако», написанном за несколько лет до запуска первого искусственного спутника Земли, есть такие строки: «Вступая в новую сферу жизненной деятельности, человек встречает сопротивление неизвестного. Первые попытки человека преодолеть сопротивление неизвестного могут иногда не принести ничего, никаких практических результатов. Однако, как учит нас история, они необходимы. Без первых попыток высечь искру не было бы огня».

Думается, что эта мысль прекрасно характеризует два этапа в развитии космических исследований: период разведочных полетов и нынешний, когда достижения практической космонавтики во все возрастающей степени служат народному хозяйству и самым различным областям науки и техники. Перечислю лишь некоторые: составление прогноза погоды и космическая связь, изучение природных ресурсов Земли и контроль за состоянием окружающей среды, оценка урожайности сельскохозяйственных культур и изучение жизни Мирового океана...

Исторический путь познания человеком Вселенной начался с того, что он стал смотреть в небо с Земли. Затем он стал смотреть из Космоса в Космос. А теперь пришло время, когда он может смотреть на Землю из Космоса. Таким образом, круг познания как бы замкнулся. Теперь космическая технология применяется на Земле. Это обстоятельство важно и потому, что подобное земное применение космической технологии объединяет не только инженеров и ученых, работающих в области космических исследований, но и так называемых потребителей: тружеников сельского хозяйства, лесоводов, исследователей Земли, врачей и психологов. Сотрудничество всех этих специалистов необычайно ценно. И в известном смысле можно сказать, что если у них есть проблемы, то в руках космонавтики — решение этих проблем.

Обзор практических приложений современной космонавтики мне хотелось бы начать с «расшифровки» тех сообщений, которые во время пилотируемых полетов на орбитальной станции «Салют-6» регулярно публиковались в печати: «Космонавты продолжали съемку отдельных районов территории Советского Союза и акватории Мирового океана с помощью фотоаппаратуры МКФ-6М...»

В космонавтике, как, вероятно, ни в одной другой областч исследований, успех научных изысканий и расширение их практического применения находятся в прямой зависимости от создания новой аппаратуры, от смелости инженерного мышления, от комплексного подхода к решению встающих задач, от развития международного сотрудничества. В 1976 году специалисты нашей страны и ГДР создали фотосистему для съемок из Космоса МКФ-6, которая была испытана во время эксперимента «Радуга», проводившегося в ходе орбитального полета В. Быковского и В. Аксенова на корабле «Союз-22».

Эксперимент «Радуга» был посвящен исследованиям эффективности применения одного из основных способов получения видеоинформации — многоспектральной кадровой фотоаппаратуры. В чем же особенности и достоинства этого метода?

Прежде всего, изображение здесь получается за сотые доли секунды и поэтому искажения, возникающие за счет движе-

ния космического аппарата, сводятся к минимуму. Такая аппаратура обладает и высокой степенью разрешения, что позволяет использовать ее для картографирования. Если же съемку производить так, чтобы каждый последующий снимок перекрывал предыдущий не менее чем наполовину, то можно получить стереоскопические изображения. А это позволяет определять уже и высоту отснятых объектов.

Но фотографии в видимом спектре излучения не позволяют, к сожалению, выявить многочисленные физико-химические особенности и состояние этих объектов. Возможности исследования и его информативность существенно расширяются, если мы разбиваем весь видимый спектр на несколько спектральных зон и производим одновременную съемку. Из нескольких таких узкоспектральных снимков можно синтезировать в дальнейшем цветные снимки как в естественных, так и в условных цветах.

Огромный объем информации, получаемой таким методом, требует и нового подхода к ее обработке, то есть необходима полная автоматизация этого процесса: вручную, по старинке, результаты одной космической экспедиции придется обрабатывать годами.

Современные электронно-вычислительные машины и наземная аппаратура позволяют оперативно отобрать видеоинформацию в зависимости от интересов исследователей, «рассортировать» ее по объектам и зонам спектра, «привязать» полученные снимки к системе географических координат, трансформировать в ту или иную картографическую проекцию, привести к нужному масштабу и выполнить необходимую тематическую обработку видеоинформации. Приведу лишь один пример той пользы, которую получают от использования космических фотографий геодезисты.

Из Космоса за пять минут снимается территория общей площадью около одного миллиона квадратных километров. К тому же масштаб космической съемки практически ничем не ограничен. Одним снимком, например, можно охватить площадь в 30—50 тысяч квадратных километров. Всего лишь на основании 30 снимков, полученных из Космоса, была смонтирована фотокарта Арало-Каспийского региона площадью в 2,4 миллиона квадратных километров. Если бы эту работу выполнять с помощью традиционной аэрофотосъемки, то потребовалось бы 60—70 тысяч снимков. Да и заняло бы это почти пять лет.

Но дело не только в быстроте космической съемки. Оказывается, большие высоты (200—300 километров), с которых она ведется, позволяют получать принципиально новую информацию. Возьмем, геолого-поисковые работы. Как раньше искали месторождения полезных ископаемых? Многочисленные геологические партии проводили поисковые наблюдения, на основе которых создавалась мозаичная карта перспективных поисковых районов. И были на этой карте, естественно, многочисленные «белые» пятна, так как охватить геологической «съемкой» все территории практически невозможно. А дальше главным фактором становилась интуиция исследователя, его убежденность в перспективности именно данного района.

Сейчас же поиск полезных ископаемых начинается с обзорного космического исследования, которое позволяет получить принципиально новую информацию. С больших высот, как оказалось, мы можем судить и о глубинном строении Земли. Сквозь слой верхних рыхлых отложений «просвечивается» строение более глубоких горизонтов земной коры. Причем для такой орбитальной геологической съемки не являются помехой ни покров почвы, ни города и поселки, ни таежные дебри. На снимках явственно выступают многотысячекилометровые разломы земной коры и другие элементы геологических структур, которые позволяют геологам с большой точностью прогнозировать открытие месторождений. Так, в

Многоканальная фотокамера МКФ-6 и изучение пробных снимков, полученных во время ее испытания.

Космонавты В. Быковский и В. Аксенов прибыли в Целиноград из района приземления после космической экспедиций на корабле «Союз-22» (1976 г.).

Фотохроника ТАСС.

частности, подтвердилось предположение о наличии больших запасов нефти на полуострове Мангышлак, а одну из перспективных нефте- и газоносных структур в Западной Сибири, выявленную на космических фотографиях, геологи даже назвали «космической».

Здесь я хотел бы выступить и в защиту такого «старомодного» в наш век научно-технической революции метода, как визуальные наблюдения. Съемку из Космоса можно производить, и она постоянно осуществляется при полетах специальных автоматических спутников. Но ведь автоматы работают по заданной программе, а человек, находящийся на борту орбитальной станции, может самостоятельно выбрать район и наиболее благоприятные условия для его изучения, выделить характерные участки этого района, зафиксировать наиболее интересную информацию на бортовом магнитофоне. При фотографировании, как известно, на качество космического снимка существенное влияние оказывает состояние атмосферы и стекла иллюминатора. Все побывавшие в Космосе единодушно отмечают, что «картинки», наблюдаемые человеческим глазом, заметно отличаются от фотографических и телевизионных изображений. Таким образом, и визуальные наблюдения могут существенно повысить информативность космических снимков.

Расширению возможностей использования космических наблюдений в интересах народного хозяйства способствует и инициатива экипажей наших орбитальных станций. Во время полета на «Салюте-6» космонавты Ю. Романенко и Г. Гречко предложили сориентировать станцию ее продольной осью в направлении на центр Земли и одновременно вращать ее вдоль поперечной оси со скоростью, равной угловой орбитальной скорости на данной высоте. Такое состояние станции специалисты назвали режимом гравитационной стабилизации. Именно при таком режиме космонавты могут наблюдать через все иллюминаторы станции одновременно гораздо большие территории. За счет этого уже получены дополнительные сведения об атмосфере Земли, ее облачном покрове, Мировом океане и поверхности нашей планеты.

Используя методы визуального наблюдения, съемку специальным широкоформатным фотоаппаратом КАТЭ-140 и, конечно, снимки, сделанные в видимом и других участках спектра с помощью установки МКФ-6М, участники многочисленных экспедиций на «Салюте-6» получали информацию о фронте уборки зерновых, о сенокосе, о распространении сорняков в посевах, о предполагаемом урожае в центральных районах нашей страны. И, вероятно, не так далеко время, когда самая объективная и оперативная информация о ходе сельскохозяйственных работ будет поступать в Центральное статистическое управление страны прямо с космических орбит. Сообщения космонавтов о скоплениях планктона в Мировом океане или сведения о направлении движения косяков рыбы сразу передаются промысловикам; с орбиты поступают предупреждения метеорологам о скорости движения тайфунов и образовании грозовых фронтов, выявляются очаги лесных пожаров и многое другое.

И число специалистов, которые хотят получить ответ на свои вопросы из Космоса, с каждым днем растет. Скажу, к примеру, что космический грузовик «Прогресс-6» доставил нашим космонавтам В. Ляхову и В. Рюмину на борт «Салюта-6» около 400 заявок от различных организаций, которые запрашивали «космической помощи».

Космическая связь и телевидение стали сегодня таким же неотъемлемым элементом нашего быта, как и обыкновенный телефонный аппарат. Спутники связи «Молния» выводятся на сильно вытянутую эллиптическую орбиту, на которой они совершают два оборота вокруг Земли в сутки. В такую систему спутниковой связи одновременно включаются несколько ретрансляторов: едва один из них скрывается за радиогоризонтом, как на смену ему в точно рассчитанное время появляется другой. Спутник же «Радуга» движется по круговой орбите в плоскости экватора синхронно с вращением Земли и поэтому кажется неподвижным для земного наблюдателя. Другими словами, «Радуга» — не что иное, как ретранслятор, «подвешенный» на высоте 36 тысяч километров. Таким же геостационарным является спутник телевизионного вещания «Экран», который передает цветные и черно-белые программы Центрального телевидения для жителей Сибири и Дальнего Востока.

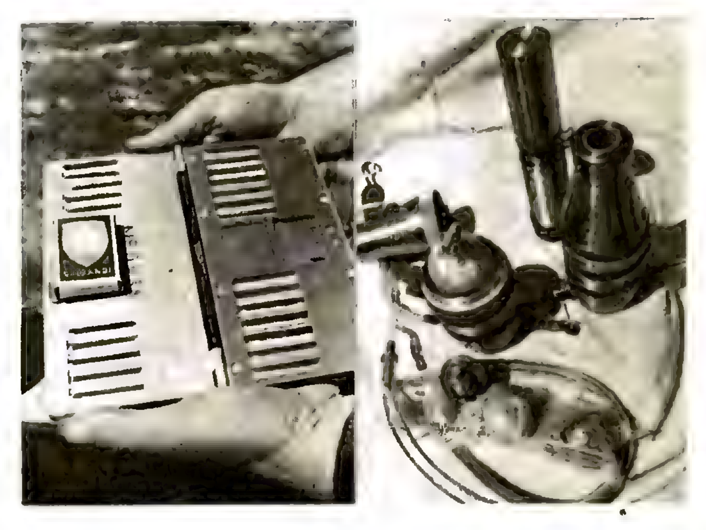
Спутники «Метеор» — это космическая часть целой системы, в которую входят наземный комплекс приема, обработки и распространения метеорологической информации, служба контроля состояния бортовых систем и управления ими. Метеорологический прогноз, о котором нам с вами ежедневно рассказывают в телевизионной программе «Время», составляется на основе объединенных данных, полученных со спутников и собранных наземными станциями. По далеко не полным сведениям, система «Метеор» ежегодно экономит нашему народному хозяйству около 700 миллионов рублей.

Непременной частью любого пилотируемого космического полета являются медико-биологические исследования. И это не случайно. Ведь если не говорить о прогрессе космической техники, то успех человечества в освоении космического пространства, а следовательно, и в повышении «отдачи» космонавтики народному хозяйству зависит прежде всего от того, в какой степени мы сможем создать людям, работающим в Космосе, условия для эффективного длительного труда, научимся защищать их от неблагоприятного воздействия факторов космического полета, разработаем целую систему меро-

В. Ляхов и В. Рюмин во время подготовки к полету.

Прибор «Медуза» для измерения радиации в открытом Космосе и контейнеры для выращивания лука.

приятий, позволяющих сохранить здоровье космонавта. Но, к сожалению, в настоящее время космическая медицина еще не имеет стройной теории, которая позволяла бы нам с большой достоверностью заранее предсказывать изменения в состоянии здоровья космонавта во время длительного полета. Ведь космонавты реагируют, например, на невесомость очень индивидуально. И поэтому данные, полученные во время любого пилотируемого полета, независимо от его продолжительности, являются необычайно ценными для изучения жизни человека в Космосе. Это направление исследований, как и всякая другая серьезная научная проблема, за два десятилетия космической эры прошло очень интересный путь развития. Быть может, на первых порах несколько абстрактное и далекое от повседневных нужд людей, оно сегодня начало служить им, давая щедрую практическую отдачу. Космическая медицина уже оказывает заметное влияние на развитие многих областей чисто земной медицинской науки, в практику которой вошли самые современные диагностические приборы и аппаратура медицинского контроля, созданные для космических полетов. Кроме того, благодаря работе «космических» врачей за последние годы мы много узнали о здоровом человеческом организме, о его огромных резервах, о возможностях поддерживать состояние «абсолютного» здоровья на протяжении длительного времени.

Прикладная космонавтика, естественно, не стоит в стороне и от решения экологических задач. На орбитальной станции «Салют-5» космонавты с помощью специального прибора — телескопа-спектрометра, установленного на борту этого исследовательского комплекса, получили серию данных о прозрачности верхних слоев атмосферы. В будущем, вероятно, мы будем свидетелями создания в Космосе непрерывно действующей системы контроля за состоянием атмосферы, рек и озер, Мирового океана и лесных массивов. Обширная и достоверная информация, оперативно получаемая из Космоса, позволит своевременно планировать наиболее эффективные меры по защите природы.

Благодаря прогрессу космонавтики возникла и совершенно новая область человеческой деятельности — экспериментальная космическая технология. Разумеется, сейчас можно только говорить о первых шагах этого многообещающего исследования. Напомню, что первый эксперимент в этом направлении был осуществлен еще в 1969 году, когда во время полета «Союза-6» в Космосе была проведена сварка металлов. В 1976 году космонавты Б. Волынов и В. Жолобов проводили эксперименты по выращиванию кристаллов из раствора алюмокалиевых квасцов, изучали процессы пайки, проводили плавку металлов. Технологические эксперименты были продолжены и во время четырех экспедиций на «Салюте-6», а также во время «вахты» международных экипажей, работавших по программам, разработанным советскими учеными и специалистами стран социалистического содружества. Сегодня уже проведено около 250 экспериментов на установках «Сплав» и «Кристалл» с самыми разнообразными веществами. Космос предоставляет в распоряжение технолога вакуум и низкие температуры — условия, добиться которых на Земле можно лишь ценой больших усилий. А длительно моделировать еще один фактор космического полета — невесомость — в земных условиях вообще невозможно. Но именно в условиях невесомости материалы ведут себя совсем не так, как на Земле. Металлы, которые упрямо отказываются плавиться в стенах исследовательских лабораторий, легко это делают в Космосе, а сплавы, полученные там, сохраняют свои уникальные свойства и в земных условиях. Тугоплавкость, жаростойкость и легкость — вот характеристики сплава алюминия с вольфрамом, полученного в Космосе. А ведь снижение веса автомобилей или самолетов хотя бы на один килограмм ведет и к уменьшению расхода столь дефицитного сегодня горючего. Возьмите такой необычайно сложный в изготовлении, а следовательно, и дорогой материал, как лента из монокристаллического кремния, которая используется для производства интегральных схем — основы фантастического прогресса современной электроники. Оказывается, что у этого материала, изготовленного в Космосе, характеристики гораздо лучше, чем у его «собрата», полученного на земных заводах.

И биологии помогает Космос. Оказалось, что методы, используемые для приготовления редких вакцин и лекарств, дают там куда лучшие результаты. Это относится к урокиназе — единственному протеину человеческого организма, который обладает антикоагулирующим действием. Он уничтожает сгустки крови, а следовательно, является важнейшим средством для борьбы с тромбофлебитами, закупоркой вен и инфарктами. И число таких примеров можно умножать без конца. Важно не это, а то, что новые направления космических исследований, необычайно тесно связанные с удовлетворением наших сегодняшних и завтрашних земных потребностей, уже стали реальностью.

Разумеется, по-настоящему широко они могут быть развернуты только на орбитальных станциях будущего. Сегодняшние орбитальные лаборатории, где в одном помещении объединены командная, рабочая и бытовая зоны, не так уж удобны для такой тонкой работы, как создание новых космических материалов. Быть может, пройдет не столь много лет и исследовательское оборудование будет размещаться в отдельных модулях, пристыкованных к орбитальной станции, а то и просто парящих неподалеку от нее. Для технологических экспериментов или астрофизических исследований, где любые возмущения покоя должны отсутствовать, такие «парящие модули» просто необходимы. Будут в распоряжении исследователей и грузовики будущего, которые не только привезут груз на орбиту, подобно нынешнему «Прогрессу», но и будут доставлять на Землю продукцию космических цехов и заводов, а также уникальное научное оборудование после проведения соответствующих экспериментов. На орбитах возникнут поселки, которые будут возводить люди новой профессии — космические монтажники. Но ведь это мечты, скажет иной читатель. Да, верно, пока это мечты, но ведь и сама космонавтика рождена мечтой.

Выдающийся русский критик Д. Писарев как-то заметил: «Если бы человек был совершенно лишен возможности мечтать, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни». Эти слова, думается, как нельзя лучше характеризуют одно из главных качеств тех, кто прокладывает человечеству дорогу в Космос.

Мы хорошо помним удивительный день осуществления вековой мечты человечества — полет Юрия Гагарина, который открыл людям дорогу в Космос. Прошло лишь два десятилетия, и то, что казалось необыкновенным, фантастическим, сказочным, буквально на наших глазах превратилось пусть в героическую, но профессию. Меньше стало сенсационности в освещении космических достижений, но прибавилось работы ученым и инженерам, для которых каждый новый полет — это прежде всего решение очередной сложной научной и технической задачи, постановка новой проблемы, изучение жизни нашей планеты и самого человека в космическом океане. Человек сегодня начал по-настоящему обживать околоземное космическое пространство.

Записали А. ЛЕПИХОВ и Б. СМАГИН

ПРОНИКАЯ В ТАЙНЫ ПРИРОДЫ

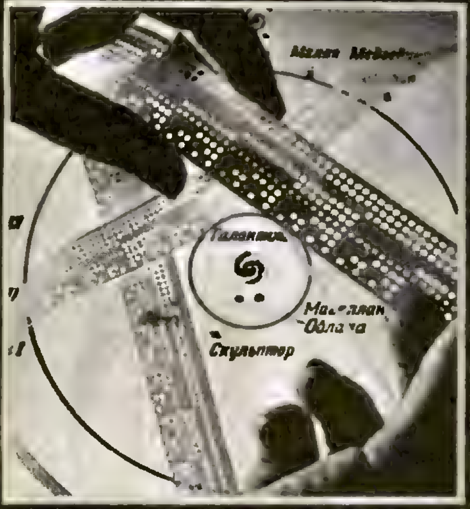
Наука в наши дни стала важной производительной силой общества. С ее развитием ускоряется научно-технический прогресс, а от него прямо зависит эффективность экономики.

В Советской стране научные исследования достигли огромных масштабов. Они ведутся буквально во всех районах нашей Родины. Публикуемые здесь фотографии запечатлели лишь некоторые эпизоды этой гигантской работы и только в двух городах — Свердловске и Саратове.

Лаборатория астрономических исследований Саратовского университета принимает участие в программе «Атмосфера», действующей в рамках сотрудничества между академиями социалистических стран. Получаемые здесь данные имеют важное научное и прикладное значение для ряда народнохозяйственных задач.

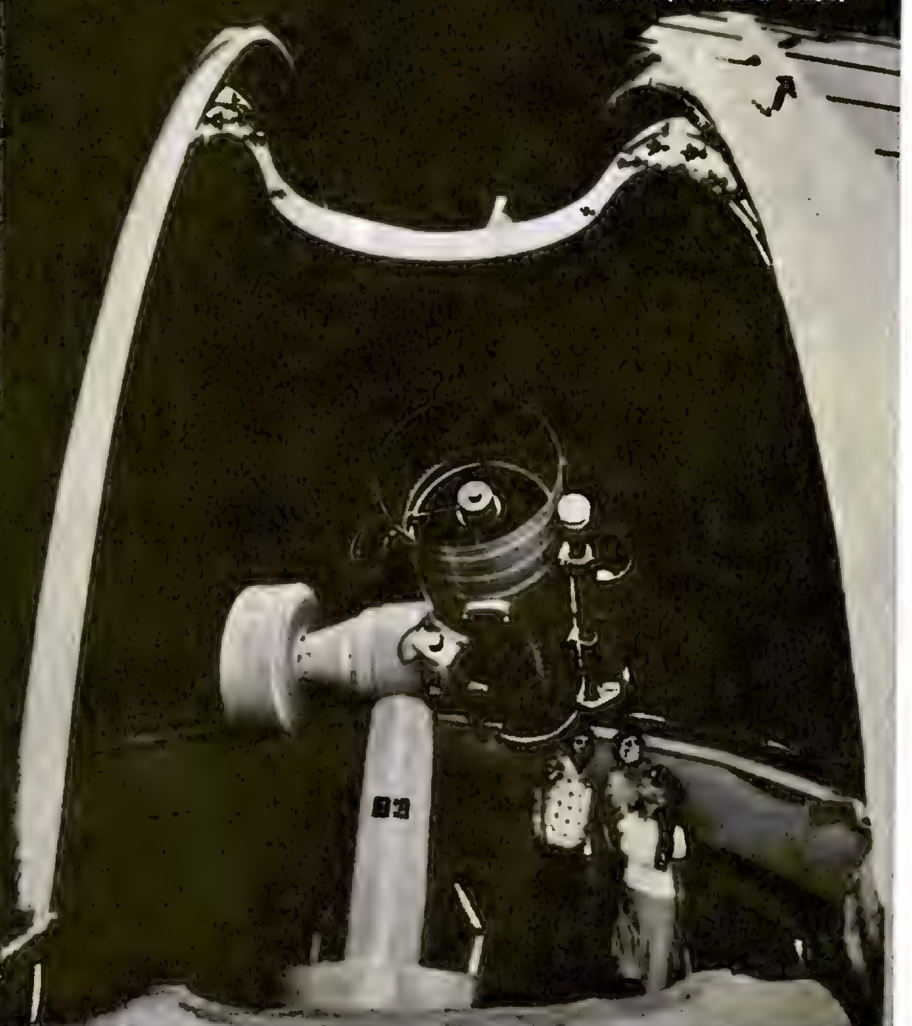

В лаборатории электронной микроскопии Свердловского горного института имени В. В. Вахрушева исследуются условия возникновения минералов в земной коре.

В лаборатории астрофизики Коуровской обсерватории обрабатываются данные, полученные в спектрографах, работающих в комплексе с солнечным телескопом (в н и з у).

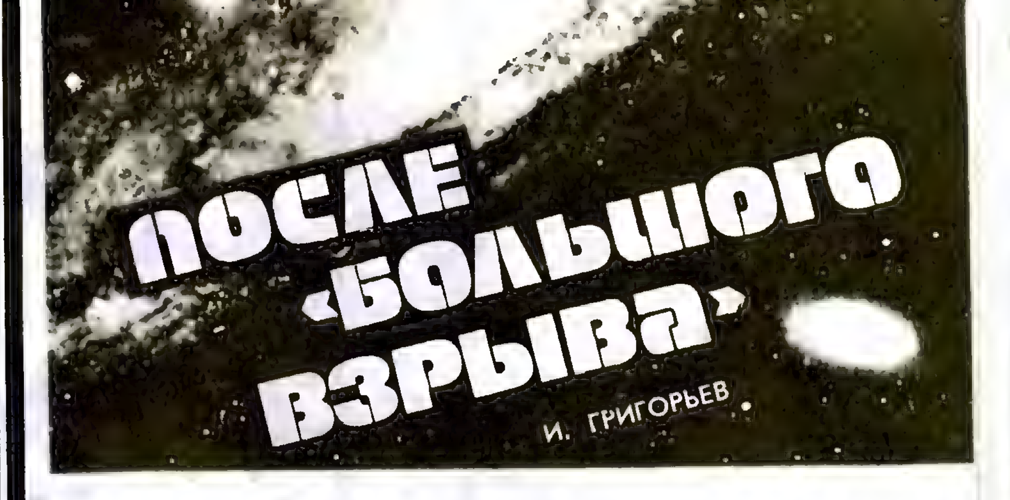
Днем и ночью несут научную вахту сотрудники Коуровской астрономической обсерватории при кафедре астрономии и геодезии Уральского университета имени А. М. Горького. С помощью сложных современных приборов они изучают Солнце, рассеянные звездные скопления, переменные звезды. Есть здесь и станция по наблюдению за искусственными и естественными небесными телами.

Идет настройка зеркального телескопа.

Фотохроника ТАСС.

Советские ученые, занимающиеся фундаментальными проблемами естествознания, проникают в самые сокровенные тайны мироздания. Так, сегодня они выясняют не только, как создавалась наша Вселенная, но и даже как возникли химические элементы. Об этом говорит публикуемая здесь статья И. Григорьева о работах академика Я. Б. Зельдовича и его коллег. Казалось бы, эти исследования весьма далеки от реальной жизни и служат лишь извечному стремлению людей познавать окружающий мир, выяснять суть вещей и явлений, их взаимосвязи и взаимодействия. Однако вся история науки неопровержимо доказывает: рано или поздно фундаментальные открытия находят свое применение в жизни, даже кардинально меняют ее. Так произошло когда-то с открытием электричества, так происходит в наши дни с освоением атомной энергии, с полупроводниками и т. д. Это положение наглядно подтверждает и рассказ академика Х. М. Миначева о том, как проникновение в самые тонкие кристаллические структуры вещества позволяет ученым прямо ставить эти открытия на службу практике, ускорять научно-технический прогресс. И еще один аспект имеют публикуемые в этом номере сообщения о работах советских исследователей. Они вновь и вновь подтверждают, что, несмотря на свою бесконечность, на чрезвычайную сложность, динамичность и разнообразие, окружающий мир вполне познаваем и нет в нем ничего сверхъестественного. Познаваем он потому, что материален и един в своей материальной сущности. А это означает, что в нем действуют определенные строго детерминированные закономерности, которые человек в состоянии выявить, изучить и поставить себе на службу.

Этот космос, тот же самый для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим.

Гераклит. О ПРИРОДЕ

Более ста «первоначал»

Во все века люди стремились понять состав окружающего мира. Фалес, древнегреческий философ и ученый, живший в VI веке до нашей эры, полагал началом всего сущего воду, его современник Анаксимен — воздух, Гераклит — огонь. Другие считали, что в основе мироздания лежат не только эти три стихии, но и причисляли к ним четвертую — землю. Латинское слово «элементум», пришедшее к нам из глубокой древности, сперва и означало одно из этих четырех первоначал. Сегодня нам известно более ста «первоначал» — химических элементов. В этом контексте элемент для нас — вещество, не разложимое химическими методами на более простые части. Если же речь заходит о методах физических, понятия «элемент» и «элементарный» становятся не более чем данью традиции.

О химических элементах мы знаем много. Периодический закон Менделеева показывает нам, что свойства элементов меняются в зависимости от атомного веса. Атом любого элемента состоит из ядра и электронов; по мере того как число электронов увеличивается, они укладываются в определенные оболочки, и свойства элементов периодически повторяются. Наука объяснила, почему тот или иной элемент, обладающий определенным зарядом ядра и определенным числом электронов, имеет такие-то свойства и входит в такие-то химические соединения. Но лишь в последние два десятилетия стал проясняться другой важный вопрос: какова распространенность элементов в природе и чем она объясняется. Вопрос этот оказался тесно связанным с нашими представлениями об эволюции Вселенной. Понятию «элемент» здесь возвращается то философское содержание, которое, доискиваясь до первооснов материи, вкладывали в него ионийские мудрецы и которое было отчасти утрачено или, во всяком случае, отошло на второй план в недавнюю эпоху стремительного заполнения клеток менделеевской таблицы. Такова диалектика развития науки и научных понятий.

«Величие задачи — научное объяснение всего сущего вокруг нас — полностью оправдывает все усилия, затрачиваемые на ее решение». Этими словами трижды Герой Социалистического Труда академик Яков Борисович Зельдович закончил свой доклад на заседании Президиума Академии наук СССР, посвященный происхождению химических элементов. В докладе были рассмотрены основные идеи космологии, физики, астрофизики, астрономии и математики, связанные с этой проблемой, и рассказано о последних работах, проведенных в Институте прикладной математики имени М. В. Келдыша АН СССР, а также в Институте физики высоких энергий (Серпухов) и в Объединенном институте ядерных исследований (Дубна).

Картина, нарисованная Я. Б. Зельдовичем, настолько стройна и выразительна, что отступать от нее слишком далеко значило бы нанести теме непоправимый ущерб. Поэтому в своем рассказе о происхождении элементов мы постараемся как можно ближе держаться его доклада, опуская лишь немногие второстепенные подробности и разъясняя те пункты, которые сами собой разумеются лишь для тех, кто обладает специальной подготовкой.

Запрет на пятерку

Исследования Земли, звезд и межзвездного газа показывают, что вся известная нам Вселенная примерно на 72 процента состоит из водорода и на 25 — из гелия. Затем идут углерод, кислород, железо, аргон, азот, кремний. Общее их количество не превышает 2—3 процентов. Остальных элементов совсем мало, а некоторых, например открытых в последнее время при помощи сверхмощных ускорителей трансурановых элементов, в природе и вовсе нет.

В распространенности элементов, как и в проявлении их свойств, существует определенная периодичность. Если нарисовать график, на котором будет показана зависимость распространенности элементов от их атомного веса, получится зигзагообразная линия: элементы более распространенные периодически чередуются с менее распространенными. Отчетливо видны пики углерода, кислорода, железа. Все пики приходятся на четные элементы, то есть на элементы, имеющие четное число нейтронов и четный атомный вес: четные ядра более устойчивы, чем нечетные, ибо энергия их образования больше, чем у нечетных ядер. Поэтому их и в природе больше.

Вот мы и заговорили о ядрах. Всякий атом, как было уже сказано, представ-

ляет собой систему из ядра и электронов. Но и ядро — система. Оно состоит из протонов и нейтронов, и, чтобы понять, как образовались элементы и как возникло между ними то соотношение, которое мы наблюдаем, мы должны знать, какие разновидности ядер, или, вернее, какие комбинации протонов и нейтронов, могут существовать в природе и в каком количестве.

Начнем с самого легкого и самого распространенного элемента — водорода. Атом водорода состоит из протона электрона. Электроны в нашем рассказе участвовать почти не будут. Возьмем один протон и присоединим к нему вторую ядерную частицу — нейтрон. Получится тяжелый водород — дейтерий.

Очень хорошая, устойчивая комбинация. Иное дело — два нейтрона. Соединить их друг с другом невозможно — они разлетаются мгновенно. Бесполезно соединять и два протона: ядро гелия-2 из них не получится. Из одного протона и двух нейтронов может выйти тритий, а из двух протонов и одного нейтрона — гелий-3. Но тритий радиоактивен и в природе отсутствует, а гелия-3 в сто тысяч раз меньше, чем гелия-4. Гелий-4 — вот устойчивая комбинация: два протона и два нейтрона соединяются в прочное ядро.

Мы видим, что существовать могут не все ядерные комбинации. Одни ядра не в силах образоваться, потому что ядерные частицы не желают соединяться и разлетаются, другие, хоть и образуются, но живут очень недолго и превращаются в другие ядра. Дело в том, что нейтроны радиоактивны и при всяком удобном случае готовы превратиться в протоны. Протоны же в свою очередь, попадая в определенные обстоятельства, могут превращаться в нейтроны.

Есть еще одна, последняя закономерность: не бывает ядер с атомным весом 5. Никакая комбинация из пяти ядерных частиц — из пяти нейтронов, из четырех нейтронов и одного протона, из трех нейтронов и двух протонов и так далее — долго существовать не в состоянии. Это и было тем решающим обстоятельством, благодаря которому на первом этапе ядерного синтеза образовались только водород и гелий.

Когда еще не было звезд

В начале 20-х годов советский физик А. А. Фридман выдвинул идею расширяющейся Вселенной. Через несколько лет идея была подтверждена астрономическими наблюдениями: о расширении свидетельствовало так называемое красное смещение линий в спектрах далеких от нас галактик. Картина получилась такая: галактики, населяющие Метагалактику, как бы разбегаются в необозримом пространстве. Ведут же они свое происхождение от сгустка вещества колоссальной плотности.

По всем расчетам, расширение Метагалактики началось 15—20 миллиардов лет назад. Подробности этого процесса хорошо описывает «горячая» модель Вселенной. Как «выглядел» сам сгусток, образовавшийся, по-видимому, из физического вакуума, который, согласно современным научным данным, представляет собой особую форму материи, способную порождать элементарные частицы, — как он «выглядел», еще не совсем ясно. Но зато с полной достоверностью выяснено, во что он начал превращаться в первые же мгновения своего расширения.

Все пространство быстро расширяющейся Метагалактики было заполнено плазмой — горячим газом, состоявшим главным образом из частиц излучения — фотонов, электронов, позитронов, нейтрино и антинейтрино. Состав плазмы был сначала установлен теоретическими расчетами, а затем, в 1965 году, подтвержден открытием реликтового электромагнитного излучения, заполняющего с тех немыслимо далеких времен все мировое пространство *.

Плотность плазмы, превышавшая вначале в миллиарды миллиардов раз плотность атомного ядра, падала очень быстро, а с нею падала и температура. Но сначала она была такой же фантастической, как и плотность. В первую миллионную долю секунды от начала расширения температура плазмы достигала 10 тысяч миллиардов градусов. К концу первой секунды она снизилась до 10 миллиардов градусов, а по прошествии тысячи секунд — до 300 миллионов. В этом промежутке, от 10 миллиардов до 300 миллионов градусов, то есть за первые 15 минут расширения Вселенной, и разыгрались интересующие нас события — произошло образование ядер, нуклеосинтез.

При самой высокой температуре ядра существовать еще не могли — их разрушило бы гамма-излучение. Но по мере охлаждения плазмы условия для нуклеосинтеза стали благоприятнее. Когда температура упала до ста миллиардов градусов, плазма уже состояла в основном из ядерных частиц — протонов и нейтронов. Сначала они находились в термодинамическом равновесии и превращались друг в друга. Затем из-за уменьшения плотности плазмы и ее дальнейшего охлаждения равновесие нарушилось: протонов стало примерно 85 процентов всего вещества, а нейтронов — около 15.

После этого протоны начали соединяться с нейтронами, образуя дейтерий. Ядра дейтерия стали вступать в термоядерные реакции. Из двух ядер дейтерия получался тритий или гелий-3, из трития и дейтерия — гелий-4. В результате всех этих превращений количество протонов, то есть ядер водорода, уменьшилось до 70—75 процентов, а 20—25 процентов дозвездного газа пришлось на долю альфа-частиц — ядер гелия-4. Кроме того, осталось немного дейтерия и гелия-3, а также незначительное количество лития и бериллия, которые образовались при синтезе гелия-3 и гелия-4.

Если не считать этих двух элементов, последовательное присоединение протонов и нейтронов друг к другу остановилось на гелии-4. Дальше синтез не пошел — перейти рубеж с атомным весом 5 и образовать комбинацию из пяти ядерных частиц было невозможно. Водород, гелий и дейтерий — вот и все, что получилось на первом этапе нуклеосинтеза. Кстати, о дейтерии. Тот самый дейтерий, который содержится в нашей воде и который мы пытаемся «сжечь» в термоядерных установках, достался нам, как и реликтовое излучение, в наследство от далекой дозвездной поры. В звездах он образоваться не мог, там бы он выгорел дотла.

Взрыв небесной топки

В звездах образовались остальные элементы. Рождение самих звезд для космологии не представляет особой загадки. Газ, состоящий из водорода и гелия, начинает сжиматься под действием собственного тяготения, из газа образуется облако, из облака — звезда. В звездах первого поколения и малой массы, вроде нашего Солнца, медленно сгорает водород, превращаясь в гелий. Солнце сжигает свой водород уже пять миллиардов лет, и запасов этого водорода хватит еще на столько же.

Но в природе существуют звезды и большей массы — в 10, даже в 50 раз больше Солнца. Горение в них протекает быстро: весь свой запас водорода они успевают исчерпать за несколько миллионов лет. Когда этот запас подходит к концу, звезда сжимается. Сила тяготения производит работу, которая превышает отдаваемую звездой энергию, и температура в звезде вместе с плотностью повышается. В этом, как говорит Я. Б. Зельдович, отличие звезды от обычной топки, которая, если горючее кончилось, остывает.

Во время сжатия и начинается образование ядер новых элементов. В ходе термоядерной реакции три ядра гелия-4 соединяются в одно ядро углерода. Для одновременного столкновения трех ядер гелия нужно, чтобы вещество было очень плотным. В разреженной беззвездной плазме вероятность такого столкновения была ничтожна, а в звездах, например, в так называемых красных гигантах, где плотность достигает тонны на кубический сантиметр, столкновения нескольких ядер гелия — обычное явление. Ядра углерода образуются там непрерывно.

Постепенно оболочка такой звезды начинает раздуваться. Из-за большой поверхности температура оболочки невысока — менее, чем у Солнца, поэтому звезда и кажется нам красной. Но под этой внешне спокойной оболочкой назревают драматические события. Если бы звезду можно было в это время разрезать, мы бы увидели, что она похожа на луковицу с ее чередующимися слоями. Наверху — неизменный дозвездный состав: водород и гелий. Пониже — слой, где водород превращается в гелий. Еще ниже — просто слой гелия. Под ним слой, где находятся углерод, кремний, кислород — элементы, образовавшиеся последовательным присоединением ядер гелия. И в самом низу — элементы типа железа.

Элементы эти обладают самой большой энергией связи. Когда цепочка превращений доходит до железа, выделяется наибольшее количество ядерной энергии. Дальше звезда не выдерживает, теряет свою устойчивость и взрывается. Все ее элементы выбрасываются в межзвездный газ. Недавно в Институте прикладной математики были проведены расчеты динамики такого взрыва и состава образующихся при этом элемен-

* Более подробные сведения о теории расширяющейся Вселенной и о «горячей» модели читатель найдет в сборнике «Разум побеждает», выпущенном в 1979 г. Издательством политической литературы. В сборнике представлены статьи по этим проблемам В. А. Амбарцумяна, Я. Б. Зельдовича, В. Л. Гинзбурга, Г. И. Наана, А. Л. Зельманова и других ученых, публиковавшиеся в нашем журнале в разное время. — **Ред.**

тов. Результаты расчетов хорошо согласуются с данными астрофизических наблюдений.

Нейтроны садятся на железо

Железо — последний элемент, который образуется в ходе выделения энергии. Но железом не оканчивается таблица Менделеева. В природе существует масса элементов тяжелее железа, и в отличие от него они обладают запасом энергии. При синтезе железа и его предшественников энергия высвобождается, а при синтезе тяжелых элементов, скажем урана, она, наоборот, должна поглощаться. Как же образуются эти элементы?

В свое время было выдвинуто предположение, что элементы тяжелее железа рождаются в процессе захвата нейтронов. Каждый элемент, вернее определенный его изотоп, может при известных обстоятельствах захватить свободный нейтрон и превратиться в более тяжелый изотоп того же элемента. Потом захватывается второй нейтрон, третий, четвертый... В конце концов этот изотоп становится радиоактивным и может произойти бета-распад: один из нейтронов ядра превратится в протон, а из ядра вылетят электрон и антинейтрино. Число протонов в ядре увеличится, и данный элемент превратится в следующий элемент таблицы Менделеева. Таким образом, последовательное присоединение нейтронов и бета-распад обеспечат нам синтез всей Периодической системы.

Главное, чтобы на одно ядро приходилось достаточное количество нейтронов.

Звездный взрыв и дает это количество. При взрыве создается огромная температура и образуется множество нейтронов. Среди них находятся пережившие встряску ядра железа. В процессе охлаждения нейтроны как бы конденсируются — садятся на железо. Когда железо от них становится чересчур тяжелым, оно делается радиоактивным и в результате бета-распада превращается в кобальт. Кобальт может потом превратиться в следующий элемент. И так — до конца Периодической системы.

Многое тут зависит не только от количества нейтронов, но и от скорости их присоединения. Если они будут один за другим садиться на ядро медленно, элемент успеет распасться и нейтронам придется присоединяться уже к следующему элементу. Если и там все пойдет в медленном темпе, назреет новый бета-распад и новое превращение. Но если радиоактивное ядро успеет захватить все возможные нейтроны быстро, до того как грянет бета-распад, цепочка превращений оборвется. Разнообразием своим тяжелые элементы во многом обязаны неодинаковым скоростям присоединения нейтронов.

В недрах пульсара

Побывав в «нейтронной бане», изотопы, как правило, обладают избытком нейтронов. Но существуют элементы, у которых есть лишние протоны, а нейтронов недостает. Такие элементы последовательным присоединением нейтронов получить невозможно. Так как они очутились вне магистрального пути образования элементов, их назвали «обойденными».

Вот один из них — изотоп вольфрама — вольфрам-180. В природе его очень мало, в 500 раз меньше, чем тех изотопов вольфрама, которые возникли на магистральном пути нейтронного захвата и бета-распада. Но он существует, как существуют и другие «обойденные» изотопы. Откуда же взялись они?

Вольфрам-180 может получиться, если выбить два нейтрона из обычного вольфрама-182. Но для этого потребуется не «нейтронная баня», а гамма-облучение или облучение нейтрино. Именно нейтрино, как считают советские ученые Г. Домогацкий, Д. Надежин и Р. Эрамжан, могут создавать «обойденные» изотопы, превращая нейтрон ядра в протон. Само же нейтрино рождается в нейтронных звездах.

Мы говорили о звездном взрыве, при котором все вещество рассеивается в межзвездном пространстве. Это полный взрыв. Но может быть и неполный. Если начальная плотность ядра звезды велика, взрыв приводит к выделению гравитационной энергии. Значительная часть былого гиганта сжимается, и образуется нейтронная звезда. Ее радиус — всего 10—30 километров, а средняя плотность вещества может достигать сотен миллионов тонн на кубический сантиметр. Электроны в этом сгустке обладают такими высокими энергиями, что без труда превращают протоны в нейтроны; поэтому звезда почти целиком состоит из нейтронов.

Нейтронная звезда быстро вращается. Если она обладает мощным магнитным полем, возникает направленное радиоизлучение, воспринимаемое приборами как следующие один за другим радиоимпульсы, частота которых соответствует периоду вращения звезды. Из-за этого такие звезды называют пульсарами.

Кстати, на том же заседании Президиума АН СССР, после доклада Я. Б. Зельдовича, академик Р. З. Сагдеев сообщил, что космические станции «Венера-11» и «Венера-12», удаленные друг от друга на четыре миллиона километров и от Земли — на 140 миллионов, зарегистрировали мощный всплеск рентгеновских гамма-лучей, пришедших из созвездия Золотой Рыбы. Во время всплеска поток гамма-лучей в несколько тысяч раз превышал свечение всего неба в гамма-диапазоне. Затем он уменьшился в 100 раз и излучение стало пульсировать с периодом около восьми секунд. Вскоре оно стало таким слабым, что уловить его было невозможно, но спустя 14 с лишним часов станции зарегистрировали новый всплеск. Так был открыт вспыхивающий рентгеновский пульсар — представитель нового класса рентгеновских пульсаров — и установлено, что гамма-всплески, наблюдавшиеся и раньше, но не находившие точного объяснения, могут испускаться нейтронными звездами.

Для нас нейтронные звезды интересны прежде всего тем, что их образование сопровождается выделением гораздо большей энергии, чем при термоядерных реакциях. Потенциал гравитационной энергии в звездных масштабах больше, чем потенциал ядерных сил. И почти вся энергия образования нейтронной звезды уходит из нее в виде потока нейтрино. Эти-то нейтрино, судя по всему, и участвуют в нуклеосинтезе, создавая «обойденные» элементы. Частица эта уникальная. Попадая в ядро, нейтрино может превратить нейтрон в протон, а может вызвать и обратную реакцию — превратить протон в нейтрон. Однако нейтрино требует отдельного рассказа, поэтому вернемся к элементам. Как показывают исследования Г. Бисноватого-Когана и В. Чечеткина, нейтронные звезды вполне могут быть колыбелью сверхтяжелых ядер. Правда, сила тяготения в этих звездах столь велика, что лишь небольшому количеству частиц вещества удается вырваться оттуда.

«Незначительные детали»

Картина удивительного единства мира предстает перед нами. Мы видим, что вся обозримая Вселенная почти на три четверти состоит из водорода. Это прямое следствие горячей дозвездной поры, первых мгновений расширения Метагалактики. Проходят секунды — протоны и нейтроны соединяются в дейтерий, основная часть которого превращается в гелий. Состав дозвездного вещества готов.

А более тяжелые элементы образуются уже в сверхновых звездах, в ходе дальнейшей эволюции Вселенной. Первый шаг здесь — объединение ядер гелия в ядро углерода. Затем — синтез следующих элементов вплоть до железа. Потом сверхновые звезды взрываются и содержавшиеся в них элементы либо поступают в общий котел межзвездного газа в первозданном виде, либо обогащаются нейтронами и превращаются в более тяжелые элементы. Некоторое количество сверхтяжелых ядер, получившихся «нетрадиционным», но вполне объяснимым способом, вырывается в космическое пространство из нейтронных звезд.

Интересно с этих позиций взглянуть сегодня на происхождение нашей Солнечной планетной системы. Образовывалась она, как показывает ее состав, не прямо из первичного, дозвездного вещества, а из смеси дозвездного вещества с тем, которое было в звездах и прошло через стадию взрывного синтеза. Солнце состоит главным образом из водорода и гелия; элементов более тяжелых у него всего 2—3 процента.

Откуда же у нас на Земле столь много тяжелых элементов?

Ученые приходят к выводу, что незадолго до образования нашей планетной системы вблизи нее произошел взрыв сверхновой звезды со всеми уже знакомыми нам последствиями. В то время вблизи экваториальной области совсем недавно образовавшегося Солнца, уже существовало газово-пылевое облако, которое отделилось от ядра туманности — будущего нашего светила. Взрыв сверхновой обогатил это облако тяжелыми элементами, а затем оно начало конденсироваться, стало превращаться в планеты. В температурных условиях молодой Земли легкие водород и гелий испарялись и на планете в основном оставались более тяжелые элементы. Подобные же процессы происходили и на других планетах земной группы.

Еще не установлено достаточно достоверно, какой была температура первоначального облака в той его части, которая стала Землей, когда именно произошел взрыв сверхновой и так далее. Но нельзя не согласиться с Я. Б. Зельдовичем, который говорит, что по сравнению с общей захватывающей картиной нуклеосинтеза «это уже незначительные детали».

Рассказывает лауреат Государственной премии, заведующий лабораторией Института органической химии АН СССР академик Хабиб Миначевич МИНАЧЕВ

Два удивительных свойства

Когда шведский минералог и химик Кронстедт вводил в науку слово «цеолит» (было это в 1756 г.), о практическом применении цеолитов, во всяком случае в химии, вряд ли кто-нибудь думал. Но весьма редкое их свойство, которому они обязаны своим названием, было хорошо известно и, возможно, не одним лишь минералогам. «Цеолит» в переводе с греческого означает «кипящий камень». И действительно, этот алюмосиликат, состоящий из окислов алюминия и кремния, кипит при нагревании: он вспучивается и выделяет пары воды, которую до этого жадно впитывал из воздуха.

Во времена Кронстедта, да и много позже кристаллы цеолитов находили главным образом в пустотах и трещинах базальтов — их происхождение связано с вулканическими процессами. Попадались они нечасто и в небольшом количестве. Лишь в последние десятилетия в Закавказье, Закарпатье, Средней Азии, на Камчатке и на Сахалине, а за рубежом — в США, Японии, Новой Зеландии были обнаружены крупные запасы цеолитов. Некоторые из этих месторождений были известны и раньше, но никто не догадывался, что найденные там куски пеплового туфа наполовину, а иногда и больше состоят из цеолитов. Установить это удалось только благодаря современным методам спектроскопии, позволяющим разглядеть каркас кристалла.

В противоположность аморфным алюмосиликатам, каких в природе очень много (глина, например, тоже алюмосиликат), цеолит обладает строгой кристаллической структурой. С ней связано еще одно удивительное его свойство: он не только умеет кипеть, но к тому же и легко обменивается своими ионами с растворами и расплавами солей.

Молекулярные сита

Кристаллическая структура цеолита — это трехмерный каркас, имеющий внутри крупные полости-пустоты, соединенные между собой и с внешним пространством системой каналов. В полостях, которые могут занимать половину объема кристалла, и содержится поглощенная цеолитом вода. Своды и дно полостей и каналов образуются правильными тетраэдрами окислов кремния и алюминия, тетраэдры складываются в кольца, и эти кольца служат окнами, открывающими доступ во внутренние полости.

Диаметр окна, зависящий от числа объединившихся в кольцо тетраэдров, очень мал — от 2,6 до 8 ангстрем (стомиллионных долей сантиметра). В такие окна без труда проникают молекулы воды, а с ними положительно заряженные ионы (катионы) щелочных и щелочноземельных металлов — натрия, калия, кальция, — которые компенсируют отрицательный заряд каркаса.

Если цеолит нагреть до 150—200 градусов, вода покинет его совсем и в нем освободится место для любого газа или жидкости, чьи молекулы смогут пролезть в окна. В самое маленькое окошко шириной 2,6 ангстрема, пролезет только вода, в окошко пошире, допустим — 3,5 ангстрема, проберутся молекулы углекислого газа, сернистого газа, аммиака. А в окошко шириной 6,2 ангстрема войдут уже молекулы изобутана или изопентана. Перед нами не что иное, как набор молекулярных сит. Цеолиты так и называют — молекулярные сита, без всяких кавычек. И сита эти находят с каждым годом все более широкое и разнообразное применение.

При нефтепереработке цеолиты помогают выделять из нефтяных фракций те или иные углеводороды: цеолит может поглотить парафины, а ароматические вещества оставить «за окном». Цеолитами, впитывающими воду, но не пропускающими в свои полости большинство углеводородов, осушают промышленные газы и бытовой газ. Они могут оказаться надежными ловушками для сернистого газа, выделяющегося при производстве серной кислоты и других веществ и отравляющего атмосферу.

Вообще цеолиты обещают сослужить хорошую службу в борьбе за чистоту окружающей среды. Мы уже упоминали об их склонности к ионному обмену, при котором катионы одного сорта переходят из цеолита в раствор, уступая место эквивалентному количеству катионов другого сорта. Используя эту особенность, можно заставить цеолиты извлекать из промышленных стоков токсичные и радиоактивные вещества или очищать от нежелательных примесей воду, предназначенную для питья.

В процессе ионного обмена (разумеется, уже не со стоками, а со специально подобранными растворами) цеолит приобретает еще одно важное свойство — становится превосходным катализатором, веществом, которое ускоряет химические реакции.

Придется их делать самим

Сегодня девять десятых всех химических продуктов получают с помощью катализаторов. Когда химик хочет создать новое вещество или исследовать свойства уже созданного, когда он разрабатывает новую технологию или ищет пути для повышения эффективности старой, — во всех этих случаях он сталкивается с необходимостью подбора катализаторов.

Катализаторы стали такими же непременными участниками химических процессов, как и исходные вещества, а катализ — большой областью химической науки со своим объектом исследования, со своими теориями и школами, со своими методами и техникой эксперимента.

Катализатор не должен расходоваться в процессе реакции. Его задача — побуждать к этому те вещества, с которыми он соприкасается. Мы, химики, часто говорим об активности катализаторов. Но активность эта особого рода — активность побуждения. Активность, стабильность, избирательность, то есть способность воздействовать лишь на определенные вещества, — вот те свойства, которыми должен обладать катализатор.

Что касается цеолитов, то они с самого начала привлекли внимание химиков, занятых поисками и изучением катализаторов. В их полостях и каналах, имеющих в сумме огромную поверхность, создаются на редкость благоприятные условия для взаимодействия попадающих туда молекул различных веществ. Однако для большинства химических реакций природные цеолиты на роль катализаторов не годятся: слишком непостоянен их состав, непостоянен даже в пределах одного месторождения. Да и маловато в природе таких цеолитов: из 40 открытых геологами широко распространены только семь, а из этих семи у трех окна чересчур малы — в них проникает одна вода. Словом, ничего другого не остается, как создавать искусственные цеолиты.

Что влияет на катализ

Именно по этому пути и пошла химия. В лабораториях были разработаны различные типы синтетических цеолитов, их производство налажено в промышленных масштабах. Катионом у них обычно служит натрий, но с на-

трием их каталитическая активность проявляется лишь в немногих реакциях, поэтому его заменяют потом другими катионами. Как только этот обмен состоялся, все преобразуется, словно по мановению волшебной палочки. Представим себе, что нам нужно присоединить к бензолу этилен. От цеолита с одним только натрием проку тут не будет никакого. Но стоит заменить натрий редкоземельными элементами — лантаном, неодимом, иттербием, — как реакция пойдет самым энергичным образом.

Однако, если бы все сводилось к простой замене одного элемента другим, не было бы никаких особых проблем: перепробовал всю таблицу Менделеева, отобрал катионы с подходящей активностью, и дело с концом — набор катализаторов готов. Но каталитическая активность зависит от множества тонких обстоятельств и подчиняется разнообразным закономерностям, которые нам приходится тщательно изучать при создании новых катализаторов.

Активность цеолитного катализатора определяется, как выяснилось при исследованиях, не только природой, размером и зарядом катионов, но и соотношением между входящими в него окислами кремния и алюминия. Это соотношение можно задать цеолиту заранее, при его синтезе, или изменить потом соответствующей обработкой готового цеолита. На свойства цеолитных катализаторов оказывают благоприятное воздействие некоторые вещества, введенные в реакционную среду, например углекислый газ.

С другой стороны, природа катиона влияет не только на активность или на избирательность, но иногда и на направление реакции: в присутствии цеолитов, содержащих, например, ионы никеля, присоединение этилена к бензолу приводит к образованию не этилбензола, как обычно, а вторичного бутилбензола. Цеолиты, модифицированные никелем, оказались полифункциональными: они способны ускорять одновременно различные реакции или реакционные стадии, сопряженные в едином процессе.

По разным причинам нам приходится заменять новыми катионами не весь натрий, а лишь его часть — когда половину, когда треть, а когда и всего несколько процентов. При этом мы должны учитывать, что в структуре цеолита есть места, доступные для вступающих в реакцию молекул, а есть и недоступные. Это значит, что новый катион должен занять в данной структуре такое положение, чтобы ему не пришлось сидеть без дела. Иначе говоря, создавая новый цеолитный катализатор, мы должны регулировать даже такую тончайшую вещь, как локализация катионов. Сейчас нам удается достичь заданного расселения катионов по структуре цеолита с помощью его термообработки и некоторых других приемов. Конечно, увидеть, как перемещаются катионы, непосредственно нельзя — об этом мы судим по результатам адсорбционных и спектральных методов исследования.

Глубокое проникновение в структуру цеолита позволяет нам постепенно переходить от эмпирики к прогнозам — предсказывать, например, как от изменения его состава изменится активность. Задача эта не простая хотя бы потому, что в процессе катализа некоторые характеристики цеолита могут изменяться. Тем не менее в отдельных случаях прогнозы удаются, и это вселяет надежду, что таких случаев будет больше.

Цеолиты в промышленности

Мы упоминали выше реакцию присоединения этилена к бензолу. В результате такого присоединения получается этилбензол — вещество, которое широко используется в производстве полимеров. Кроме того, добавка этилбензола повышает октановое число автомобильного бензина, то есть резко улучшает его качество. Сама по себе эта реакция не нова, но до недавних пор катализатором для нее служил хлористый алюминий, а теперь служат разработанные нами цеолиты. Для чего потребовалась эта замена? Хлористый алюминий неплохой катализатор, но он очень боится влаги и от малейшего соприкосновения с нею разлагается. Выделяющаяся при этом соляная кислота разъедает аппараты и загрязняет окружающую среду, а для цеолита небольшое количество воды даже полезно.

Если присоединить к бензольному кольцу не этилен, а пропилен, у которого на один атом углерода больше, получится не этилбензол, а изопропилбензол. Из него вырабатывают ацетон и фенол — ценнейшие химические продукты. Изопропилбензол тоже получают на цеолитах. Они оказались отличными катализаторами и для получения изопентана, который идет на приготовление изопренового каучука.

Широкое применение нашли цеолитные катализаторы в такой важной отрасли нефтехимии, как производство высококачественного моторного топлива. После выделения из нефтяных фракций бензола и других соединений остаются нормальные парафины, имеющие неразветвленную углеводородную цепь. Октановое число у них весьма низкое, но с помощью цеолитов их удается подвергнуть изомеризации, в результате которой их цепь становится разветвленной и октановое число повышается примерно на 20 единиц. Так благодаря цеолитам нефтяное сырье превращается в полноценное энергетическое топливо.

И последний пример. Существует такая технология: окись углерода и водород соединяют в парафины. Для этой реакции в качестве катализатора брали обычно природные алюмосиликаты и добавляли к ним кобальт. Количество парафинов, получавшихся при этом, колебалось, так как во многом зависело от качества алюмосиликатов, а оно непостоянно. Сотрудники нашей лаборатории вместе с лабораторией доктора химических наук А. Л. Лапидуса разработали синтетические катализаторы, в которых природные алюмосиликаты заменены цеолитами. Эффект получился большой: на заводе, выпускающем твердые парафины, выпуск продукции не только стабилизировался, но и увеличился в 1,5—2 раза. И это на той же производственной площади, в тех же аппаратах. Вот что такое цеолиты!

Самая увлекательная задача

Все исследования, связанные с получением этилбензола, изопентана, парафинов, мы проводили в содружестве с отраслевыми институтами. Совместными усилиями мы вывели разработанные нами процессы за рамки лаборатории, испытали их в производственных условиях и добились таких результатов, на основе которых было принято решение о внедрении этих процессов в промышленность в масштабе страны. Таков наш вклад в десятую пятилетку.

В эти предсъездовские дни каждый из нас подводит итоги минувшему пятилетию и намечает планы на будущее. Мой личный план — в первую очередь сделать все, чтобы помочь промышленности освоить новую технологию. Думаю, что и все мои коллеги, участвующие в разработке цеолитных катализаторов, скажут то же самое: ведь самая большая радость для ученого — видеть практическое воплощение плодов своего труда.

В исследовательском же плане — на первом месте продолжение работ, связанных с получением автомобильного бензина. Это потребует создания новых цеолитов и новых методов их изучения. Из веществ, данных нам природой, мы научились творить вторую природу — создавать бесчисленные варианты «кипящих камней». Теперь нам предстоит познать собственное творение до конца, научиться предсказывать его поведение и управлять им во всех возможных обстоятельствах. Стоит ли говорить о том, как сложна эта задача. Но что может быть увлекательнее и достойнее ее?

Записала Л. ШУКАЕВА

В лабораториях мира

● ЗЕМЛЯ В ПУЗЫРЕ!

Астрономы Калифорнийского технологического института и Лондонского университетского колледжа полагают, что они обнаружили облака, которые остались от «Большого взрыва».

Астрофизики обнаружили «сверхпузырь» — облако газа, плавающее внутри нашей Галактики примерно на расстоянии 6000 световых лет от Земли. Это облако имеет диаметр около 1200 световых лет и нагрето до температуры 3,5 миллиона градусов по Фаренгейту. Чтобы иметь такую температуру, «сверхпузырь» должен обладать энергией, которая в 10 раз выше полной энергии, выделенной Солнцем за 4,5 миллиарда лет.

Для объяснения природы «сверхпузыря» астрофизики предложили следующую гипотезу. Примерно 3 миллиона лет тому назад в дальней части межзвездного облака Большого Ущелья Лебедя взорвалась сверхновая звезда и этот взрыв сжал пыль и газы облака и вызвал конденсацию из них примерно 1000 новых звезд, из которых десять, видимо, были сверхновыми. Спустя приблизительно миллион лет взорвалась еще одна сверхновая. В результате таких взрывов образовалось огромное количество звезд и произошла утечка газа, из которого возник «сверхпузырь», а последующие взрывы наполнили его газом. Предполагают, что аналогичные взрывы образуют пузыри повсюду в Галактике и Земля, возможно, находится внутри одного из них.

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

Трудная весна Витаутаса Старкуса

В. ХАРАЗОВ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

МОЖЕТ, ЗИМА в том году действительно затянулась, а может, это только казалось ему. Серые пасмурные дни медленно тащились друг за другом, и различить их можно было лишь по числам на календаре.

Он всегда любил весну. С детства она была для него торжеством обновления всего сущего, праздником искупительной жертвы Христа. С весны каждый раз начинался отсчет новой жизни, новых стремлений и надежд. Он помнил весны раннего детства — нелегкой военной поры, помнил весны школьные и семинарские. И вот теперь наступала десятая весна его пастырской службы. И казалось бы, мир и покой должна нести она настоятелю двух приходов ксендзу Витаутасу Старкусу, но не было мира и не было покоя...

Где-то в глубине души еще теплилась надежда, что с наступлением весны все как-нибудь само собой образуется, все как-нибудь вновь наладится, встанет на привычные места. Но рассудком он уже понимал, что нечему образовываться, налаживаться.

Встревоженно смотрела на него мать, когда он посреди разговора вдруг замирал и отрешенно смотрел куда-то.

— Витас, сынок, — мягкой, ласковой рукой проводила она по его голове, — что с тобой?

— А? — спохватывался он. — Ничего, мама, ничего... Все будет хорошо...

— У тебя неприятности?

— Какие у меня могут быть неприятности? — грустно улыбался он. — Оба храма в порядке службы идут исправно, прихожане меня уважают, епископ доволен...

— Может, исповедаться тебе, сынок, снять тяжесть с души?

Исповедаться? Но в чем? В том, что ушла вера? Но разве он в этом виноват? Да и кому нужна его исповедь? Богу, которого нет? Соседнему ксендзу, который, может, и сам давно уже не верует? Епископу, способному лишь осудить, но не понять? Ну, а ты сам-то, Витас, ты сам-то можешь сейчас понять себя?..

● Уже неуловимо носится в воздухе предвестье тепла, но еще не проклюнулась капель, и на воскресную мессу люди идут одетые по-зимнему. Мягкий, спокойный свет подчеркивает изящество высоких сводов костела, привычно глядят со стен Христос и пресвятая дева Мария, торжественно звучит орган. Вот только сам отец Старкус сегодня, видимо, не в ударе. Нет месса идет как положено, но нет в ней той проникновенности, что обычно присуща его службе. Чувствуется, что действует он как бы машинально, думая о чем-то своем...

Впрочем, прихожане уже не первый раз замечают: что-то происходит с их ксендзом. Невысокий, хорошо сложенный, с красивым, одухотворенным лицом, он неизменно ласков, добр и внимателен. За три без малого года все так привыкли к этому, что грустная задумчивость, овладевшая отцом Старкусом в последнее время, многим бросилась в глаза. Может, приболел, терялись в догадках люди, может, с начальством не поладил?

● В бога он верил с тех пор как помнил себя. Верил так же легко и естественно, как жил и дышал. Среди самых ранних впечатлений его детства едва ли не самым сильным была радость совместной молитвы с отцом и матерью.

Да и вся его жизнь была обещана церкви еще до его появления на свет. В ту пору Ана Старкувене дала обет святой деве Марии, что если родится у нее сын, то воспитает из него примерного католика и выучит на ксендза. Мать, женщина глубоко верующая и весьма обстоятельная, весь дом держала в руках. Спокойный, молчаливый и мягкий отец полностью поглощен был исконными хлопотами земледельца. Впрочем, Миколас Старкус веровал так же искренне и глубоко, как и его жена, и ее обет выучить сына на ксендза встретил с пониманием.

Поначалу Витаутас склонен был объяснить свой жизненный путь именно этим обетом матери. Но чем больше он думал, тем сильнее убеждался: не в этом дело, вернее, не только в этом заключалось то главное, но пока ускользающее от него, что определило его путь служения вере, а затем увело его с этого пути.

С раннего детства он ходил с родителями, чаще с матерью, в костел. И вскоре эти посещения стали для него привычными и желанными. Несмотря на то что он с шести лет уже исповедовался и причащался, а к школе самостоятельно прочитал Евангелие, традиционный библейский бог еще долгие

годы оставался в его сознании некой могучей разумной силой, управляющей миром и последовательно воплощающей в нем добро в противовес злу. И лишь в духовной семинарии это простое и радостное восприятие божественной сути уступило место более сложному и углубленному философскому толкованию идеи и сущности бога. Процесс этот шел сложно и болезненно, но не оттого, что он усомнился в вере, — нет, вера его была искренна и глубока, — а оттого, что, желая стать достойным наставником верующих, хотел сам глубоко понять и осмыслить существо веры, ее историю, откровения и высшие истины.

И опять возвращаясь к детству, он подумал, что, может быть, именно материнская доброта и стала основанием для его представлений о боге. За время своей пастырской службы он узнал, что детский разум неспособен воспринять идею бога в ее догматическом виде и оттого-то одним малышам бог представляется грозным старичком, отовсюду следящим за их мелкими шалостями, другим — добрым дядюшкой, посылающим пряники за усердие в молитве и добродушно грозящим пальцем за проказы, а третьи вообще ничего не могут ответить на вопрос о боге. Но почему для одних — грозный старичок, а для других — добрый дядюшка?

Не из рассказов ли взрослых, вернее, не из тех ли свойств, которые почему-либо задели воображение ребенка или нашли отклик в его душе, складывается образ бога? Не так ли и он, с раннего детства ощутив доброту матери, перенес на бога эту доброту, казавшуюся ему в ту пору главным и желанным качеством окружающего мира. И с тех пор именно доброта и любовь к ближнему долгие годы были для него олицетворением истинной веры. Поставив знак равенства между этими понятиями, он всю дальнейшую жизнь двигался, словно телега по наезженной колее, будучи не в силах, да и не желая выбраться из нее. И лишь теперь, глянув со стороны, понял, что все эти годы его сознание запрограммированно отбирало для дальнейшего осмысления только те факты доброты, справедливости, высокой нравственности, что так или иначе были связаны с верой и католической церковью...

● — Ты куда, сынок? — обеспокоенно спрашивает мать, увидев, что он надевает пальто. — Поздно уже, десятый час!

— Пойду в костел, мама, помолюсь...

Он выходит на полутемную пустынную улицу и задумчиво бредет к костелу...

«Среди всех разбитых жизнью идеалов только ты, мама, сумела остаться сама собой. И лишь вера в тебя помогает мне сейчас как-то выстоять, сохранить остатки надежды. Нет больше в душе моей веры в бога, и если надо будет, то найду в себе силы сказать об этом и прихожанам, и коллегам, и епископу. Но как сказать об этом тебе, мама? Как разбить твое счастье, твою радость, что сдержала ты свой обет перед святой девой Марией? Как мне, опустошенному своей потерей, разрушить то, что ты считаешь смыслом и целью твоей жизни? Ведь именно твоя доброта изначально была для меня сущностью моей веры. И вот вера ушла, а твоя доброта осталась! Как же я отплачу тебе горем за твою доброту? Нельзя служить тому, во что не веришь! Но как сказать тебе об этом?..»

Темной громадой высится в ночи костел. Витаутас останавливается в нерешительности и, зябко поеживаясь, идет мимо...

Он вспоминает, как мать укрывала от жандармов своего брата Юргиса Киросаса, одного из активных участников установления в 1918 году в Литве Советской власти, как помогала ему, когда тот был на нелегальном положении. А ведь и в ту пору она была послушной дочерью католической церкви, отнюдь не поощрявшей «безбожную» власть. Но для матери доброта была высшей истиной, и в этом она видела сущность своей веры. И когда в Отечественную войну немцы пригнали в деревню рабочих из оккупированных областей России и распределили их по хозяйствам, в доме Аны Старкувене русские жили с хозяевами как одна семья. И опять ей не важно было, что скажут соседи, как посмотрят на ее отношение к русским местные и немецкие власти. Доброта матери искренна, бескорыстна и всеобща. Такой, впрочем, была и доброта их ксендза, который обязательно два-три раза в месяц наведывался к ним, выручал лошадью в страдную пору, картошкой и хлебом в неурожайные годы. А когда немцы хотели забрать в Германию на работу Антонаса — старшего брата Витаутаса, ксендз переправил его год рождения с 1924 на 1929.

Но ведь обманывать-то грех! И главное, никаких выгод, кроме вполне возможных неприятностей, не сулила ксендзу его доброта. Да, в основе его веры, так же как и веры Аны Старкувене, лежали доброта и любовь к ближнему. И он, Витаутас, воспринял их веру, их отношение к богу и к людям, к добру и злу...

В лицо пахнуло свежим ветром, и Витаутас обнаружил, что стоит, задумавшись, в конце улицы. Он грустно усмехнулся: вот ведь забрел в такую даль, а прежде не любил ходить вечером по темным улицам, — и медленно пошел назад.

● Казалось бы, поступление в школу должно было раскрыть перед ним новые черты жизни, заострить его внимание на том, что раньше было вне его кругозора и интересов, но именно это дуновение нового, незнакомого, заставило его еще сильнее сосредоточиться на своем внутреннем мире, который он тщательно оберегал от посторонних вторжений. Это уже потом, в старших классах, жизнь начала пробиваться сквозь его самоизоляцию, манить общением со сверстниками, книгами и кинофильмами, хотя он желал только одного — глубже веровать, все больше и больше приближаться к богу.

Все чаще и чаще возникала мысль: ведь можно и быть добрым католиком, и жить вполне мирской жизнью. Но юношеский максимализм восставал против любых уступок, требовал отринуть соблазны во имя заветной цели, ибо что могло быть величественнее и благороднее, чем служение богу, его высшим, непостижимым истинам чем пастырская деятельность, направленная на то, чтобы выращивать в душах людей посеянные свыше семена добра, справедливости и взаимной любви. И вместо танцев он шел в костел, вместо своих сверстников общался с ксендзом и наиболее верующими прихожанами, вместо художественной литературы читал книги религиозные. Лишь одно увлечение позволил он себе, и то потому, что в нем хоть частично реализовывалось то, к чему он стремился, — любовь к животным. С ними он мог возиться часами, обихаживать их — и получал от этого огромную радость...

Яркий свет падает на его лицо. Он поднимает глаза и видит, что подошел к своему дому. Городок уже давно спит, и только здесь светятся окна. Теплая волна окатывает его. «Мама, — растроганно думает он, — не спишь, волнуешься... Как же мне сказать тебе, как сделать это, чтобы не разбить твое сердце, равно любящее и меня и бога!»

● Тянутся, тянутся предвесенние дни. И по-прежнему служит ксендз Витаутас Старкус в Сидобравском и Дапшенском приходах, и по-прежнему не знает, как и чем ему дальше жить. Лишь одно теперь ясно ему: ушедшая вера уже не вернется, но вместе с ее уходом жизнь не кончилась, как это прежде казалось ему. Просто остался позади большой ее этап, сложный и мучительный. И вновь вспоминает он прошедшее...

Вот взволнованно переступает он впервые порог Каунасской духовной семинарии. Но ректор, познакомившись с абитуриентом, посоветовал подождать: молод еще, попробуй мирской жизни и, если убедишься, что твердо твое решение, — милости просим.

Конечно, в словах ректора был резон, но как невесело возвращаться домой несолоно хлебавши, особенно после того, как со всеми распрощался и получил благословения. Он начал работать в колхозе, но желание учиться — пусть пока не в семинарии, но обязательно учиться — взяло верх над опасениями перед сугубо светским обучением. Однако год учебы в Салосском сельскохозяйственном техникуме, несмотря на хорошие оценки и доброжелательное отношение преподавателей, не поколебал его решение поступать в семинарию. К тому же и в армию его не взяли из-за слабого зрения. После медкомиссии он ушел из техникума, но в семинарию уже опоздал и пошел работать на торфоразработки. В сентябре 1960 года стал клериком Каунасской духовной семинарии.

● По-разному уходят люди от веры и по-разному уходит вера от людей. Витаутас Старкус такое видел. И, конечно же, перед ним всегда вставал вопрос: «Почему?» Он либо воспринимал это как божье наказание за грехи, либо считал, что не выдержал человек искуса верой, не под силу оказалось ему нести в себе то сокровенное, что есть в одно и то же время и божья благодать, и крест господний. Да и как еще мог воспринимать отход от веры он, человек, считавший ее величайшей ценностью, целью и смыслом бытия?

И вот теперь, когда он сам прошел через это, стал открываться ему смысл чужих метаний и поисков. Впрочем, не только чужих! Он уже начал понимать: может быть, именно в семинарии лежат истоки его духовного прозрения...

Его сочинение на вступительных экзаменах «Что я знаю о Христе» мно-

гие преподаватели считали лучшим. И характер его — мягкий, ласковый, доброжелательный — признан был «хорошим материалом» для формирования истинно христианского пастыря. И учился он с увлечением, ибо все, что преподавали здесь, казалось ему высшим откровением. Его вера теперь принимала отточенные веками строгие формы католического учения.

Но здесь же, в семинарии, многое из того, в чем он прежде видел смысл и суть веры, подверглось суровым испытаниям. И опять-таки, лишь годы спустя, когда начал все больше задумываться над прожитым, он вдруг понял: испытания эти были не случайным стечением обстоятельств, не чьим-то упущением или злой волей. Нет, они были такой же неотъемлемой частью обучения и воспитания, как лекции по теологии, как ежевечерние библейские тексты для осмысления, как ежеутренняя молитва или воскресные конференции. Кое-кто не выдерживал этого — покидал семинарию, других такие испытания просто ломали.

Особенно запомнился Витаутасу один из семинаристов. Он и сейчас время от времени встречает его на улицах Вильнюса и всегда испытывает острую жалость. В тот день он, Витаутас дежурил у выхода из семинарии, когда к нему подошел декан (клерик последнего курса) и спросил, не видел ли он этого семинариста. Витаутас ответил, что не видел и поинтересовался, в чем дело. Странно, сказал декан, не завтракал этот семинарист, не обедал и нигде его нет.

Начались поиски. Вскоре хватились, что нет ключа от одной из ризниц. Бросились туда. Дверь оказалась заперта изнутри. В ризнице лежал инвентарь, употребляемый во время служб, и большой крест, который выносят во время похорон. Стали стучать в дверь, но из ризницы никто не отзывался, доносилось лишь какое-то бессвязное бормотание. Кое-как открыли дверь. Пропавший семинарист стоял на коленях около креста и, обливаясь слезами, бессвязно бормотал молитвы. Он никого не узнавал и долго не мог понять, что от него хотят. В семинарии поднялся тихий переполох. Ясно стало, что у парня помутился рассудок. Его отправили на две недели в отпуск — домой, а вскоре он вообще исчез из семинарии. Позднее стало известно, что до такого состояния его довели воскресные конференции, на которых речь обычно шла о том, как тот или иной человек отошел от веры и был жестоко наказан богом и людьми.

Уйдя из семинарии, этот юноша поступил на философский факультет университета, но учиться не смог — перенесенное потрясение навсегда наложило свой отпечаток на его способности и нервную систему.

Тогда Витаутасу было просто искренне жаль своего товарища. И лишь позже он стал понимать, что эти конференции были не чем иным, как отработанной системой регулярного внушения, призванной предотвращать у будущих пастырей даже мысль о возможности разрыва с верой и церковью. А тогда он недоумевал: зачем нужны эти запугивания, ведь бог — олицетворение добра! Впрочем, и помимо воскресных конференций было немало поводов для недоумения. Так, полагалось исповедоваться четыре раза в месяц. Преподаватели внушали: исповедуйтесь почаще. Но если кто-то следовал их совету, то попадал на подозрение — не слишком ли много кается, может, нетверд в вере? Старшие семинаристы обязаны были следить за младшими и докладывать обо всем, что им показалось нарушением устава. Зачем все это, недоумевал Витаутас. Здесь же все искренне верующие люди!

Но поделиться сомнениями было не с кем. Семинарист не имел права ни в чем сомневаться. Все, что тут делалось и говорилось, совершалось от лица святой церкви. А усомнившемуся в ее словах или делах — не место в семинарии!

Многое довелось повидать Витаутасу, прежде чем он понял: не на веру их испытывают, а на готовность к слепому, бессловесному подчинению. Но зачем? Разве не принял он на себя добровольно обязанность повиноваться церкви, переступив порог семинарии? И разве жестокостью и властью сильна святая церковь, а не искренней и всепоглощающей верой слуг ее? Однако кому задать этот вопрос, с кем посоветоваться? Малейшее сомнение — и его исключат из семинарии! Рухнет мечта стать пастырем. Но разве это грешно — попытаться понять, в чем твоя вина, в чем ты не прав?

Он пошел к исповеднику и откровенно все рассказал. Почему, взволнованно спрашивал он, власть для церкви важнее веры? Почему идут распри между ксендзами? Как могут они учить людей любви к ближнему, если сами этому не научились? Исповедник долго молчал, наконец вздохнул и мягко ответил:

— Нет мира в твоей душе, сын мой. А к господу надо идти с ясной душой и смиренной волей. Ибо, вспомни: «Не как я хочу, но как ты...» — и потому мой совет тебе: вернуться на некоторое время в мир и понять себя.

Исповедь не дала желанного облегчения. Он по-прежнему мучился, не зная, на что решиться, но совесть его была чиста, и он в конце концов решил вновь пройти искус мирской жизнью...

● Два с половиной года проходил он свой искус. Два с половиной года всматривался, вслушивался и в себя, и в тех, кто окружал его. Многое осело в памяти, многое вспомнилось потом, когда начал размышлять — еще неосознанно — над своей верой. Но в ту пору ничто не поколебало ни его веры, ни желания стать пастырем. Испытывая себя, он еще строже стал относиться к соблюдению всех предписаний церкви, регулярно поддерживал связь с бывшими семинаристами, ставшими уже ксендзами, с преподавателями семинарии.

И хотя взгляды его не изменились и он по-прежнему считал, что именно верой, а не властью сильна церковь, что непотребно ксендзам заниматься ссорами, лицемерием, стяжательством, его желание стать пастырем от этого не остыло. В конце концов, рассудил он, мало ли что бывает. Каждый сам отвечает перед своей совестью и перед богом. А раз есть плохие пастыри — тем более для утверждения веры необходимы хорошие...

24 мая 1967 года Витаутас Старкус в присутствии 18 ксендзов, матери, отца, старшего брата и других родственников был рукоположен епископом в ксендзы. Исполнилась его мечта! Наконец-то понесет он людям слова истинной веры, добра, любви к ближнему!

Он был энергичным и умелым ксендзом. В епископии оценили его и не раз давали трудные, запущенные приходы. Он оживлял их, ремонтировал костелы, налаживал в них службу.

«Вы не рассказывайте нам про прежних святых, — говорили ему верующие, — мы почитаем их, но они жили в одно время, а теперь — совсем другое. Нам важно, как сейчас следует жить — в семье, между собой и с людьми». Разве не к этому стремился он, не об этом мечтал говорить с амвона?

И он говорил. Проповедовал искренне, страстно и убежденно. Но странное дело, именно теперь, став пастырем разъезжая по разным приходам, налаживая их, готовясь к проповедям и исповедям, стал он задумываться над тем, что раньше считал либо несущественным либо само собой разумеющимся. Он вдруг обнаружил, что от устройства земной, чисто практической жизни его прихожан зависит их духовное и нравственное здоровье. Раньше он как-то не связывал это между собой. Для него всегда важно было лишь духовное, лишь вера, а материальные условия жизни были второстепенным и суетным, отвлекающим от главного — духовных забот. Теперь же он понял, что для его прихожан эти две стороны их бытия одинаково важны, и там, где в забросе одна, — хромает и другая.

Всю свою предыдущую жизнь он считал, что именно вера, именно ее высшие истины и откровения — суть и смысл жизни каждого доброго католика. Но чем ближе узнавал он своих прихожан, тем больше убеждался, что роли небесного и земного в жизни подавляющего большинства верующих как бы поменялись местами. Впрочем, задумавшись над этим, он понял, что церкви это давно уже известно, ведь не зря в семинарии их, будущих ксендзов, поучали, что надо уметь поддерживать и раздувать веру в душах своих прихожан. Если ваш прихожанин колхозник, говорили преподаватели, его ругают за всякую мелочь бригадир, председатель колхоза, парторг, председатель сельсовета. Дома его ругает жена, постоянно теребят и чего-то требуют дети. Всем он что-то должен, всем чем-то обязан, это не дает ему покоя, раздражает, злит, и он уже порой и сам себя перестает уважать. Значит, в костеле вы должны говорить о его добрых делах, о лучших качествах его характера, то есть возвращать ему уверенность в своих силах и уважение к себе. Тогда земные хлопоты и неурядицы представятся ему тщетными перед лицом высших истин и вы будете его первым другом и советчиком.

Тогда он лишь добросовестно запоминал эти поучения, чтобы использовать их в своей пастырской деятельности; но теперь, наблюдая за жизнью прихожан и размышляя над ней, понял, что преподаватели оценивали ее весьма односторонне. Да, во всех приходах, где ему довелось служить, он видел, что и верующие и неверующие работали

напряженно, что бывали и конфликты, и недовольства, и несправедливость — все это случалось. Но видел он и то, что большинство конфликтов и недоразумений в производственной деятельности людей связано с их искренней заботой об общем деле. Да и мог ли он, выросший в крестьянской семье, не видеть тех изменений, что год за годом происходили на его родине. Он прекрасно помнил, что раньше даже двадцать гектаров земли не всякий год могли прокормить семью — земля-то в основном была болота да неудобицы. Теперь же дети с недоверием слушали рассказы взрослых о том, что когда-то многим не хватало хлеба до нового урожая. Дети просто не могли это себе представить! Он видел, как уходили из деревень и хуторов соломенные крыши, как в городах и в колхозах росли новые добротные дома, как облагораживался труд людей, как все большую часть тяжелой работы брали на себя машины.

Нет, не мог он не замечать, что с каждым годом люди жили все лучше что даже для его прихожан и результаты и смысл их труда все больше становились смыслом всей жизни, что в огромной созидательной работе, проходившей перед его глазами, не было места ни для религии, ни для него, Витаутаса Старкуса. Его не отталкивали в сторону, не притесняли, не чинили ему каких-либо препятствий, наоборот, если необходим был материал для ремонта дома или костела — помогали. И все же он был нужен лишь своим прихожанам да руководству епископии, а любой из его прихожан нужен был всем. И вот это-то ощущение отстраненности от того, чем жили люди, от их общих забот и свершений постоянно мучило его, заставляя размышлять о месте веры в жизни людей и о его месте в жизни.

Раньше он был уверен, что именно в вере — залог морального и нравственного здоровья человека, что только искренне верующий католик духовен, добр и справедлив. Теперь же начал понимать: и вера не всегда спасает от безнравственности, и безверие — не причина аморальности и греховности человека. Он и раньше понимал, что верующий может согрешить, но верующие, казалось ему, грешат по мелочам, а тот, у кого нет бога в сердце, — закоснел в пороках. Но теперь он увидел, что может быть и наоборот!

● Очень сильное влияние оказал на него каноник Владас Купстас, к которому Старкуса назначили викарием. У Купстаса в свое время служил викарием И. Рагаускас. Каноник тепло о нем отзывался, хотя и осуждал за разрыв с верой.

— Никогда не дели людей на верующих и атеистов, — говорил он. — Смотри каков человек. Быть хорошим человеком — значит быть угодным богу, даже если ты и неверующий. Быть плохим — значит не чтить бога, сколько бы ты ни возносил ему молитв...

И все-таки в тот период у Старкуса еще не было сомнений в истинности веры. Просто жизнь оказалась сложнее, чем он это себе представлял. И если он хотел утверждать веру в сердцах людей, то не имел права закрывать глаза на эти сложности. Наоборот, думал он, именно через тернии сложностей лежит путь к истинной вере, к истинному познанию божественной сути!

Он говорил в своих проповедях о морали, о воспитании детей, об отношениях в семье и между близкими, об отношении к труду и к родине. Готовясь к выступлениям, читал Ушинского, Сухомлинского, Печкаускайте, перелагал на религиозный лад материалы из республиканского журнала «Шейма» («Семья»), старался откликнуться на поднимаемые в газетах и журналах проблемы, если видел, что они волновали верующих.

— Крещены вы или не крещены, католики вы, православные или протестанты, молитесь вы или не молитесь — не это главное в вашей жизни, — внушал он прихожанам. — Ибо сказано, что не тот войдет в царствие божие, кто повторяет «боже, боже», а тот, кто выполняет волю божью. Вы должны быть честными, добрыми, чуткими, справедливыми, — вот в чем учение Христа и воля его...

Однажды, когда он уже был настоятелем Сидобравского и Дапшенского приходов, у него заболела мать. Он бросился вызывать врача, но выяснилось, что «скорая помощь» уехала на другой конец района и вернется не скоро. Ему посоветовали самому найти машину и привезти врача к матери. Тогда он стал обходить тех своих прихожан, у кого были машины. Но никто из них не захотел ехать ночью в слякоть и грязь за 18 километров. Выручил парторг колхоза, которого Витаутас встретил на улице. Он сам спросил Витаутаса, что у него случилось, и предложил свою помощь. Он и привез врача, и отвез его обратно, и даже купил на свои деньги ночью лекарство.

Именно после этого случая Витаутас словно споткнулся о нечаянную мысль: если и доброта, и человечность, и честность, и справедливость присущи неверующим в той же степени, что и верующим, значит, это все не от того, что человек верует? А если не от веры, значит, и не от бога? А что же тогда от бога? В чем смысл и назначение веры?

Все эти вопросы замелькали в его голове, и он, испугавшись их, бросился на колени и стал молиться. Он запретил себе даже думать об этом, но не думать уже не мог. Сомнения множились в его сознании, а в религиозной литературе он не находил на них убедительных ответов.

Но в то же время память все чаще возвращала его к двум книгам, которые он после окончания семинарии прочел по рекомендации знакомого ксендза. Это были книги И. Рагаускаса «Ступайте, месса окончена!» и Р. Айдукайте-Рагаускене «Летайте, как птицы». Тогда он во многом был не согласен с авторами, кое-что в этих книгах ему активно не нравилось, но теперь, чем больше он размышлял над ними, тем сильнее убеждался, что в главном и Рагаускас, и его жена были правы.

Не без внутренней робости взялся он за марксистскую философию. И чем больше читал, тем яснее понимал, где истина, а где иллюзии и заблуждения. Он еще внутренне сопротивлялся, еще пытался спорить сам с собой, но постепенно от стройной и величественной религиозной картины мира в его сознании не осталось камня на камне...

И тогда его охватило отчаяние. Пусто стало на душе, пустотой и прахом показалась вся жизнь, все стремления и надежды. И он как бы замер на какое-то время, словно прислушиваясь к тому, что происходило в его собственной душе.

Встревоженно смотрела на него мать, когда посреди разговора он вдруг замолкал и отрешенно смотрел в одну точку.

— Витас, сынок, — мягкой, ласковой рукой проводила она по его голове, — что с тобой?

— А,— спохватывался он. — Ничего, мама, ничего. Все будет хорошо...

● И вновь примчались влажные ветры, разнесли в клочья сырой туман, разодрали пухлые низкие тучи, словно раздернули в сумрачной комнате огромное, плотно зашторенное окно. Солнечный ливень ударил по улицам, по садам, огородам и полям. Враз почернели крыши, грянули звонкие капели по хрупкому ночному льду. А из-под сугробов, из-под черных слежавшихся за зиму снежных глыб, набирая силу и скорость, рванулись веселые шалые ручьи.

Деловито, споро идет по улице, привычно раскланиваясь с прихожанами, ксендз Витаутас Старкус. Надо в обоих приходах все привести в идеальный порядок. На это уйдет не один день. Но он честно верил, честно служил и должен уйти честно...

24 апреля 1977 года, за месяц до десятилетия своей пастырской деятельности, он поднялся на амвон в костеле Сидобравоса и произнес перед верующими свою последнюю проповедь, а вернее сказать, исповедь. Исповедь о том, как искренне верил и заблуждался, о том, к чему пришел в итоге тридцати с лишним лет убежденной веры и почти десяти лет пастырской службы. Затем, уже в светской одежде, поехал в Дапшенский костел и объявил, что сложил с себя сан ксендза и поэтому службы не будет... Потом отправил два письма — одно в редакцию газеты «Тиеса» *, другое — епископу Р. Крикшюнасу. Оба — с заявлениями об отречении.

● ...Дверь мне открыл невысокий стройный мужчина лет сорока с темной бородкой. Тонкое, интеллигентное лицо. Внимательные, с легкой усмешкой глаза. Это Витаутас Старкус, референт Литовской республиканской организации общества «Знание».

— Заходите, — приглашает он, — извините, у меня рабочий беспорядок — готовлюсь к экзаменам.

В комнату входит полная женщина с седыми волосами и добрым, чуть печальным лицом.

— Знакомьтесь, — говорит Витаутас, — это моя мама... Теперь мы опять вместе. Мама по-прежнему верует и попрежнему любит меня...

У Витаутаса прекрасная жена, двое детишек. В этом году он заочно заканчивает Вильнюсский пединститут. Есть чем гордиться!

— Что поделаешь, — улыбается он, — приходится наверстывать упущенное Хочется еще что-то успеть в жизни...

И он успеет. Человек, прошедший долгий путь поисков истины и наконец обретший ее, должен многое сказать людям.

* См.: «Наука и религия», 1977, № 10.

ХОЧУ ОГРАДИТЬ ОТ ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Осенью прошлого года «братья и сестры во Христе» посетили меня в больнице, расположенной в лесу, а потом, когда я провожал их к автобусной остановке, они устроили в лесу небольшое собрание с молитвами и пением, стараясь уж в который раз спасти «заблудшую овцу» — вернуть меня в лоно религии. Началось это после моего почти 12-летнего пребывания между религией и атеизмом. Не обошлось и без обещаний помочь мне деньгами, и без угроз.

Веруя искренне и глубоко, я многое видел и пережил. С самого детства до 25 лет жизнь моя прошла в печали и слезах, в служении богу. Хотелось бы, чтобы другие не повторили мою ошибку, шире раскрыли глаза на действительность, чтобы понапрасну, как у меня, не прошла их юность, не пропала молодость.

Родился я на Житомирщине в семье глубоко верующих. Отец был дьяконом, умер он рано, нас осталось пятеро сирот, мне, младшему, было два года. Один за другим от голода умерли мои старшие два брата и сестра. Ни их, ни отца я не помню, но мне запомнился день, когда братик Коля лежал в гробу, а мама причитала: «Сынок, возьми и меня с собой...»

Потом к нам в дом стали приходить мужчины и женщины, приводили с собой и детей. Они красиво пели, что мне нравилось. Но когда все становились на колени и громко молились и плакали, это меня пугало, я дрожал и тоже плакал. Позднее я узнал, что люди эти — баптисты. Они говорили, что отец мой, братики и сестра уже в царстве небесном, и мне очень тоже хотелось умереть, чтобы скорее попасть к ним на небо. У меня был звонкий голосок, я изо всех сил старался петь вместе со взрослыми, и за это меня хвалили. Больше всех мне нравился проповедник. Он всегда сажал меня рядом с собой, научил читать и писать так хорошо, что я, минуя первый класс, пошел прямо во второй. В общине мне подарили Евангелие и гусли. Семилетним я декламировал на собраниях баптистов религиозные стихи. Проповедник говорил, что я безгрешен, от грехов избавлен кровью Христа и для меня уже уготовано царство небесное.

Но скоро я совершил такой грех, что для его искупления перед богом готов был наложить на себя руки...

Как-то собрание верующих проходило в саду, а по окончании его проповедник велел мне отнести Евангелие в хату. Книга была старая, истрепанная, я споткнулся и упал, листки, подхваченные ветром, разлетелись. Проповедник жестоко избил меня ремнем, обещая, что меня еще и бог накажет. Мама больше месяца залечивала мазями иссеченное мое тело, и нужно же было так случиться, что вскоре сгорела наша хата.

Я тогда твердо поверил, что меня наказал бог за уроненное Евангелие. Как я после этого молился! Но мне казалось, что искупить тяжкую вину перед богом я смогу только своей смертью. И решил повеситься. С радостью надел петлю на шею. Пришел в себя от громкого плача мамы и соседки — они вынули меня из петли, а испуганный проповедник стал со мной ласковым, говоря, что бог меня уже простил, но все же нужно молиться и молиться. И я молился, соблюдал посты и не стыдился идти по селу и громко петь религиозные песни, терпеливо сносил насмешки моих безбожных сверстников.

С самого детства у меня была любовь к стихам, я тайком сочинял их, а когда мне было 15 лет, мои стихи напечатали в районной газете. Возможно, вышел бы из меня поэт, но руководители общины, пресвитер и проповедник, сказали, что искра божья в моей душе должна быть отдана на служение господу, и мне стали давать задание на такой-то стих такой-то главы Евангелия написать слова религиозной песни. И я писал, находя для себя в этом большую радость. Стихотворения, написанные мной, кем-то исправлялись, а иногда и без исправлений где-то печатались и к ним прилагались ноты. Эти песни приписывались ученикам Иисуса Христа или кому-то из тех святых, кто жил во времена становления христианства.

Чтобы привлечь людей в баптистскую общину и удержать тех, кто редко посещал собрания, ее руководители пускались на всяческие хитрости. Как-то в селе Сымоны на молитвенном собрании вечером проповедник сетовал на то, что некоторые верующие поддались искушениям Сатаны, плохо посещают собрания, мало молятся, а Сатана и сейчас ходит вокруг дома и злится, что люди, собравшиеся в этой хате, служат не ему, Сатане, а богу. Я сидел рядом с моим двоюродным братом, и, когда все опустились на колени, брат,— я хорошо это видел,— быстро погасил настольную лампу, набросил на себя что-то черное, надел маску, вскочил на стол и зарычал, как бы изображая Сатану. Глаза и зубы его светились. Увидев «Сатану», люди в страхе выкрикивали молитвы, а некоторые просто онемели от ужаса. В этой суматохе брат быстро соскочил со стола, снял маску и накидку, стал на колени и принялся громко молиться.

Подготовку к этому спектаклю я наблюдал несколькими днями раньше. Брат покрасил военную плащ-палатку в черный цвет, а для «сатанинской головы» взял арбуз, вынул из него мякоть, сделал отверстия — глаза, рот, а из ясеневых корней — зубы и зрачки и вставил в эту кубышку. Дело в том, что ясеневые корни в темноте светятся, как фосфор. Вот и получился «Сатана» со светящимися глазами и зубами. Верующие потом говорили, что видели даже хвост и копыта, хотя их и не было. Я высказал брату свое возмущение обманом, а он пригрозил, что если я об этом кому-нибудь скажу, то меня исключат из общины.

Вскоре мне представился еще один случай убедиться в надувательстве верующих руководителями общины. В лесу на поляне, где высился могучий дуб, шло собрание общины. Проповедник сказал: «Дорогие братья и сестры, воздадим еще раз хвалу господу богу Иисусу Христу. Помолимся!» И как только все упали на колени, вверху, где-то над головами, раздался голос: «Убойтесь бога, ибо я иду и скоро приду!» Это прозвучало трижды. Что сделалось с верующими — словами нельзя передать, нужно было видеть. Люди поверили, что говорил действительно сам Иисус Христос, и начали исступленно молиться. Но, помня случай с «Сатаной», я втайне от всех решил проверить и это чудо. Когда все ушли, я залез на дуб и нашел в ветвях репродуктор. Проводка от него тянулась в кусты орешника. Я и об этом рассказал моему двоюродному брату и пресвитеру, но оба стали яростно доказывать, что мне все померещилось, что это сатанинские наваждения. Пресвитер и брат повели меня к дубу, но на нем репродуктора и проводки уже не было. Мне так задурили голову, будто я одержим дьявольскими видениями, что я действительно заболел, был близок к помешательству, не зная, кому верить. Однако в бога, в святость Библии я продолжал верить глубоко.

После принятия крещения я был регентом, затем проповедником, меня приглашали в другие села для укрепления веры в тех общинах, где наблюдались колебания верующих, снижалась посещаемость собраний. Я старательно выполнял все поручения старших «братьев», а они даже вмешивались в мою личную жизнь. Так, когда я собрался жениться на милой моему сердцу девушке и была уже назначена свадьба, руководители общины воспротивились, кричали, что я хочу совершить противное богу дело: променять любовь Христа на плотскую страсть к женщине. И я отказался от невесты.

Уклонялся я и от службы в рядах Советской Армии, а когда все-таки меня призвали, отказывался брать в руки оружие. Много доставил я хлопот своим начальникам, но с большой благодарностью вспоминаю я сейчас командира батальона, сумевшего найти дорогу к моей душе. Он-то и убедил меня, что «богу служи, а власти подчиняйся», и я потом стал отличником боевой и политической подготовки.

Так я и был глубоко верующим до 25 лет. Но вот как-то в библиотеке попала мне в руки книга Е. К. Дулумана «Почему я перестал верить в бога». Как я его ругал! И все-таки эти впервые прочитанные смелые строки заронили в мою душу сомнения. Я начал критически перечитывать Библию, сопоставлять мораль коммунистическую и мораль религиозную, стал читать и ту литературу, которая рекомендовалась в атеистических книжках. Вот так я познакомился с трудами К. Маркса, В. И. Ленина.

Медленно, с большой внутренней борьбой я начал отходить от религии. Мне было больно сознавать, что нет никакой загробной жизни, ради которой я отказывался от земных благ. А уж если и верить в фантастическое загробное царство, то как же спастись, как в него попасть — ведь одна только христианская религия имеет более трехсот ответвлений и каждое из них уверено, что именно оно идет по божьей стезе. Теперь мне искренне жаль людей, которые надеются на несуществующий загробный мир.

Верующие любят повторять: без бога ни до порога, без божьей воли и волос с головы не упадет. Но если это так, если действительно все делается по воле бога, тогда какой же грех можно приписывать человеку за содеянные им преступления — ведь, значит, человек совершил свой проступок по воле самого господа бога? Выходит, что не человек, а сам, господь ответствен за все злодеяния... Когда глубоко верующий начинает сомневаться в своей вере, то ох как много вопросов возникает у него к несуществующему богу!

Я познакомился с Е. К. Дулуманом выступал с ним по Центральному телевидению, выступал по Черкасскому областному радио, вел в Черкассах индивидуальные беседы с верующими, и некоторые из них отошли от религии. Когда мои «братья и сестры» убедились, что меня уже ничто не вернет к религии, то начали соблазнять (особенно пресвитер) благами материальными. Потом стали угрожать. Кроме того, мне говорили, что Дулуман никогда не был верующим, а окончил духовную семинарию по заданию комсомола, с тем чтобы потом отречься. Это, мол, делается для большего впечатления: если против религии выступает священник, то ему больше верят. Так говорили и о Дарманском. Говорили всякие нелепости и обо мне, но я стараюсь принести пользу людям, хочу оградить их от заблуждений, которым отдал долгие годы своей жизни.

В. ШАФАРЕНКО

с. Сорочень
Житомирской области

ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ ЗАДАЧ

Вот уже 28 лет я прихожу в ставшую мне родной Аукштадварскую среднюю школу. Не одному поколению выпускников дали мы путевку в жизнь. На моих глазах произошли большие изменения в поведении и сознании учеников. Они все активнее отстаивают принципы коммунистической морали, получают мировоззренческую закалку.

Руководство школы считает мировоззренческое воспитание одной из своих главных задач. При школьном комитете комсомольской организации есть атеистический клуб. В составе совета клуба — заместитель секретаря партийной организации, заместитель директора по воспитательной работе, старший пионервожатый, учителя-коммунисты, комсомольцы старших классов.

Каждую неделю в клубе проводится одно мероприятие. Это может быть доклад, лекция, беседа, диспут, вечер вопросов и ответов. В начале учебного года мы знакомим членов клуба с 52-й статьей Конституции СССР. Учащиеся прослушивают доклады на такие темы, как «Конституция СССР о свободе совести», «Отделение церкви от государства и школы от церкви».

Ребята охотно ставят атеистические пьесы, посещают музей атеизма и религии в Вильнюсе. Интересно проходят в школе конкурсы рисунков на атеистическую тему. Конечно, нам предстоит еще немало поработать над воспитанием у школьников материалистической убежденности, но сегодня мы уже можем сказать, что в нашей школе массовые атеистические мероприятия стали традиционными.

А. ВЕРСЯЦКАС,
секретарь парторганизации Аукштадварской средней школы

Тракайский район
Литовской ССР

НА СВОЕМ ОПЫТЕ

Университет я окончил около 10 лет назад и вернулся преподавать в среднюю школу в родной деревне. Родители мои — люди глубоко верующие, особенно мать. Сам я к религии и к атеизму относился весьма безразлично и никогда не предполагал, что жизнь заставит меня сойти с позиции стороннего наблюдателя.

С проблемой религиозности я столкнулся, когда в семье моей родилась дочка. Она немножко подросла и заинтересовалась окружающим миром, который начинался для нее с любящих бабушки и дедушки. Моя мама, пользуясь своим непререкаемым авторитетом начала воспитывать любимую внучку в религиозном духе. Мы с женой, конечно, воспротивились, просили этого не делать, но успеха не имели. Бабушка продолжала поступать так, как находила нужным по своим убеждениям. Тогда мы определили дочку в детский садик. Но было бы бессердечно лишать ее общения с любимой бабушкой. Встречи возобновились, возобновилось и религиозное воспитание, хотя уже и не столь систематическое.

Постепенно девочка переменилась. Она приучилась скрывать от нас, от папы и мамы, то, о чем говорила ей бабушка, научилась притворяться, лицемерить, а иногда беззастенчиво и упрямо врать. Создалось положение, с которым мириться было больше невозможно. Я понял, чего стоит религиозная мораль, и серьезно поговорил со своими родителями — сказал им все, что думал. Они, разумеется, обиделись и запретили приводить к ним внучку, объяснив, что не могут оставаться равнодушными к ее воспитанию, не могут не учить ее божьим законам, по их мнению, обязательным для всех литовцев. Вот так и заявила мне моя мать: если ты литовец — значит, обязан быть добрым католиком. Это заявление заставило меня обратиться к атеистической литературе. Много я перечитал книг, читал и ваш журнал. Я взялся руководить школьным атеистическим кружком, поняв окончательно, что религиозный фанатизм не останавливается ни перед здравым смыслом, ни даже перед родственными чувствами.

Когда мои родители узнали, что я стал «слугой Сатаны», в доме поднялась буря. Отец поднял на меня руку. Мама плакала, но, увы, не от жалости ко мне, а от обиды. Воочию я увидел, какова же в действительности проповедуемая религией любовь к ближнему. Ведь я своим родителям — самый ближний!

Прошло некоторое время, страсти улеглись, острые углы сгладились. Мы с дочкой снова ходим в гости к дедушке и бабушке. Но дочку одну я у них не оставляю, да и отношения с родителями у меня уже не прежние. Грустно мне сознавать, что этот раздор принесла в нашу семью религия. Ответы на свои мысли я нахожу в вашем журнале, который стал для меня необходимым и постоянным советчиком. Надеюсь, что со временем и родители мои переменятся ко мне, поймут, что я стремлюсь помочь людям разобраться во всем том, что мы называем мировоззрением. Я счастлив, что вношу свой скромный вклад в дело формирования духовного мира советского молодого человека. Ох, как не гладко проходит оно, это формирование! Я — учитель и атеист — хорошо это познал на опыте.

Р. ЖАЛЕНАС

дер. Гедучай
Литовской ССР

ПОЛУЗАБЫТАЯ ФОРМА

Тот факт, что у нас ведется активный поиск новых форм и методов атеистической работы с детьми и подростками, бесспорен. Но вот беда — нередко, увлекшись поиском нового, мы теряем хорошее старое.

Несколько лет назад в ряде районов столицы, в том числе в Октябрьском, с большим успехом проходили атеистические кинолектории для школьников и учащихся профтехучилищ. Проводились они в кинотеатрах «Ударник», «Алмаз» и «Прогресс». В первых двух — для старшеклассников, в «Прогрессе» — для учеников пятых—седьмых классов.

Работа по созданию кинолекториев началась с установления контактов с дирекцией объединения кинотеатров района, которую в ту пору возглавлял И. Я. Юркин (он был одновременно директором кинотеатра «Ударник»), а также с представителями районного отдела народного образования Г. Г. Бойко и Т. И. Эченике. А помогли нам наладить эту работу сотрудники управления по кинофикации Мосгорисполкома, Московской конторы кинопроката, Московского Дома научного атеизма, Музея Л. Н. Толстого, Биологического музея имени К. А. Тимирязева, а также члены Союза писателей.

Подбирая фильмы, мы старались увязать их со школьными учебными программами. Так, для старшеклассников, изучавших творчество Л. Н. Толстого, мы несколько раз показывали кинофильм «Живой Толстой» из фондов

Музея Л. Н. Толстого. Перед школьниками выступали ученые, писатели, поэты, журналисты, бывшие верующие.

На торжественное открытие нашего первого кинолектория в кинотеатр «Ударник» пришел писатель В. П. Беляев. Зрительный зал, вмещающий около двух тысяч человек, заполнили дети и взрослые. Они пришли послушать автора, еще раз увидеть полюбившийся фильм «Старая крепость». Запомнилась встреча с писателем Н. С. Евдокимовым, автором повести и сценария кинофильма «Грешница». Его рассказ, почему он выбрал именно этот сюжет, о том, как снимался фильм, был особенно интересен. На занятиях в кинолектории читала свои стихи поэтесса Новелла Матвеева.

Тепло встречали ребята выступление лектора Московского Дома научного атеизма Г. В. Гриненко о приметах и гаданиях, директора кинотеатра И. Я. Юркина, человека интересной судьбы, старого чекиста. В Великую Отечественную войну он был начальником особого отдела в партизанском отряде С. А. Ковпака. Исключительный интерес у школьников вызывали встречи с бывшими верующими — в том числе с А. Б. Чертковым, снявшим с себя сан священника православной церкви, ныне кандидатом философских наук. Однажды к ребятам пришел молодой солдат комсомолец Ефим Каленик, уроженец Западной Украины. Призванный в ряды Советской Армии, он по религиозным мотивам отказался принимать воинскую присягу. Много пришлось поработать с Ефимом офицерам, политработникам, товарищам по роте, прежде чем он понял, что истина лежит не там, куда звали его проповедники.

Вспоминая о наших кинолекториях, нельзя не сказать несколько слов о том, что все, кого мы приглашали выступить перед ребятами, с удовольствием это делали. Как-то на встречу в кинотеатр «Ударник» должна была приехать кандидат биологических наук К. Б. Серебровская, но заболела. Мы думали, выступление сорвется, но Кира Борисовна все же приехала.

Встречались нам в этой работе и трудности. Так, мало было в прокате нужных фильмов. Причем одни находились в ветхом состоянии, другие устарели морально. С первой трудностью мы кое-как справлялись, а вот вторая непреодолима: крайне недостаточно выпускается у нас новых художественных и научно-популярных атеистических фильмов. Главная же трудность — равнодушие. Мы сталкивались с ним и при оплате выступлений, и при обеспечении транспорта и при печатании афиш, абонементов, пригласительных билетов. Ведь все делалось фактически на одном энтузиазме. И когда один из активных организаторов этих лекториев отошел от дел, все заглохло на годы.

Сегодня все мы вспоминаем о наших кинолекториях с удовлетворением. Вероятно, потому, что чувствовали и видели, что наша работа не только интересна, но и полезна, нужна ребятам. Все это и навело меня на мысль напомнить о хорошей, но почти забытой сегодня форме атеистической работы со школьниками.

Е. РЮМИН,
член научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при правлении общества «Знание» РСФСР

Возвращаясь к напечатанному

Прочитала в журнале о благородной работе, которая ведется в нашей стране по розыску пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны. Мой отец — лейтенант Ефремов Василий Георгиевич служил в отдельном полку связи в Белостоке. Там, в военном городке, нас и застала война. Вместе с другими семьями военнослужащих мы были эвакуированы. Об отце с тех пор ничего не знаем. И вот в № 5 журнала за 1980 год прочитала я письма Н. Н. Данилова. Восхищаюсь его мужеством и упорством в поисках своего отца. Его отец служил в Бресте, а ведь Брест недалеко от Белостока. Хочу обратиться к Данилову с просьбой: может быть, во время поиска ему попадалась фамилия моего отца?

У меня уже взрослые дети — сын и дочь. Сын — офицер Советской Армии. Им тоже хочется знать о судьбе их дедушки, где он встретил свой последний час.

г. Смоленск **С. КАРАСЕВА**

Я работаю библиотекарем в школе № 97 Саратова. 9 мая в школе встречали 200 человек из разных городов Союза — это в основном те девушки, кто во время войны защищал небо Саратова и мост через Волгу. Трогательной была эта встреча спустя 35 лет.

У меня тоже отец пропал без вести. Мне это не дает покоя, как и Н. Н. Данилову. Все, что он написал, я невольно отношу к себе. А может, и мой отец был где-то рядом с отцом Данилова? Его зовут Александр Николаевич Тунаков, 1907 года рождения.

Всю войну ждали. А в 1946 году получили извещение: "Пропал без вести в октябре 1941». Один земляк видел отца при переправе через Днепр, как он вел самоходное орудие. Земляк разговаривал с ним минут пять — не до того было. Не знаю, верить ли, много тут неясного. Где он воевал? В каких частях?

г. Саратов **Н. ДРУЖИНА**

Недавно прочитал статью о судьбе Ольги Скороходовой («Наука и религия», 1980, № 3). Трудно представить себе, как слепая и глухая женщина сумела вырваться к свету, найти свое достойное место в жизни.

Недавно меня тоже постигло горе. Я не буду о нем писать, скажу только, что мне было очень тяжело. И вдруг ко мне в руки попал ваш журнал. Каким маленьким показалось мое горе перед тем, что пришлось преодолеть этой сильной и мужественной женщине. Она помогла мне в жизни, я преклоняюсь перед ней и говорю ей большое спасибо!

пос. Вербилки **С. К.**
Московской области

В № 6 за 1980 год напечатана статья Юрия Рюрикова «Педагогика доброго терпения». Прочла ее с величайшим удовольствием, полностью солидарна с автором. Мое убеждение: только так нужно воспитывать детей, только такие взаимоотношения дадут хорошие результаты. Я обязательно использую эту статью в своей работе в школе.

Мне кажется, что статьи такого рода следует издавать в виде брошюр большим тиражом, чтобы они стали достоянием огромного числа людей.

Н. РЫЖКОВА
г. Семипалатинск

Сегодня получил июньский номер «Науки и религии» и сразу же прочел статью Ю. Рюрикова «Педагогика доброго терпения». Она мне очень понравилась. Поверьте, за всю жизнь (мне 57 лет) мало пришлось читать таких глубоких, аргументированных материалов о воспитании, о становлении человеческой личности. Но как научить родителей сложнейшей науке воспитания? Если бы это зависело от меня, то статью «Педагогика доброго терпения» я вынес бы на обсуждение всех августовских совещаний учителей страны, а затем и всех родителей.

Е. ПАРХАЧЕВ
г. Каменка-Днепровская
Запорожской области

На днях мне попалась на глаза статья Л. Графовой «Искусство быть счастливым» («Наука и религия», 1979, № 7). Я не считаю свою жизнь очень уж трудной (другим досталось больше), но и легкой ее не назовешь.

В 1942 году наша семья была эвакуирована из Мурманска в село Тимошино Архангельской области. Мне было 8 лет, сестре Вере 4 года, Людмиле — год. Мама болела, вещей не было — все сгорело во время бомбежки. В 1943 году погиб отец, а в 1948 году умерла мать. С 14 лет я — в детском доме. Училась, окончила с отличием семилетку, затем училище. И тяжело заболела (сказались переживания и недоедание). Поправилась, но работать врачи не разрешили. Махнула на них рукой и устроилась воспитателем в детсад.

Дети в группе — радость. Быстро с ними подружилась, полюбила. Успевала вести в школе уроки пения. И в клубе ни один концерт не обходился без меня. Когда подрос мой сынишка, летом вместе с ним путешествовали — по Молдавии, Крыму, Белоруссии. Сейчас сын взрослый, кончает высшее учебное заведение. Живу я и сегодня небогато, но не скажу, что я не счастлива. Только жалко, что у меня один сын. Вот так, дорогая девушка из очерка «Искусство быть счастливым»!

М. АЛЕКСАНДРОВА
г. Архангельск

Очерк Инги Баллод «Шаг через катастрофу» (1979, № 10), а также обсуждение его в № 6 за 1980 год глубоко меня взволновали. С детства у меня заболевание позвоночника. Я, конечно, переживаю свою болезнь, но не замкнулась, окончила библиотечный факультет Института культуры и теперь работаю в библиотеке с детьми — самыми милыми, добрыми и забавными людьми. Теперь я чувствую, что проживу свою жизнь не зря, все свои силы стараюсь отдать делу воспитания молодого поколения. Не будь у меня профессии и товарищей, не общайся я с людьми, замкнись в себе — пропала бы. Самое главное — надо помнить, что ты живешь среди людей, ощущать, что ты им нужен.

Т. ЗЕЛЕНСКАЯ
Ростовская область

Огня веры нет

Революция 1905—1907 годов оставила глубокий след в сознании народов России. Идейное ее влияние ощутимо сказалось, в частности, на отношении самых разных слоев населения к церкви и религии. Тревожным стало в этом плане и положение в армии, которую царизм и правящие круги рассматривали как важнейшую свою политическую опору. В Центральном Государственном историческом архиве СССР (ЦГИА СССР) хранятся ежегодные отчеты благочинных воинских частей и учреждений, входившие когда-то в фонд духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства. Используя этот ценнейший исторический источник, который еще ожидает своего дальнейшего изучения, автор настоящей статьи рассказывает о состоянии религиозности царской армии перед первой империалистической войной.

И. КАДСОН, кандидат исторических наук

Борьба рабочих и крестьян против царизма во время революции 1905—1907 годов сопровождалась широким движением среди солдат и матросов. В связи с этим военные и церковные власти усилили политическую и религиозную агитацию в армии и на флоте. Установившаяся после поражения революции атмосфера политической реакции способствовала возникновению у церковных властей впечатления, что самое страшное уже позади.

В 1909 году благочинные 39-й пехотной дивизии и госпитальных церквей Кавказского военного округа сообщали, что по сравнению с революционными годами положение изменилось. В те времена «не загнать было солдат в церкви, а теперь сами рвутся» [1]. О благочестии своей паствы писали также духовные отцы 21-й и 28-й пехотных, 12-й и 15-й кавалерийских дивизий и первый благочинный гвардейского духовенства. Похожие отчеты поступали и с флота. А в рапорте благочинного московских военно-неподвижных церквей за 1909 год говорилось о новобранцах, не ведающих «ни сомнений, ни колебаний в вопросах веры».

Однако на фоне этой, в общем радужной, оценки религиозного состояния войск сплошь и рядом просвечивала тревога. Так, благочинный 25-й пехотной дивизии в рапорте за тот же 1909 год писал: «Солдаты религиозны, охотно подчиняются требованиям церкви, но видно, что и их увлек в некоторой степени революционный вихрь». Его коллега из 40-й пехотной дивизии сетовал, что хоть солдаты от исповеди и причастия не уклоняются, но обнаруживают при этом «резко официальное и холодное отношение к своему религиозному долгу».

А вот что говорится в одном из рапортов, поступивших из 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии: «Религиозно-нравственное состояние паствы, если смотреть поверхностно, удовлетворительно. Все спокойно, гладко. Но это внешнее спокойствие не говорит в пользу религиозного настроения в среде пасомых. Нужно сознаться, что религиозного настроения, религиозного одушевления, огня веры нет».

Архивные документы сообщают, что аккуратное выполнение нижними чинами вероисповедных обязанностей достигалось с помощью специальных мероприятий. Например, благочинный 44-й пехотной дивизии протоиерей В. Зеньковский писал: «По полкам всегда бывает наряд людей для отправления в церковь, ибо бывали примеры, что солдатами против такой, как бы принудительной, молитвы заявлялись протесты: что за молитва, когда у меня нет желания молиться, а когда захочу, то и в казарме помолюсь».

В 19-й пехотной дивизии был отдан приказ о том, что каждая рота должна являться в церковь во главе с офицерами. Благочинный 28-й пехотной дивизии, отмечая аккуратную явку солдат к исповеди и причастию, объяснял это тем, что «за сим строго следят ротные командиры и фельдфебели». Весьма выразительно характеризовали сложившуюся ситуацию его коллеги из 5-й Сибирской стрелковой и 13-й пехотной дивизий. Первый, отмечая, что все гарнизонные церкви в праздничные и воскресные дни переполнены, признавал: «Но стоит только опоздать в той или другой части с выпуском предпраздничного приказа, и тогда картина совершенно меняется, молящихся в церкви не окажется почти ни одной души... Отсюда приходится с прискорбием заключить, что нижних чинов попросту в церковь выгоняют».

Донесения духовенства пестрят жалобами и другого рода. Вот наиболее типичная из них, принадлежащая благочинному церквей 2-го района Варшавского военного округа: «Большинство стоят в храме рассеянно, небрежно делают крестное знамение. Нет того молитвенного настроения, той теплоты веры, какою отличался прежний русский солдат. Прежний солдат считал непременною своею обязанностью поставить хоть маленькую свечку пред иконою, а теперь немногие делают это. Прежний солдат хоть изредка помянет на проскомидии своих умерших родственников и непременно отслужит панихиду о новопреставленном, а теперь этого не бывает почти никогда. Не служится ими молебнов и в дни своих именин».

Да что там «теплота веры»! Отмечается и прямое неблагочестие солдатской паствы. Личный состав 13-й артиллерийской бригады, дислоцировавшейся в районе Севастополя, обвинялся в том, что артиллеристы являлись в церковь в разное время, священника слушали невнимательно, не стеснялись покидать храм, не дождавшись окончания службы. В 27-й пехотной дивизии нижние чины опаздывали к началу службы, бродили по церкви, занимали места прихожан, чем вызывали протест с их стороны.

Наблюдались иногда и случаи открытого вольнодумства и атеизма. Например, в Архангельском дисциплинарном флотском полуэкипаже один из матросов не пожелал исповедоваться, несмотря на настойчивые уговоры священника. Несколько позднее другой матрос той же части в присутствии своих товарищей разбил стекло «от рамы ротной иконы», за что был отдан под суд. На киносеансах для солдат финляндских стрелковых бригад в Выборге во время демонстрации эпизодов из жизни Христа среди зрителей раздавался издевательский смех.

Правда, подобные проявления были немногочисленны. В основном же падение религиозности среди нижних чинов российской армии и флота находило свое выражение в безразличном отношении к религии.

Любопытно и то, что наряду с жалобами по конкретным поводам в донесениях нередко присутствуют попытки анализа происходящего. Вот что пишет, например, благочинный 7-й кавалерийской дивизии: «Религиозно-нравственное состояние паствы — больной, тяжелый вопрос. Сказать, что религиозно-нравственный элемент в полках дивизии не существует, — нельзя, а утверждать, что он есть,— много... Люди веруют в бога, а живут по-своему. Бог — сам по себе, а люди — сами по себе». Еще определеннее выразился благочинный 4-й кавалерийской дивизии: солдаты «стоят как бы на распутии между верою и неверием. В церкви они учатся вере... а за порогом церковным они проходят иную школу, которая учит их жить без страха божьего».

Еще в 1901 году комиссия по удовлетворению религиозных нужд войск при главном штабе разработала правила проведения так называемых богослужебных бесед, которые рассматривались как важнейшее средство идеологического воздействия на солдатскую массу. По этим правилам религиозные собеседования по специально подготовленным учебным программам должны были проводиться не реже одного раза в неделю во всех подразделениях русской армии.

Пытаясь поднять эффективность такого мероприятия, военное духовенство требовало от военно-администра-

[1] Здесь и далее цитируются документы ЦГИА СССР: ф. 806. оп. 5. д. 6467. 6872. 7906. 7319. 8401. 6038. 9360: 8759. 9353.

тивных инстанций создания максимально благоприятных условий для бесед. Более того, ставился вопрос, чтобы они проводились не только в воскресенье, но и в будние дни. В большинстве случаев военное командование шло навстречу духовенству: издавало специальные приказы, и на религиозные беседы слушателей приводили строем, а специально назначенные офицеры наблюдали за их поведением.

Как же относились к этому пасомые? Удалось найти только один восторженный отзыв благочинного 43-й пехотной дивизии. «Нижние чины, — писал он в январе 1911 года, — с охотой идут на собеседование, и на это не требуется никаких принудительных мер».

Этому донесению противостоят многочисленные свидетельства совсем другого рода. Благочинный 39-й пехотной дивизии, например, сообщал, что беседы по катехизису очень быстро утомляют слушателей. Благочинный 27-й пехотной дивизии отмечал: было бы неосторожно обольщаться царящей зачастую в аудитории тишиной и спокойствием, — это всего-навсего оттого, что добрая половина аудитории спит. Из рапорта священника 24-й пехотной дивизии следовало, что солдаты в открытую вступали в пререкания: «Только окончится учение, вы сейчас с беседой... хочется отдохнуть, сделать для себя что-нибудь, а вы с беседой».

Не удовлетворял духовное начальство и уровень знаний солдат о религии. «Плохо знают молитвы и заповеди»; «Многие имеют весьма скудные познания об обязанностях своей веры»,— гласят отзывы тех лет.

Весьма любопытен отчет протоиерея Н. Старосивильского. Сначала он называет солдатскую массу крайне невежественной в религиозном отношении и отмечает, что даже представление о боге у нижнего чина очень смутно. И хотя протоиерей уверяет начальство, что все же «у нашего воина глубока еще сердечная вера в бога... любовь ко храму божию и всем установлениям церкви», он тут же «звонит за упокой»: «Посещение прихожанами церквей в воскресные и праздничные дни по сердечному влечению, а не по приказу бывает не в том количестве, как требует того церковь».

Почему так происходит, мнения благочинных расходились. Одни объясняли религиозное равнодушие неграмотностью солдат. Другие, наоборот, отмечали большую набожность военнослужащих, «не вкусивших плодов современного просвещения», обвиняли в скудости веры тех, кто успел получить образование.

Особенно же частые нарекания со стороны военных священников вызывали новобранцы. Отдельные положительные оценки религиозности начинающих службу солдат и матросов буквально тонут в потоке жалоб. Содержание их все то же: незнание общеупотребительных молитв, непонимание их смысла, равнодушие к религии вообще...

Благочинный виленских военных церквей констатировал в 1910 и 1911 годах, что «скудное понятие о своих религиозных обязанностях имеет почти половина новобранцев». В донесении из 11-й пехотной дивизии речь идет о том, что большинство молодых солдат приходят в армию, не умея креститься, не зная ни одной молитвы. По наблюдениям благочинного военных церквей Семиреченской области и 13-й пехотной дивизии, новобранцы, которые могли бы правильно прочесть хотя бы самую краткую молитву, представляли редчайшее исключение. По словам священников 14-й кавалерийской дивизии и 2-й стрелковой бригады, «были случаи, когда из двухсот молодых солдат никто не знал, кто такой Иисус Христос».

«Грустное явление наблюдается в последнее время в русском православном народе,— пишет благочинный 27-й пехотной дивизии, — грамотность усиливается, а знание веры падает, каждый год приходят в полк молодые люди, я знакомлюсь с ними детально: газетами интересуются, охотно читают их, а спрашиваю о Библии, о Псалтири, о священном Евангелии,— не имеют почти никакого понятия, как будто и не видали их...»

Батюшка был недалек от истины. Только дело заключалось не в одном знании или незнании веры. Шел необратимый процесс постепенного отхода от религии не только солдат, но и всего трудящегося населения.

Небезынтересны в этом отношении отзывы военного духовенства о выходцах из рабочего класса. Архивные материалы свидетельствуют: пролетарская прослойка в воинских частях была у армейских священников на плохом счету. «Благочестие воинской паствы, — писал в 1912 году благочинный 28-й пехотной дивизии, — вполне зависит от контингента призываемых, а именно: чем меньше попадает занимавшихся отхожим промыслом, то есть рабочих на фабриках и шахтах, тем благочестие выше». Та же мысль сквозит в отчетах из 7-й пехотной и 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизий, а также из 2-го района Варшавского военного округа. Естественно, что нижние чины, вышедшие из рабочей среды, подвергались усиленной идеологической обработке, но она, как правило, не приносила ожидаемых плодов.

Процесс падения религиозности в этот период распространился и на офицерский корпус, причем положительные в этом смысле оценки русского офицерства встречаются в отчетах еще реже, чем аналогичные свидетельства солдатского благочестия. Так, благочинный Финляндских стрелковых бригад в отчете за 1912 год жалуется на холодность и безразличие офицеров к вопросам веры. Первый благочинный гвардейского духовенства отмечает, что офицеры редко посещают церковь, небрежно относятся к богослужению, а это не может не соблазнять и солдат.

Архивные документы фиксируют картину безразличия к религии, охватившего самые широкие слои армейского и флотского офицерства. Один благочинный называет их отношение к вере «тепло-холодным», другой — легкомысленным, третий — формальным. Благочинный 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии писал о презрительном равнодушии офицеров к событиям религиозной жизни. Благочинный 14-й кавалерийской дивизии констатировал, что «громадное большинство офицеров — это люди, утраченные для царства божьего». Духовное начальство Кавказской гренадерской 4-й и 32-й пехотных дивизий отмечало, что офицеры не пользуются церковными библиотеками, не читают ничего такого, что имело бы отношение к вере.

Донесения, поступившие в святейший синод из самых различных воинских частей, в полной мере подтверждают столь пессимистический вывод. Нивой, поросшей духовными терниями сомнения в вере и равнодушия, называли офицерскую среду благочинные 1-й и 33-й пехотных дивизий.

Говорилось в рапортах и о распространении среди офицеров атеистических взглядов. Так, благочинный военного духовенства Мервского района Закаспийской области доносил, что в любительский спектакль, поставленный в местном офицерском собрании, была включена сцена, пародирующая чтение Евангелия в церкви.

Немало были озабочены военно-духовные власти и явно неблагоприятными отношениями между офицерами и их сослуживцами-священниками. Командиры некоторых частей, например, не признавая пастырского авторитета благочинных, склонны были рассматривать их как своих подчиненных и только. Офицеры воздвигали между собой и духовенством стену отчужденности. «Слишком большой разницей в происхождении, воспитании, материальных средствах и прочем» объяснял эту «стену» благочинный Кавказской кавалерийской дивизии. Дело доходило до того, что в некоторых воинских частях священники не допускались на офицерские совещания по тем или иным вопросам полковой жизни. По свидетельству благочинного 7-й Сибирской стрелковой дивизии, среди офицеров было распространено убеждение, что пастырскими полномочиями священник обладает лишь по отношению к нижним чинам, на командный же состав они не распространяются.

Колоритный эпизод приводится в рапорте, поступившем в 1913 году из 10-й кавалерийской дивизии. Служивший там подполковник Сурков позволил себе неделикатно отозваться о полковом патроне святом Николае. Присутствовавший при этом священник сделал ему внушение и предупредил, что доложит о случившемся командиру части. Сурков в ответ стал угрожать, приняв, как говорится в рапорте, «неприятную позу по отношению к священнику».

Приведенные архивные материалы говорят сами за себя. Они убедительно свидетельствуют: уроки революции 1905—1907 годов, когда русский мужик «начал свергать попа» [2], не пропали даром. Антиклерикальное движение, охватившее в эти годы широкие народные массы, оставило в их сознании глубокий след: безразличие к церкви и религии постепенно перерастали в вольнодумство и атеизм. И хотя на смену революции пришла жестокая политическая реакция, православная церковь уже не смогла выйти из состояния возраставшего кризиса.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.

Жемчужина Востока

Ганс МАЙБАУМ

БААЛЬБЕК — жемчужина эллинско-римской культуры. Его храмовые сооружения относятся к выдающимся постройкам римлян на Востоке и считаются самыми монументальными из того, что они создали в области архитектуры на территории между Рейном и Кавказом.

Мы выехали в Баальбек, чтобы осмотреть его, а вечером послушать концерт в помещении храма. Дорога проходит мимо Оронта и вдоль берега озера Хомс, самого большого внутреннего озера Сирии. Это искусственное озеро. Не очень высокая плотина из тесаных камней перекрывает реку, берущую начало на Ливанском плоскогорье, это позволяет местным рыбакам вылавливать более 100 тонн рыбы в год. Но главным образом озеро дает возможность обводнить 20 тысяч гектаров земли.

Ахмед Кхош — мой гид по Сирии — говорит, что это искусственное озеро тоже очень древнее, впрочем, иначе ведь и не может быть. В Талмуде его создание приписывается императору Диоклетиану (284—305 гг. н. э.), но это не так. Арабский ученый Абул Феда переносит возникновение озера на 500 лет назад и утверждает, что оно было создано по инициативе Александра; греческий географ Страбон считает, что его строителями были египтяне. Исследования последнего времени показали, что работы по созданию озера были начаты, по всей вероятности, еще во втором тысячелетии до нашей эры.

Само название Баальбек дает понять, что это финикийское поселение было посвящено богу Баалу. Возможно, название означает «Бог из Бекаа», так как город расположен в богатой, плодородной долине Бекаа. Здесь, среди живописного ландшафта, вблизи горных цепей, в течение всей весны и до начала летних месяцев покрытых снегом, приверженцы Баала, Астарты и Анат построили первые здания для служения своим богам и основали большой город.

Сейчас, в августе, снега на горах нет. И хотя уже началось самое жаркое время года, погода очень приятная. Это обстоятельство с самого начала способствовало популярности Баальбека. Во всяком случае, все гости — желанные и нежеланные — чувствуют себя здесь превосходно.

Когда Александр во время своего похода в Египет проходил через Баальбек, он распорядился, чтобы здесь поселили его боевых соратников. Пришельцы тотчас же стали притязать на существующие там храмовые учреждения: они заявили, что Баал есть не кто иной, как Гелиос — их бог Солнца, и переименовали город в Гелиополь (Город Солнца). Так продолжалось почти три столетия, пока римляне не уничтожили государство селевкидов. Помпей во время своего грабительского похода также пришел в Баальбек и позаботился о том, чтобы вместе с ним вошли в город римские боги: Баал становится Юпитером, а его подруги — Венерами. После того как Цезарь вышел победителем из борьбы с Помпеем, он тоже двинулся на Восток. Ему так понравился Баальбек, что он переименовал город, назвав его именем своей любимой дочери Юлии. Уже при Августе, который, очевидно, хотел показать жителям Востока, гордившимся своим богатством и блистательными постройками, что Рим способен не только завоевывать, началось возведение новых сооружений.

Особое усердие в строительстве показали Нерон и римские императоры сирийского происхождения: Септимий Север, Каракалла и Филипп. И только когда император Константин в начале IV века ускорил распространение христианства, а сам обосновался в Византии, расцвету Баальбека наступил конец. Константин запретил культ Венеры и его оргиастические формы, восходящие к почитанию богини Астарты. При императоре Юлиане в Баальбеке еще раз на короткое время были введены «языческие культы», но император Феодосий ответил на это к концу IV века приказом разрушить прекрасные здания. Из их камней при нем были построены собор и церковь. Император Юстиниан сумел даже перенести восемь великолепных колонн из розового гранита в Константинополь, чтобы использовать их при возведении знаменитой Святой Софии, — доказательство того, что вновь изготовить такие колонны было значительно труднее, чем перевезти их через горы и моря. Однако колонны эти погибли в пути.

Входную лестницу в средние века разобрали, чтобы превратить храм в закрытую крепость во время борьбы с крестоносцами, но в XX веке ее восстановили. Она ведет посетителя на площадку, расположенную на восемь метров выше храма. Лестница заканчивалась 12 колоннами, которые одновременно поддерживали фасад крытой колоннады. Опытные руки трудятся над ее реставрацией. Вся территория храма сотни лет была погребена под землей и только в 30-е годы нашего века археологи откопали ее.

Мы проходим через большие центральные ворота, раньше предназначенные только для священников, и входим во двор. Перед нашим взором предстает захватывающее зрелище шести устремленных ввысь громадных колонн, расположенных в глубине сооружения. «Смотрите не только на колонны Юпитера, — предупреждает нас гид, — они хотя и являются венцом сооружения, но все-таки они лишь часть его. Вы должны постичь гармонию целого!»

Позади шестиугольного переднего двора перед нами расстилается алтарный двор. 84 колонны из розового гранита отделяли входы в помещения со двора, так что верующие, защищенные от дождя и солнца, могли свободно подходить к обоим алтарям, установленным в центре двора, и совершать культовые обряды. Там возвышалась статуя бога Гелиоса, там же проводились торжественные церемонии.

Алтари смогли откопать лишь после того, как срыли остатки собора, возведенного при императоре Феодосии. По обе стороны стоят чаши, на которых изображены боги, символизирующие любовь и смерть, а также нимфы и медузы. Из источника, находящегося в восьми километрах от храма, сюда по глиняным трубам была подведена вода. Здесь совершались ритуальные омовения — обычай, сохранившийся в исламе по настоящий день; здесь омывали также жертвенных животных.

Мы медленно идем по площади, усеянной поверженными колоннами, разбитыми на куски карнизами громадных капителей, к развалинам храма Юпитера.

Храм Юпитера стоял на мощном фундаменте. Снова монументальная лестница ведет наверх к одному из самых грандиозных сооружений греко-римской античности. Ни в Греции, ни в Риме нет другого храма, который был бы подобен этому в величии, высоте, роскоши.

Его опорная площадь образует огромный прямоугольник. Храм окружали 54 колонны из желтоватого известняка, достигавшие высоты 20 метров. Они состояли из трех поставленных друг на друга цилиндров и несли на себе систему балок, богато украшенных изображениями голов быков и львов, пальмовыми листьями, розетками.

Мы молча стоим перед шестью соединенными друг с другом системой балок колоннами храма, пережившими вандализм и стихийные бедствия. Они позволяют догадываться о величии и блеске этого архитектурного сооружения и создают впечатление грандиозной красоты. Справедливо сказал французский писатель Барре: «Если

Предыдущие отрывки из книги Г. Майбаума «Сирия — перекресток народов» см. в № 10, 12 за 1980 г. и в № 1 за 1981 г.

шесть баальбекских колонн упадут, мир утратит какую-то часть своего великолепия».

В нескольких шагах от храма Юпитера, ниже его, стоит еще очень хорошо сохранившийся «маленький», но превосходящий афинский Парфенон храм. Его 19-метровые колонны только чуть-чуть ниже колонн храма Юпитера. Его тоже окружала галерея, поддерживаемая 50 колоннами, большинство из которых стоит и поныне. Самая красивая часть храма — ворота — высотой 13 и шириной 6,5 метра. Роскошно украшены опорные балки и подпорные стойки. Внутренняя часть также скрывает великолепные украшения.

Величие храмового сооружения вызывает чувство восторга и преклонения перед мастерством архитекторов, строителей и ремесленников того времени, когда в Центральной Европе не было ничего даже примерно похожего.

Невдалеке видится место свежих раскопок. Здесь тоже возвышается храм, наверное, он посвящен Венере. Но это сооружение другого стиля — «оазис» в «архитектуре гигантизма». Уже базовая поверхность сама по себе оригинальна и отличается от других здешних построек: это сооружение имеет прямой фасад с двумя рядами колонн. Основание охвачено полукругом, равномерно прерываемым пятью нишами. Эта форма напоминает раковину с зубчатыми краями, символ реки — богини. Создание этого храма приписывают знаменитому сирийскому зодчему Аполлодору из Дамаска, главному архитектору императора Траяна, искусству которого обязаны многие великолепные постройки того времени. Со времени, когда храм Венеры был откопан и реконструирован, его модель служит образцом для сотен павильонов, построенных в парках состоятельных европейцев.

Храм в Баальбеке — по воле императора Августа — должен был стать чудом света, и для этого имеется достаточно оснований. В особенности поражает его техническое решение. Вырубить, отгрузить и установить колонны такого диаметра даже с помощью современных технических средств нелегкое дело. Колонны Баальбека вырублены в каменоломнях Асуана в Египте, они были отправлены сплавом по Нилу и Средиземному морю в Триполи и оттуда доставлены по старой римской дороге через Хомс в Баальбек — фантастическая работа.

А камни фундамента храма Юпитера! Даже сейчас ученые не могут до конца объяснить, как транспортировались и монтировались монолитные блоки гигантских размеров.

Мы побывали, конечно, и в каменоломне на краю города, где вырубались эти блоки. Здесь находится еще один громадный, тщательно тесанный камень длиной 21,5 и сечением 4,20 на 4,80 метра. Вес его оценивается в тысячу тонн. Видимо, попытка доставить и этот камень на строительную площадку потерпела неудачу. Так и лежит он здесь и сейчас, будоражит фантазию всех, кто его видит.

КОГДА мы возвратились из Баальбека, в Хомсе меня ожидало сразу два сюрприза. Среди гостей, собравшихся у родственников Ахмеда, чтобы поболтать с приехавшими из «Аллемания Демократика», сидит молодая женщина. На Востоке это и сейчас еще случается редко, особенно в провинции. Члены семьи женского пола не появляются во время серьезных разговоров, не увидишь даже хозяйку, чтобы поблагодарить ее за гостеприимство. Это неприлично. Ей разрешается приготовить еду и передать через щель в двери. В некоторых домах двери снабжены скрытым раздаточным окном: кушанья ставят на вращающуюся подставку. Если женщины семьи не на кухне, то все они находятся в специально предназначенном для них помещении, называемом «гаремом» — понятие, которое ни в коей мере не означает, как часто принято считать, коллекцию жен и любовниц.

Второй сюрприз: я представляюсь, и женщина непринужденно здоровается со мной. Ахмед начинает лепетать что-то невнятное.

— Ее зовут Лейла, — говорит он, — она дочь хозяина дома Мохаммеда Твеира и до сих пор была моей дальней родственницей...

Меня удивляют сбивчивые объяснения и смущение Ахмеда.

— Как это *была* родственницей?

— Да нет, — продолжает смущенно Ахмед, — она и сейчас тоже родственница, только теперь не дальняя, а в известной степени близкая. Собственно говоря, она моя невеста.

Я поздравляю обоих и рад за Ахмеда. Его невеста — то, что принято называть «восточной красавицей». Темные волосы гладко падают на плечи. Кожа овального, с правильными чертами лица очень белая: она, в соответствии с местными идеалами о красоте, мало бывает на солнце. Глаза карие, ресницы длинные и черные, ноги стройные, изящные. Она уверенно держится в мужском обществе.

Разговор идет на английском. Студенческая молодежь предпочитает говорить на этом языке, хотя Сирия была подмандатной территорией Франции и интеллигенция, получившая образование до 1945 года, прекрасно говорит по-французски. Но из чувства протеста против колониальной практики французов, влияние которых в стране ощущается на каждом шагу, молодежь после войны переключилась на английский язык, наверное, потому, что у нее не было случая познакомиться с «преимуществами» британского колониального господства.

Так как некоторые из присутствующих не говорят по-английски, Ахмед и его невеста переводят. Лейла учительница, ее в первую очередь интересуют вопросы воспитания девочек. Отсюда рукой подать до темы «равноправие». Разговор приводит ее в возбуждение: в глазах пламень, щеки горят, она становится еще красивее. Время от времени Ахмед пытается умиротворяюще вмешаться в разговор по-арабски.

Лейла рассказывает о своем участии в работе по осуществлению закона о всеобщем обязательном обучении, который был принят еще в 1944 году и относится к самым прогрессивным законам о школьном обучении из всех существующих в странах, находившихся до последнего времени под колониальным господством. Конечно, подтверждает Лейла, закон хороший, но в отношении девочек он не применяется. Хотя девочек в Сирии, как и во всем мире, примерно столько же, как и мальчиков, школ для девочек значительно меньше. В округе Дамаск, например, 251 школа для мальчиков и всего 114 — для девочек, в которых к тому же значительно меньше мест: в округе Хомс, например, — соотношение 109 к 37. Такая же примерно пропорция и в классах. В ее собственных классах — она учительствует в большой деревне неподалеку от Хомса и ведет 2-й и 4-й классы — из 60 школьников только 16 девочек.

Сначала мне показалось, что я неправильно понял. Но Лейла еще раз подтверждает, что в ее классе, который, как она добавляет, рассчитан на 25—30 детей, учатся 60, а у ее коллеги, который ведет 1-й и 3-й классы,— больше 70 человек в каждом.

Тут снова вмешивается Ахмед. Он говорит, что 15 лет назад в большинстве сирийских деревень вообще не было школ, а сейчас построены сотни новых и нет ни одной деревни, в которой не было бы школы. Как правило, самое современное здание в деревне — это школа.

На мой вопрос, почему в школах мало девочек, Лейла насмешливо кривит губы и оглядывает сидящих вокруг нее мужчин. Потом она обращается к каждому в отдельности и резюмирует для меня:

— Все присутствующие здесь мужчины — за исключением, естественно, Ахмеда,— имеют дочерей. Все посылают их в школу и поэтому все воображают о себе, что они очень прогрессивные. Но хотя закон о школе предусматривает обучение до 12-летнего возраста, среди них есть только один, который позволяет дочери так долго посещать школу. И это в Хомсе, в третьем по величине городе страны! Двое из присутствующих здесь мужчин живут в деревне. Их дочери посещали школу только в течение двух лет. И это в деревне — норма.

— Но ведь это значит, что преобладающее большинство девочек из сельской местности получают лишь начальные знания письма и чтения? — спрашиваю я.

— Так оно и есть на самом деле, — подтверждает Лейла, — больше половины деревенских девочек вообще не учатся, а те, что ходили в школу два года, практически неграмотны.

— Но почему же так происходит?

— Почему? — в раздумье повторяет Лейла мой вопрос. И начинает говорить нерешительно и медленно. Взгляд ее очень серьезен. — Может быть, лучше спросить: «А для чего им учиться?» Для девочки получить профессию — вещь с самого начала бесперспективная. В стране не хватает рабочих мест даже для того, чтобы занять мужскую половину семьи. Безработица еще очень велика. К тому же у мужчин существует предвзятое мнение относительно трудовой деятельности женщин. У вас в Европе столько возможностей, а здесь практически никаких, девушка не может работать ни машинисткой, ни продавщицей, ни официанткой.

Это действительно так, я нигде не видел, чтобы женщины работали в магазинах или ресторанах. Даже посещение ресторана женщине запрещается.

— Единственная профессия, — продолжает Лейла, — доступная женщине,

которая хотела бы работать, — это профессия учительницы. И даже эта возможность существует в том случае, если есть вакантные места. Я, может быть, охотнее стала бы архитектором или инженером. Но школы такого рода есть только для юношей. У нас в учебном плане превалируют такие предметы, как литература и язык, и еще ведется преподавание предмета «женские искусства». Из числа студентов, изучающих технические дисциплины, девушки составляют только три процента.

В разговор снова включается Ахмед. Он говорит о живучести отсталого образа мыслей, сложившегося в процессе многовекового существования феодальной структуры в стране и преодолеваемого теперь шаг за шагом. Он рассказывает о громадных трудностях, на которые наталкиваются передовые силы в своем стремлении способствовать прогрессу.

Лейла тоже рассказывает о своей деятельности в Сирийском союзе женщин, где она в свободное от работы время помогает на курсах обучать взрослых чтению и письму. Чтобы продемонстрировать, как часто еще упорно держатся за устаревшие предрассудки, она показывает на одного из присутствующих мужчин, который смущенно улыбается, так как не знает, почему на него вдруг все смотрят.

— Это мой брат, — говорит Лейла.— Он уважаемый крестьянин, председатель крестьянского союза в своей деревне. Но свою дочь он взял из школы в семь лет, так как договорился с родителями одного юноши, которому сейчас 14 лет, что через несколько лет она выйдет за него замуж. И семья «жениха» потребовала, чтобы девочка ушла из школы и готовилась к своей будущей работе в домашнем хозяйстве, где ей больше никогда не придется снова взять в руки книгу, кроме Корана, а для этого ей ее скромных знаний вполне достаточно.

Я вопросительно смотрю на Ахмеда, но он подтверждает, что учеба обычно заканчивается, как только находят жениха.

— Разве ты еще не заметил, что в старших классах хорошеньких девочек становится все меньше? — спрашивает он меня и переводит этот затянувшийся разговор на исторические темы. Он рассказывает о той важной роли, которую играли многие женщины в древние и средние века здесь на Востоке, и вспоминает о выдающихся женщинах-властительницах и поэтессах, политиках и философах, среди них были даже полководцы. Самая знаменитая из всех — Зенобия, арабская царица Пальмиры — города в пустыне, в который мы намерены отправиться на следующий день.

Мне приходит в голову мысль: не могла бы Лейла сопровождать нас в поездке в Пальмиру? Завтра пятница, праздник. Я тихо спрашиваю Ахмеда, что он об этом думает, а он сделал из дискуссии о равноправии соответствующие выводы:

— Спроси ее, она сама распоряжается собой, — говорит он, улыбаясь. К моей радости, Лейла соглашается провести нас по царству Зенобии.

Перевела с немецкого
Т. Райская

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» КАМНИ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

Златоцветный

ЦИРКОН — самоцвет, который во все века был в почете у ювелиров. Название его — очень древнее и происходит от персидского «заргун» — золотистый, златоцветный. Этот силикат циркония действительно очень красив, а в бриллиантовой огранке напоминает алмаз.

Кристаллики циркона встречаются во многих щелочных магматических породах, богатых натрием, особенно часто в пегматитах. На острове Мадагаскар и в штате Онтарио, в США, находили непрозрачные его кристаллы весом до нескольких килограммов. Благодаря своей твердости и устойчивости этот самоцвет накапливается в россыпях вместе с золотом, ильменитом, гранатом, монацитом и другими редкими минералами. Лучшие ювелирные цирконы добывались в цейлонских россыпях. В средние века их называли «несовершенные алмазы», «матарские алмазы» — по месту добычи — Матарс, в Шри Ланке.

Часто циркон окрашен в различные оттенки бурого, желтого, коричневого, зеленого и даже голубого цвета. Окраска вызывается либо окислением примесного железа, либо присутствием тория или урана в кристаллической решетке минерала. Его разновидности: «жаргон» (вероятно, от искаженного «циркон») — бесцветный, слабо-дымчатый или соломенно-желтый; гиацинт (от греческого «гиакинтос» — «молодой») — оранжевый, красно-коричневый, густо-красный прозрачный; старлит — коммерческое название циркона, искусственно окрашенного путем термической обработки в голубой или зеленовато-голубой цвет.

Издревле наибольшим спросом среди ювелиров и их покупателей пользовался гиацинт. Он упоминается еще у древнегреческого натуралиста Теофраста. Название свое эта золотисто-красная разновидность самоцветного циркона получила по имени легендарного юноши, состязавшегося в метании тяжелого диска с самим Фебом-Аполлоном.

...Напрягши все силы, высоко к облакам бросил бронзовый диск могучий Аполлон. Упал диск на землю и рикошетом врезался в голову подбежавшего Гиацинта. Со стоном упал юноша. Потоком хлынула алая кровь из раны и окрасила темные кудри. В отчаянии и горе прошептал Аполлон над безжизненным телом друга: «Всегда будешь ты жить в моем сердце, прекрасный Гиацинт. Пусть же память о тебе вечно живет и среди людей». И вот, по велению Аполлона, из кудрявых волос юноши вырос алый цветок. На лепестках дикого гиацинта некоторые различали слова «ай-ай» — «горе-горе». А капли крови Гиацинта окаменели и превратились в «вечно юные» самоцветы — гиацинты.

С этой легендой перекликается одно из четверостиший-рубаи великого персидского поэта и ученого Омара Хайяма (1048 — после 1122 гг.):

Что алый мак? Кровь брызнула струей
Из ран султана, взятого землей.
А в гиацинте — из земли пробился
И вновь завился локон молодой.

В римскую эпоху гиацинт считали покровителем купцов и артистов, его посвящали богу Меркурию. Считалось, что гиацинтовый амулет предохраняет от ранений и чумы, оберегает от молнии, утоляет жажду и даже гарантирует гостеприимство в гостиницах. Потому это был любимый камень путешественников. Индусы называли его «рахуратка» и посвящали минерал мифическому дракону, который, как считали в Древней Индии, был причиной солнечных и лунных затмений. Вплоть до наших дней сохранилось поверье, что гиацинт защищает от ядов и кошмарных сновидений, обеспечивает известность в обществе и всеобщую приязнь. Не удивительно, что гиацинт всегда был в цене.

Под влиянием излучения тория и урана в кристаллической решетке циркона происходит перераспределение атомов, и его кристаллы, сохраняя свою первоначальную форму, переходят в так называемое метамиктное состояние (от греческих «мета» — «после» и «миктос» — «смешанный»).

У нас в стране циркон встречается во многих магматических горных породах, а также скапливается в речных и морских россыпях. Правильные его кристаллы — большая редкость. Редким счастливцам удается находить правильные восьмигранные кристаллы, представляющие собой сросшиеся основаниями две тетрагональные пирамиды. Обычно цвет их светло-бурый, светло-коричневый, реже темно-бурый или красно-бурый с кремовым или золотистым оттенком, однако попадаются экземпляры сиреневого, розового, фиолетового и желтоватого оттенков, а также бесцветные. Чаще всего они непрозрачны или полупрозрачны. Изредка встречаются прозрачные кристаллы — «чистой воды», но очень мелкие. Ювелиры признают только прозрачные образцы цирконов весом не менее 0,5 грамма и с линейными размерами не менее 5 миллиметров во всех направлениях.

Ученые давно разгадали тайны этого прекрасного самоцвета. Они даже научились облагораживать его действием нейтронного облучения, ультрафиолетовых и рентгеновских лучей. Благодаря этому бесцветные или бледно окрашенные кристаллы циркона становятся голубыми или ярко-зелеными. Мало кто в наши дни верит в его сверхъестественные возможности, а путешественники берут с собой в дорогу более необходимые предметы. Но люди сегодня любуются красотой «златоцветного», как и в прежние времена.

В. СУПРЫЧЕВ,
кандидат
геолого-минералогических наук
г. Симферополь

150 лет со дня рождения Н. С. Лескова

„Писатель очень крупный и умный"

П. НИКОЛАЕВ,
доктор филологических наук

Н. С. Лесков. С фотографии Н. Л. Чеснокова. 1889 г.

При жизни Лескова его творчество не было обойдено вниманием литературной критики. Но многочисленные журнальные отклики радости писателю не доставляли. Более всего огорчали не упреки в «антинигилизме» его романов «Некуда» и «На ножах», а почти всеобщий скепсис относительно творческих возможностей писателя. Масштабы его художнического дарования критике казались незначительными.

Даже такой проницательный и серьезный знаток искусства, как Н. Михайловский, считал, что при сопоставлении Лескова с крупнейшими русскими писателями истинные друзья литературы будут просто «скандализированы». Это было сказано в 1897 году, через два года после смерти Лескова, оборвавшей его подвижническую деятельность в литературе. Так глава народнической критики подводил итог этой деятельности. Правда, при этом не было принято в расчет отношение Гончарова, Щедрина, Толстого к автору «Соборян».

Но пройдут годы, и Горький скажет: «Как художник слова Н. С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о русской земле, а широтою охвата явлений жизни, глубиною понимания бытовых загадок ее, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих». Слова, вынесенные в название данной статьи,— тоже горьковские.

Впоследствии литературная наука вслед за Горьким выявила меру исторических заслуг Лескова и даже открыла особую лесковскую традицию в советской художественной прозе.

Но почему же так странно сложилась литературная судьба выдающегося писателя при его жизни? В ней — отчасти вина и самого Лескова. Нельзя назвать удачными его первые крупные литературные выступления, причем не только в собственно писательском, художническом, но и в идейно-нравственном смысле.

Его имя рано появилось в печати. Родившийся в 1831 году в орловской глуши, в деревне, окруженной раскольничьими селениями, он, однако, получил в Орле, а затем в Киеве прекрасное образование. Его первые публицистические статьи охотно принимались петербургскими журналами. Переехав в 1861 году в Петербург, Николай Семенович Лесков сразу же становится своим среди тех либеральных публицистов и издателей, которые радостно приветствовали реформу 19 февраля 1861 года, грабительский характер которой по отношению к русскому крестьянству поняли лишь передовые шестидесятники во главе с Чернышевским.

Вот где таилась опасность для писателей. Страх перед взбунтовавшимся крестьянством скоро объединил либералов и монархистов. Их общим врагом стали идеологи крестьянской революции. Это прямо отразилось в литературе — появилась целая серия романов и повестей, направленных против революционных демократов.

И Лесков поддался роковому соблазну «антинигилизма». Его романы «Некуда» (1864 г.) и «На ножах» (1871 г.), а также статьи о революционной молодежи и ссыльном Чернышевском ярко говорили о том, в какой духовный плен попал писатель к Каткову, лидеру идеологической реакции той поры. Эти тенденциозные сочинения, носившие «все знаки спешности и неумелости» (слова Лескова о романе «Некуда») и создали Лескову в передовых читательских кругах соответствующую репутацию. Она была справедливой: как иначе можно было оценить злые насмешки над возвышенными социалистическими утопиями революционных шестидесятников, карикатурное, несмотря на отдельные правдивые страницы, изображение жизни демократической интеллигенции — все то, что составляло недобрый пафос романов.

Может быть, не стоило говорить об этом в юбилейной статье? Но, во-первых, творческие поражения Лескова — слишком заметная страница в его биографии. Во-вторых, напоминание о серьезных идейных слабостях позволяет лучше понять силу того, что помогло писателю их преодолеть, — то есть силу его художественного дарования.

В этом преодолении — «диктат» реализма, победа художественной правды, органичные для творческих принципов Лескова-писателя. Эта правда звучала уже в ранних повестях Лескова.

И первая из них, конечно, знаменитая «Леди Макбет Мценского уезда» (1865 г.), напечатанная в журнале «Эпоха», руководимом Достоевским. В повести воспроизведен купеческий патриархальный быт во всей его жестокой правде. Еще недавно простая и даже чуть наивная девушка Катерина совершает четыре убийства — таковы последствия уродливых отношений в смрадном, бездуховном мире. Обстановка самодурства, лакейства, бесстыдного ханжества, грубого посягательства толпы на внутреннюю жизнь личности пробуждает в героине то, что Достоевский называл «звериными свойствами» человека.

Смысл повести — не в подтверждении богословских, теологических теорий о том, что человек «сосуд дьявола» (существовала такая точка зрения на повесть), а именно в реалистическом обосновании преступления жизненными условиями. Повесть полемична — лесковская Катерина противостоит Катерине из «Грозы» Островского. Лесков не приемлет оптимизм драматурга относительно нравственных возможностей человека. Но не видя «луча света в темном царстве» (известные слова Добролюбова о героине пьесы), он, подобно Островскому, точно и глубоко рисует само «темное царство». Здесь Лесков не отступил от традиций русского реализма.

Повесть обещала новые художественные открытия писателя. И они скоро состоялись. Но — не на продолжении мотивов «Леди Макбет...», которая своим сюжетом и жестокими подробностями измучила самого писателя. Лесков начал поиски истинно положительных начал в человеке. Все пристальнее он всматривался в характеры русских людей, все шире открывалась перед ним жизнь в России и объективнее становилось ее изображение.

Первым итогом новых исканий стал роман «Соборяне» (1872 г.). Его центральный персонаж, протопоп Савелий Туберозов — подлинное художественное открытие Лескова. Здесь опоэтизировано бунтарство незаурядного человека, который «вываливается» из среды провинциальных чиновников и священнослужителей. Можно заметить некоторую идеализацию Лесковым церковной старины, сожаление автора по поводу того, что ее черты исчезают под натиском цивилизации. Но мотив этот прозвучал приглушенно. А в центре повествования — беспощадный суд Туберозова над современным чиновничьим и церковным жестокосердием. Устами своего героя романист обличает бездушный бюрократизм властей, издевательство над крепостным крестьянством и, в сущности, все социальное неблагополучие русской жизни.

В этом — большая художественная правда романа, вовсе не сводимая лишь к утверждению религиозного «праведничества», как думали иные критики. Конечно, Туберозов — «праведник», но его бунтарские проповеди обладают немалой разрушительной силой, направленной против неестественного общественного порядка. Да и в самом облике воинственного и страдающего протопопа воссозданы не одни черты некоего религиозно-нравственного подвижничества, а многие свойства вообще русского национального характера: смелость, доброта, бескорыстие, правдоискательство. Вот в чем художественное богатство «Соборян».

«Соборяне» и многие повести, рассказы и романы Лескова 70-х годов дали основание Горькому сказать о писателе: «С величайшим напряжением всех сил таланта он старался найти в каждой общественной группе — тип кристально чистого человека, тип «праведника» среди грешных».

В 1873 году Лесков публикует одно из своих самых поэтических творений о русском национальном характере — повесть «Очарованный странник». Ее главный персонаж — седой инок в послушничьем подряснике с монастырским поясом Иван Северьянович Флягин лишь на склоне лет обрел внешний облик священнослужителя. Но и теперь в нем живет не тяга к религиозным обрядам, а жажда великого деяния: «За народ очень помереть хочется». Эти слова в устах Флягина естественны, они подготовлены всей его жизнью. В пестрой, многокрасочной жизни «странника», в избытке всего: и драм, и героизма, и комического. Но в «житейской драмокомедии», как назвал судьбу Ивана Флягина автор, преобладают прекрасные, подчас поистине богатырские поступки простого русского человека. Да и видом был Флягин «в полном смысле... богатырь, и притом типический, простодушный, добрый русский богатырь, напоминающий дедушку Илью Муромца в прекрасной картине Верещагина».

Бывший крепостной крестьянин, получивший за исключительный героизм в боях офицерский чин, художническая натура, человек с обостренным чувством добра и красоты, Флягин рисуется Лесковым как герой народного эпоса. Своеобразие лесковского метода, однако, не в одной поэтической героизации простого человека. В повести — трезвое и даже сатирическое изображение жизни, которая иногда мешает Флягину следовать его возвышенному образу мыслей и подчас ожесточает прекрасного человека. Этот суровый реализм и живописность былинного сказа составляют неповторимый лесковский стиль.

Он характерен и для повести «Запечатленный ангел», созданной одновременно с «Очарованным странником». Только здесь с особой силой опоэтизированы художническая одаренность и смекалка простых русских людей. Сатира в повести может показаться неглубокой, не имеющей широкого общественного значения — осуждаются власти лишь за преследование раскольников, — но и в ней чувствуется будущий беспощадный сатирик Лесков, исследователь и художественный летописец жандармского произвола и жестокого коварства.

Сами же раскольники-староверы изображены в повести не в их фанатическом инакомыслии, а главным образом как вдохновенные труженики-умельцы и защитники прекрасного. Каменщики — строители моста через Днепр (у Киева) — люди, наделенные высоким эстетическим вкусом: он удивительно выражается в их тонком понимании древнерусского иконописного искусства. Достоевский, сам прекрасный знаток и поклонник этого искусства, с удовлетворением отметил в «Запечатленном ангеле» «беседы раскольников с англичанином об иконной живописи. Это место серьезно хорошо, лучшее во всем рассказе». Лесков пропел настоящий гимн русскому древнему искусству, а также его создателям и защитникам. «Запечатленный ангел» — не единственное произведение писателя на подобную тему: можно вспомнить рассказ «На краю света», понравившийся Л. Толстому.

Здесь уместно заметить, что Лесков специально занимался изучением древнеславянского искусства. Еще живя в Киеве, он восторгался древнерусским мозаичным искусством, фресками в храме Софии и настенной живописью XI века. Позднее он увлекался иконописной живописью XV и XVII веков — искусством Андрея Рублева и Симона Ушакова. О гениальном создателе «Троицы» он писал: «После «Слова о полку Игореве» его творчество — величайшее явление в истории древнерусского национального искусства». Давно установлена и исследована связь художественных форм древней живописи со стилем лесковской прозы.

Но не только религиозной проблематикой, — хотя и ею, — привлекало Лескова древнее искусство, а и его гуманным духом и эстетическим совершенством. Современное же Лескову искусство, использовавшее библейские сюжеты, интересовало писателя художественной правдой, реалистической трактовкой этих сюжетов (картины Н. Ге и других художников).

С середины 70-х годов начинается новый период в духовной и писательской жизни Лескова. Он освобождается окончательно от реакционного влияния Каткова; в 1875 году пишет: «Более всего разладил с церковностью». Начало этого разлада уже чувствовалось в опубликованных повестях, теперь он стал заметнее и резче. Очерки «Мелочи архиерейской жизни» (1878—1880 гг.) за их откровенные насмешки над высшими чинами духовенства были запрещены властями для распространения, автору инкриминировалось «хамское осмеяние церкви». Оценка была грубой, официальные и церковные власти были слишком уязвлены.

В рассказе «Несмертельный Голован» (1880 г.) Лесков углубил антицерковную тему: он раскрыл мошенничество церковного обряда, предназначенного для обмана темного народа, и показал неприязнь простых людей к священнослужителям. Конечно, нельзя видеть в этом отказ писателя от религии и церкви: представленный здесь еще один лесковский «праведник» Голован, спасающий людей, — преданный религии человек. Но не в этой преданности источник человеколюбия Голована.

Современная Лескову русская церковь давала писателю обильный материал для художественной сатиры, и писатель щедро использовал его во многих новеллах и очерках. Среди них выделяются «Заметки неизвестного» (1884 г.) — цикл рассказов с целой галереей священников — пьяниц, распутников, картежников и дебоширов.

Конечно, Лесков — антицерковник, но не атеист. Его религиозное сознание не мирилось лишь с фактом церковной безнравственности. В этом отношении он был близок Л. Толстому — отчасти на этой почве возникла между ними дружеская связь. Однако, подобно Толстому, Лесков как художник не мог создать ничего значительного на основе своих религиозных взглядов. В 80-е годы он пишет ряд легенд в духе толстовских «народных рассказов» того времени: «Под рождество обители», «Скоморох Памфалон» и др. Иногда он искусно об-

рабатывает сюжеты старинных житийных рассказов. Но успеха в этих жанрах Лесков не имел; впрочем, и верности толстовской религиозной идее непротивления злу насилием в этих легендах писатель не сохранил.

Антицерковная направленность творчества Лескова, с каждым годом укреплявшаяся его общей идейной зрелостью и смелостью, давала куда большие художественные результаты. Здесь — тоже прямая аналогия с художественным опытом Толстого, величие которого вовсе не в религиозных «народных рассказах».

Прекрасно убеждает в этом повесть Лескова «Заячий ремиз», законченная за год до смерти писателя. В ней завершается развитие антицерковной сатиры Лескова. Замечательно то, что рассказ об оглупляющем влиянии церкви слит здесь с сочувствием писателя к молодому, самостоятельно мыслящему поколению. Ничего не осталось от былого «антинигилизма» Лескова — вот каков итог идейной эволюции писателя!

Идя стремительно с середины 70-х годов к этому итогу, Лесков все время оставался верен двум главным художественным стихиям в своем творчестве: сатирической и поэтически-утверждающей. Их единство имело опору в традиции русской классики. Нельзя, например, не увидеть прямое влияние Гоголя в «Заячьем ремизе»: писателей роднит синтез возвышенной романтики и сатирической правдивости.

Гоголевский стиль гротескного комизма и одновременно высокой поэтичности вспоминается, когда читаешь знаменитый «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1881 г.), источником которого были устные легенды рабочих-оружейников. Смешно-нелепая история о подкованной тульским умельцем английской стальной блохе рождает и горделивое чувство: вот он каков, русский труженик,— и горестное сознание того что фантастическому мастерству рабочего человека в его творчестве не найдено подлинного применения. Лесков соглашался с одним критиком, воспринявшем образ Левши обобщенно: «где стоит «левшз», надо читать «русский народ».

Веселый и печальный лесковский сказ о Левше, к сожалению, недооцененный при жизни писателя, звучит мудрым призывом понимать и ценить «артистическую удаль», богатую одаренность простого человека, к тому же преисполненного чувства национальной гордости. Мысль эта сильно владела Лесковым. Через два года после «Левши» он опубликует еще один рассказ о драме талантливых людей из народа — «Тупейный художник». Своим сюжетом он напоминает известную повесть Герцена «Сорока-воровка» — о трагической судьбе крепостной актрисы. Лесков даже усилил и без того высокий герценовский антикрепостнический пафос, нарисовав жестокую сцену помещичьего садизма.

В рассказе соединены две трагические темы: гибель талантов и невозможность личного счастья людей в крепостной неволе. Гуманизм писателя выразился здесь очень ярко и своеобразно. Щемящее чувство сострадания к замечательным людям — мученикам злого социального порядка — охватывает при чтении многих страниц прекрасно написанного рассказа, внешне спокойной интонацией повествующего о страшных подробностях жизни. Может быть, Горькому особенно близок был Лесков именно этим гуманизмом, поэтизацией нравственной красоты добрых, ярких, бескорыстных людей — подвижников, сохранивших человечность вопреки бесчеловечным обстоятельствам.

Лесков, воспев духовную красоту русского человека, естественно, как всякий большой художник-гуманист не считает ее свойством лишь одной нации. Социально-нравственный пафос Лескова интернационален. «Александрит» — еще один рассказ об изумительном мастере своего дела, но — о чехе. И как почти всегда в подобных случаях у Лескова, здесь герой — и художник, и человек, жаждущий национальной свободы для своего народа.

Впрочем, и сатира Лескова, если так можно выразиться, интернациональна. Какое воплощение нравственного уродства, самодовольной глупости и полной обездушенности представил писатель в образе немца в рассказе «Железная воля» (1876 г.)! Хлесткая сатира автора, поведавшего о некоем Гуго Карловиче Пекторалисе, вознамерившемся произвести в России «большие захваты» при помощи «железной воли» и смертельно подавившегося русским блином, родственна политической сатире Щедрина.

«Праведников» же и «артистов» Лесков находит в самых разных слоях общества, в пестрой толпе мелкого чиновничества, ремесленников, слуг, солдат и даже квартальных (из среды которых тоже «выламываются» лучшие люди): рассказы «Импровизаторы», «Однодум», «Павлин». Но все это слои демократические — за их пределами Лесков, как правило, не ищет своих любимых героев. Сколько дал Лесков лаконичных зарисовок или широких описаний той жизни простых людей, о которой говорил: «Светла, как кристалл, и поучительна, как сказание»!

Иногда эта жизнь напоминает о конкретных исторических реалиях, иногда абстрагирована от них, как бы символизируя некое вечное состояние человеческого духа, но всегда удивляет и волнует. Чаще всего такая жизнь человека представлена в ее кульминационные моменты.

Вот известный рассказ «Человек на часах» (1887 г.) — о солдате Постникове, покинувшем пост, чтобы спасти тонущего в реке. Человеколюбие солдата тем сильнее, что он хорошо знает службу и то, что его ждет за самовольный уход от дворцовой будки. Желание спасти утопающего побеждает страх перед военным судом. И снова, как во многих прежних рассказах, Лесков соединяет две темы: утверждение добра и осуждение зла. И снова сурово судит сатирик власти предержащие, в том числе и высшее духовенство, создавая образ «владыки» — митрополита, благословляющего несправедливую, жестокую экзекуцию над солдатом.

В творчестве Лескова последних лет вторая тема становится преобладающей. Его сатирическое искусство выразилось в многообразии тем, сюжетов, стилей рассказов и повестей. Не всегда в стиле лесковской сатиры видна резкая бескомпромиссная интонация. Иногда рассказ о какой-нибудь полуанекдотической истории обретает внешнюю форму комизма. Но и в подобных случаях не остается никаких сомнений насчет социально-нравственных симпатий и антипатий автора.

Нет, к примеру, сатирической заостренности, гротескности в повести «Полунощники» (1891 г.), а есть лишь ироническая интонация, с какой сообщается о разрекламированном «чудотворце»— мракобесе протоиерее Иоанне Кронштадтском (имя его, впрочем, не названо в повести, он фигурирует здесь под именем «утешителя»), известном, в частности, травлей Толстого, однако духовные власти определили рассказ как «звонкое заушение православной церкви».

С другой стороны, Лесков не боится и сгущения темных красок в описании морально разложившейся среды и отдельных привилегированных лиц. Так, о рассказе «Зимний день» (1894 г.), посвященном нравственному распаду дворянства, в среде которого преуспевают агенты полицейской охранки и распутники, автор имел полное право сказать: «Содом», — говорят о нем. — Правильно. Каково общество, таков и «Зимний день».

О большой политической смелости Лескова свидетельствует его рассказ «Административная грация» (1893 г.). Это — открытая политическая сатира; не удивительно, что рассказ был опубликован лишь в советское время. Здесь показаны отвратительные методы царской охранки. С поразительно спокойным цинизмом повествует бывший генерал-губернатор о том, как по совету митрополита жандармские служители подло скомпрометировали и довели до самоубийства неугодного им профессора, сеявшего якобы смуту среди студентов.

Вместе с «Заячьим ремизом», тоже, кстати, по цензурным условиям не опубликованным при жизни автора, «Административная грация» блистательно завершила писательскую борьбу Лескова с произволом и бесчестием административных и церковных властей. Снова скажем: славный итог идейного развития писателя отвечал пафосу великого русского критического реализма.

И если при жизни Лескова такой итог не получил подобающей оценки (передовая критика не имела возможности его поддержать; к писателю приходили лишь частные одобрительные письма), то в значительной степени именно благодаря сатирической смелости Лескова совсем иной, чем при жизни писателя, стала его посмертная литературная судьба.

Советское литературоведение выявило большой вклад Лескова в то необходимое историческому прогрессу России «срывание всех и всяческих масок», которое столь высоко оценивал Ленин в творчестве Толстого. Конечно, Лесков, как и Толстой, был далек от революционных идей. Но, подобно своему величайшему современнику, он владел таким художественным методом, о котором Ленин применительно к Толстому сказал: «трезвый реализм».

Глубокое и «трезвое» художественное мышление помогло Лескову создать летопись сложной, пестрой, то светлой, то темной жизни России в прошлом и настоящем, показать то высшие взлеты человеческого духа, то его мрачные бездны.

Теперь отчетливо виден вклад Лескова в художественное познание России, в русское реалистическое искусство. Вклад этот своеобразен. Вступив на ли-

тературное поприще, Лесков сказал о себе: «Я смело, даже, может быть, дерзко думаю, что я знаю русского человека в самую его глубь, и не ставлю себе этого ни в какую заслугу. Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне, с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного, под теплым овчинным тулупом... так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги».

Он мог бы повторить эти слова в конце своего литературного пути. Мера объективности Лескова в изображении русского народа оставалась всегда высокой. Ни народническая идеализация мужика, ни аристократическое пренебрежение сторонников пресловутого «чистого» искусства к «простолюдину» — ни одна из этих крайностей никогда не соблазняла Лескова.

Мужик в повестях и рассказах Лескова — человек, силою скверных обстоятельств побуждаемый к некрасивым и жестоким поступкам, но не изначально, по своей природе порочный и ничтожный.

Напротив, в его натуре заложены прекрасные духовные возможности; в лучших национальных обычаях и традициях трудовой жизни сформировались нравственные и интеллектуальные достоинства простого человека. Во всех доступных таланту Лескова жанрах и стилях писатель опоэтизировал эти достоинства, главные среди них — правдоискательство и способность к самопожертвованию. Как бы боясь упрека в сентиментальности, Лесков иногда придает своему повествованию о «праведниках» ироническую интонацию. Но он никогда не представляет таких персонажей плодом художнической утопии: они реально существуют в русской жизни, в простом народе — вот всегдашнее впечатление от лесковских героев.

Поэтизация таких личностей была для Лескова программной. В ней заключа-

---

Александр ШАМАРО

ПОКАЯНИЕ У ВСЕПЕТОЙ

Зачатьевский женский монастырь принадлежал к числу старинных иноческих обителей Москвы. Основан был в 1547 году на пепелище другого, еще более древнего монастыря — Алексеевского, который после случившегося в тот год катастрофического пожара был перенесен на новое место. Название Зачатьевский монастырь получил по храму во имя «Анны праведной зачатия». Как и все другие обители, монастырь этот обладал «чудотворными» иконами» — «Милующей» и «Неопалимой купиной». Возможно, здесь и происходила сцена, описанная Н. С. Лесковым в «Чертогоне».

«Чертогон» — небольшой рассказ Н. С. Лескова: 12 страниц среднего формата. Но если задаться целью проследовать по Москве за главным его героем — богатейшим купцом Ильей Федосеичем, то придется объехать чуть ли ни половину города. Тут и фешенебельный ресторан «Яр» (на бывшем Петербургском шоссе), где Илья Федосеич вместе с почтенной компанией учинил фантастический погром, тут и парикмахерская на Кузнецком мосту, и Гостиный двор на Красной площади... Последний «адрес» — женский монастырь с главной «святыней» — иконой Всепетой.

Вот эти-то последние страницы и интересуют нас больше всего...

РЕСТОРАН — реальный, Кузнецкий мост — реальный, Гостиный двор — реальный. А женский монастырь?.. Писатель не упомянул ни его названия, ни иных примет. Да и Всепетая, по всей вероятности, — икона вымышленная; не приходилось ни разу встречать такое название даже в самых полных церковных справочниках. В Москве того времени — второй половины прошлого века — было 10 женских обителей, и в любую из них мог пожаловать достопочтенный Илья Федосеич.

Надо сказать, что главный герой рассказа, как говорили в старые времена, списан с натуры. На прототип Ильи Федосеича указал сам Лесков. «Чертогон» был впервые напечатан на страницах «Нового времени» в декабре 1879 года. В письме автора издателю газеты Суворину есть такие слова: «Главное: картина хлудовского кутежа, который был в прошлом году...»

Исследователи творчества Н. С. Лескова предполагают, что он имел в виду фабриканта-миллионера, купца первой гильдии Алексея Ивановича Хлудова, владевшего вместе с младшим братом, Герасимом торгово-промышленной фирмой «А. и Г. Хлудова сыновья» (Алексей и Герасим — сыновья Ивана Хлудова) — бумагопрядильная фабрика в Егорьевске (тогда уездный город Рязанской губернии, теперь районный центр Московской области) и лавка бумажной пряжи в Гостином дворе.

У А. И. Хлудова был непутевый сынок Михаил Алексеевич — кутила и скандалист, который, войдя однажды в раж, изрубил саблей пальмы в зале московского ресторана «Стрельна» (вспомним эпизод из «Чертогона»). Вполне возможно, что Н. С. Лесков, создавая образ Ильи Федосеича, взял степенность и положение в тогдашнем обществе, в купеческом сословии — у отца, а ресторанные «художества» — у сына.

По рассказу, Илья Федосеич пожаловал в иноческую обитель как истинный хозяин.

«Там его тоже знали и встретили с таким же почетом, как у «Яра».

— Хочу пасть перед Всепетой и о грехах поплакать...

— Пожалуйте,— говорят инокини,— пожалуйте... Теперь к ней (то есть, ко Всепетой.— А. Ш.) самое расположение... всенощная.

— Пусть кончится,— я люблю без людей, и чтоб мне благодатный сумрак сделать.

Ему сделали сумрак...»

лась, по существу, не только художническая, но и социальная, можно даже рискнуть сказать, и политическая программа Лескова, поскольку писатель не видел никаких других, вне нравственных сфер, областей жизни, где надо бы ожидать принципиального изменения судьбы человечества. Только нравственно совершенная личность может преобразовать общий исторический ход жизни. Поэтому нетрудно представить, какое огромное общественное значение придавал Лесков «праведничеству» своих героев.

Лесков любил говорить, что каждый писатель должен иметь свой «собственный голос». Автор «Соборян» и «Заячьего ремиза» имел такой голос. Известно, что в творчестве Лескова — поразительное многообразие художественных жанров. Но, как правило, писатель вносил большие эстетические коррективы в традиционные жанры и уж во всяком случае не считался с границами между этими жанрами. Повесть-«житие», рассказ-легенда, новелла-анекдот, роман-хроника, рассказ-фельетон — полная жанровая свобода!

Она отвечала представлениям Лескова о творческой свободе вообще, а также о многокрасочной пестроте человеческой жизни, о переплетении различных нравственных черт в одной личности, что невозможно передать в «чистом» жанре. Высокое и смешное в одном человеке — отсюда в конечном счете и «житие» и анекдот вместе. Великолепно словарное богатство лесковских произведений. Но, конечно, не только благодаря своему стилю творчество Лескова сохранило свое живое значение, активно воспринимается и в наше время. Страстные поиски писателем прекрасных начал в русском национальном характере, защита социальной и нравственной правды, вера в интеллектуальные и душевные силы народа, демократический пафос произведений, богатство художественной речи — все эти драгоценные качества делают наследие Лескова созвучным нашему времени, необходимым фактором нашей духовной жизни.

Почему же оказан такой почет гостинодворскому тузу? Почему любую его прихоть игуменья с «сестрами» готовы удовлетворить с трепетным усердием, почему беспрекословно угождают они ему во всем?.. Почему Илья Федосеич и у «митрополита принят»?..

Да потому, что он — благодетель иноческой обители, и сами монахини с подобострастием напоминают об этом: «От кого же Всепетой, как не от вас, и покаяние принять, — всегда ее обители благодели». «Он щедро одарил обитель», — сообщает писатель в последних строках рассказа.

Церковный благодетель... Очень интересная фигура, которая пребывает пока в тени, если не в забвении. Давайте-ка выведем ее на свет — она этого вполне заслуживает!..

Вспомните читанное в статьях и брошюрах, посвященных тем или иным памятникам и ансамблям церковной архитектуры, вспомните слышанное в экскурсиях у стен этих памятников. О чем сообщают авторы таких публикаций, о чем рассказывают экскурсоводы? О времени сооружения храма или основания монастыря. О том, кто составил проект и руководил постройкой. Об архитектурном стиле церкви, ее неповторимом своеобразии...

«И на центральной площади города поднялся величественный собор...» «И на берегу озера вырос монастырь...» Вот так сам по себе и «поднялся», сам по себе и «вырос»?.. Можно подумать, что речь идет о творениях природы, а не о созданиях труда человеческого, требовавших значительных денежных средств. Но об этой стороне, как правило, — ни слова.

Подобная «фигура умолчания» (бытующая в силу инерции, укоренившейся привычки) неизбежно влечет за собой искаженные, не соответствующие исторической действительности представления о реальной религиозности народных масс в минувшие времена. Представления, которые можно было бы обобщенно выразить примерно так: «Сколько церквей в старину-то понастроили! Вот как в бога-то верили! В избенках ютились, но по грошику собирали и каменные храмы воздвигали. Один построили, рядом второй начинают возводить! Два стоят — рядом третий поднимается!..»

Действие «Чертогона» происходит в Москве, к Москве мы и обратимся... Как гласит старинное присловье, в Москве церквей — сорок сороков.

Н. С. Лесков. Рисунок И. Е. Репина.

Присловье это, конечно, явно гиперболично. 1600 православных храмов в Москве никогда не было; и «сорок» — это, кстати, в данном случае не число 40, а благочинный округ. Согласно «Указателю московских церквей», изданному в 1915 году М. Александровским, в Москве, в ее тогдашних границах по бывшему Камер-Коллежскому валу, насчитывалось около 570 православных храмов всех видов — приходских, домовых, кладбищенских, приписных. «Указатель» перечисляет их в хронологическом порядке — по времени сооружения. Сведения предельно лаконичные, но благодетели-храмоздатели не забыты. Страницы этой тоненькой, но такой интересной и полезной для историка книжки пестрят именами и фамилиями, начиная от императорской и кончая дворянскими и купеческими.

Да, действительно, церкви — и в Москве, и в иных городах и краях России — построены на народные деньги, но в подавляющем большинстве случаев взяты они на эти цели были не прямо из трудовых рук — рук истинных хозяев, а из мошны народных захребетников (помещиков, купцов, фабрикантов, высших бюрократов), из казны главного угнетателя — царского самодержавия. Как не вспомнить здесь заключительную главу повести Максима Горького «Фома Гордеев».

...Именитый купец Илья Кононов пригласил крупных воротил, тузов купеческого мира, прогуляться по волжскому раздолью на своем пароходе «Илья Муромец». В разгар буйного пиршества купеческий златоуст Яков Маякин произнес за столом витиеватую речь, восхваляющую его сословие. «По грошику-копеечке собирает, сотни тысяч жертвует. Кто храмы воздвиг? Мы!» — гордо восклицал он. Писатель познакомил нас с этими жертвователями-храмоздателями:

«Вот Луп Резников,— он начал карьеру содержателем публичного дома и разбогател как-то сразу. Говорят, он удушил одного из своих гостей, богатого сибиряка... Зубов в молодости занимался скупкой крестьянской пряжи. Дважды банкротился... Кононов, лет двадцать назад, судился за поджог, а теперь тоже состоит под следствием за растление малолетней. Вместе с ним — второй уже раз, по такому же обвинению — привлечен к делу и Захар Кириллов Робустов — толстый, низенький купец с круглым лицом и веселыми голубыми глазами... Среди этих людей нет почти ни одного, о котором Фоме не было бы известно чего-нибудь преступного».

Такие-то «благочестивые христиане» и воздвигали храмы божьи на нашей земле! Сколько их высится и по сей день, сколько из них и ныне оглашается благоговейным молитвенным пением!

Илья Федосеич в «Чертогоне», видимо, не случайно изображен благодетелем женского, а не мужского монастыря. И не случайно инокини, а не иноки благодарят за пожертвования с таким пылом. Дело в том, что монастыри женские к вкладам и пожертвованиям были, пожалуй, еще чувствительнее, нежели мужские, — по той простой причине, что в сравнении с последними жили победнее. Даже в «первопрестольной». На этом примечательном обстоятельстве, наверное, тоже стоит остановиться, сделать еще одно отступление...

Монастырский мир Москвы последних предреволюционных десятилетий был весьма обширен. В пределах тогдашней городской границы размещалось 25 православных обителей — 15 мужских и 10 женских (плюс — Владычне-Покровская община сестер милосердия, которая несколько отличалась от обычных монастырей). «Первопрестольная» столица тех лет — город, в котором жило много дворян-помещиков,

промышленников-миллионщиков и высокопоставленных чиновников, — была, разумеется, далеко не худшим местом для существования иноческих обителей.

Гигантскую пирамиду православных монастырей того времени — около 1100 обителей — венчало 12 наиболее привилегированных, богатых и знаменитых: 4 лавры и 8 так называемых «ставропигиальных», то есть подчиненных непосредственно синоду, минуя епархиального архиерея. Разумеется, все 12 были мужскими. Половина «ставропигиальных» находилась в Москве: Донской, Новоспасский, Симонов и Заиконоспасский. Мужские монастыри Москвы ежегодно получали из казны около 12 с половиной тысяч рублей (сведения на 1908 г.). Женские были лишены казенного вспомоществования.

И, наконец, жили московские чернецы куда просторнее, или, говоря языком современным, комфортабельнее, нежели московские черницы. Мужских монастырей в Москве было больше, чем женских, а монахов — меньше, чем монахинь. В 15 мужских обители к 1908 году 473 насельника (245 иноков и 228 послушников) а в 10 женских и в Покровской общине сестер милосердия — 1428 насельниц (515 инокинь и 913 послушниц и «сестер»). Иными словами, если на каждую мужскую обитель приходилось в среднем по 31 насельнику, то на каждую женскую — по 130, в четыре раза больше.

Что ж, при таких стесненных обстоятельствах щедрая благосклонность первостатейных богатеев вроде Ильи Федосеича из «Чертогона» была очень кстати. Таким «благодетелям» инокини готовы были услужить всячески: не только допустить их к первейшей монастырской святыне в любой час и в одиночестве, но, если они того пожелают, даже привезти ее и в их хоромы.

Следует заметить, что приведенная нами статистика была характерна не только для московских монастырей, но и для всего православного монастырского мира тогдашней России. К примеру, в Московской епархии в 47 мужских обителях в том же году пребывали 2219 монашествующих, а в 26 женских — 3878. В 540 мужских монастырях, рассеянных по всем епархиям, — числилось (округленно) 24 тысячи иноков, а в 448 женских — 66 тысяч.

«Сравнивая между собою вышеприведенные цифры, — писал Л. И. Денисов в предисловии к составленному им справочнику «Православные монастыри Российской империи» (М., 1908), — мы неизбежно должны прийти к следующим двум выводам:

1) **Мужских монастырей в России больше, чем женских** (здесь и далее подчеркнуто автором справочной книги.— **А. Ш.**). Если даже мы присоединим к последним общины, то и тогда отношение между числом мужских и женских монастырей выразится (приблизительно) как $1^1/_4 : 1 = 5 : 4$, то есть **на 4 женских монастыря приходится 5 мужских.**

2) Монашествующих женщин (монахинь) в России больше, чем монашествующих мужчин (монахов).

Отношение между числом монахинь и монахов выражается (в круглых цифрах) как 11 : 4, то есть **на 4 монаха приходится 11 монахинь».**

Какие же выводы следует сделать нам из всех этих красноречивых церковно-статистических сопоставлений? Один из них настолько непреложен, что составитель упомянутого сугубо церковного справочника вынужден признать его в своем предисловии: «Мужские монастыри, несмотря на их численное преобладание, выражаясь фигурально, вымирают...» Вывод верный. «Вымирание» мужских монастырей, добавим мы, было одним из проявлений необратимого упадка всего монастырского мира, а упадок этот в свою очередь был одним из проявлений глубокого кризиса православия в России, уже вплотную подошедшей к великому историческому рубежу — к революциям и новой, социалистической эре. Женская набожность была основной опорой православия и в те времена (как и во все иные), и с этой точки зрения православие не отличалось от иных конфессий (как не отличается и ныне), оставаясь тем не менее непоколебимо верным извечному своему отношению к женщине как к существу второсортному, даже если оно облачено в монашескую рясу.

Вернемся, однако, к главному герою рассказа «Чертогон» — Илье Федосеичу и к Хлудовым — реальным купцам и промышленникам, которые, как можно думать, стоят за этим колоритным лесковским персонажем.

Список московских храмоздателей украшен и этой фамилией. Герасим Иванович Хлудов — родной компаньон и совладелец богатейшего «дела». 8 мая 1888 года освящена была церковь преподобного Герасима в богадельне, построенной на фамильные хлудовские деньги неподалеку от Курского вокзала (здание это сохранилось, современный адрес его — Сыромятнический переулок, дом 6)... Не обходили Хлудовы своими благочестивыми милостями и родные места. Начав «дело», они уже в 1862 году дали деньги на строительство Архангельской церкви в Егорьевске, распорядившись ежегодно выплачивать ее священнику по 200 рублей серебром.

В соответствии с русским алфавитом, Хлудовы замыкают список благодетелей-храмоздателей, составленный мною на основании сведений из «Указателя» М. Александровского. Обширный список... Следуя ему, можно обойти всю Москву в пределах ее тогдашних границ. Отправившись от здания бывшей Хлудовской богадельни в одну сторону, по набережной Яузы к центру города, — увидишь у Яузских ворот церковь Троицы в Серебрениках, построенную в 1781 году купчихой Суровщиковой. Отправившись от той же точки в другую сторону, через Костомаровский мост в сторону Таганки, — увидишь серую громадину церкви Мартина-исповедника, построенную в 1792—1800 годах на средства «именитого гражданина В. Я. Жигарева». И так далее...

«Моему нраву не прекословь!» — решительного правила этого «их степенства» неукоснительно придерживались не только в родных пенатах, не только в своих делах и предприятиях, не только в столичных ресторанах и ярмарочных трактирах, где с завидным постоянством учиняли скандалы, поражавшие воображение размахом и изобретательностью, но и — увы! — в делах храмостроительных. Примеров тому немало, упомяну лишь о двух, причем, учитывая фантастичность, даже невероятность их, сошлюсь на публикации, откуда эти сведения почерпнуты.

Миллионеру Губонину (кстати, владельцу Гурзуфа), нажившему состояние на прокладке железных дорог, на какой-то из выставок приглянулась огромная бронзовая люстра, которую он, не долго думая, приобрел с намерением подарить приходской церкви своей — церкви Параскевы-Пятницы в Замоскворечье. «Но повесить в маленькой церкви такую большую люстру, — рассказывал Н. Мудрогель, автор воспоминаний «58 лет в Третьяковской галерее», — было нельзя — потолок провалился бы. Тогда Губонин ломает старую церковь и на ее месте строит новую, большую, и в этой церкви вешает люстру в качестве паникадила» («Новый мир», 1940, № 7, стр. 178).

Вот и весь сказ: «Ежели я плачу, — делаю, что захочу».

Другой факт связан с историей Ивановского женского монастыря — старинной обители, массивные и отнюдь не столь древние стены которой высятся в центре Москвы, неподалеку от улицы Солянки. В середине прошлого века купчиха Макарова-Зубачева завещала крупную сумму на «возобновление обители» и назначила душеприказчицей своей другую купчиху — Мазурину. Поначалу душеприказчица взялась за дело энергично и круто: приказала снести до основания все прежние здания, в том числе и ту «клетку», в которой провела большую часть 33-летнего заточения «Салтычиха», и келью, где четверть века томилась в полном затворе таинственная инокиня Досифея, этот русский аналог французской «Железной маски».

На месте снесенных строений были заложены фундаменты новых. Поднялись и новые стены и... на этом строительство застопорилось. Прошел год, другой; минуло пять, 10 лет. Объяснять мотивы своих поступков было не в обычае старой купчихи, и москвичам ничего не оставалось, как строить всевозможные предположения. Поговаривали, к примеру, о том, что душеприказчица растратила на собственные надобности деньги, завещанные на «возобновление обители», и теперь тянет время, дабы возместить растрату и выйти сухой из воды. Бытописатель Москвы Д. А. Покровский раскрыл истинную причину проволочек со строительством нового Ивановского монастыря.

«Мазурина была страшная суеверка, верившая и в сны, и во всевозможные приметы,— прочтем мы в его «Очерках Москвы».— А так как в московском купечестве и духовенстве испокон века существует поверье, что в новой церкви первым покойником должен быть храмоздатель... то отсюда по ее логике и следовало, что тотчас за его отстройкой... ей и капут: смертный приговор подписан. Умирать же ей, несмотря на преклонный возраст, вовсе не хотелось... Вот почему она и не торопилась с окончанием дела...

И вот, благодаря этим-то диким соображениям самодурной старухи, чужие сотни тысяч непроизводительно и совер-

шенно бесконтрольно лежали целые десять лет в ее сундуках, где, конечно, могли бы при случае и пропасть...» («Исторический вестник», 1893, № 2, стр. 465)

Так что же двигало благодетелями-храмоздателями, что стояло за их благочестивой щедростью? Мотивы и классово-государственного, и личного характера. И осознанное стремление еще более укрепить идеологическую основу самодержавного государства, усилить церковное влияние в народе. И тщеславие, а попросту говоря, спесь («Знай наших! Не хуже других — вон сколько на храм-то отвалили!»). И стремление «остаться в памяти потомков», и, наконец, старческий покаянный психоз, желание отмолить грехи и преступления, совершенные во имя тех богатств, толику которых жертвовали на сооружение храма.

Вполне очевидно, подобными соображениями руководствовались и Хлудовы. В том числе, возможно, и последним: грехов и преступлений на их совести было предостаточно!..

Деньги они тратили в Москве — на цыганские хоры да на иноческие обители, — но наживали их главным образом в иных местах — там, где дымили высоченными кирпичными трубами их фабрики. Прежде всего, в родном Егорьевске...

В уездный городок он был «произведен» два столетия тому назад, а до того — по меньшей мере четыре с половиной века — известен был как волостное село Егорье-Высокое. Расположена была волость на стыке земель трех княжеств — Московского, Рязанского и Владимирского, и долгое время определенно не было известно, к какому же из них она принадлежит. Сметливые жители не упускали возможности употребить это обстоятельство в свою пользу и ухитрялись не платить податей: московских сборщиков уверяли, что они рязанские, рязанских — что владимирские, и так далее. Говорят, отсюда и вошло в народный речевой обиход выражение «объегоривать».

Основателем купеческо-промышленной «династии» стал Иван Хлудов — крестьянин одного из сел Егорьевского уезда. Начав с семейной выделки кушаков и поясов, набивал он мошну год от году все туже и туже; как мух, ловил в паутину других кустарей — односельчан и земляков, пока наконец не оказался в силе построить в 1845 году в Егорьевске одну из первых в России бумагопрядильных фабрик с паровыми машинами.

«Хлудова сыновья» богатели, как в сказке, но хлудовская алчность намного опережала даже их баснословные барыши. И вот тут-то, лет 12 спустя после пуска фабрики, когда по России поползли слухи о готовящемся освобождении крестьян от крепостной зависимости, и обделали они — в сговоре с местными помещиками — одно «дельце», которое и познакомило с ними тогдашнего рязанского вице-губернатора Михаила Евграфовича Салтыкова. Суть этой аферы заключалась в следующем.

С одной стороны — помещики, обескураженные вестями о скором упразднении «с высоты престола» крепостного права и готовые поскорее и повыгоднее сбыть с рук «своих» мужиков. С другой — процветающие фабриканты, которым позарез нужны дешевые рабочие руки, безропотные фабричные рабы. При таком сочетании интересов и появился преступный план продажи крепостных на фабрику. Егорьевские фабриканты и помещики решили «объегорить» даже весьма благосклонные к ним законы Российской империи, запрещавшие тем не менее покупку купцами крепостных «душ».

Вот как действовала, к примеру, помещица Позднякова из Касимовского уезда. Полтора десятка пока еще принадлежавших ей «душ» отправила она на хлудовскую фабрику в кабалу на целых четыре года. Предлог был самый «благородный» и «человеколюбивый»: обучить их фабричному труду, а истинные расчеты и побуждения — самые алчные и подлые: во-первых, лишить своих крестьян земельных наделов при ожидаемом «выходе на волю», во-вторых, нажиться на каторжном их труде в цехах и мастерских хлудовской мануфактуры — по контракту барыне отчисляли значительную долю из заработка ее «мужиков».

В течение тех лет, когда М. Е. Салтыков занимал пост рязанского вице-губернатора (1858—1860 гг.), делопроизводителем губернского правления служил молодой чиновник С. Н. Егоров, человек, как можно судить по написанным им позднее воспоминаниям, честный, придерживавшийся прогрессивных взглядов, искренне сочувствовавший необычному вице-губернатору, который попытался было железной метлой очистить авгиевы конюшни беззакония, произвола, взяточничества и казнокрадства и которого многочисленные носители этих пороков с ненавистью окрестили вскоре «вице-Робеспьером».

«Следствием было раскрыто,— рассказывал С. Н. Егоров, касаясь судебного следствия по хлудовской афере,— что все эти люди с их семействами до грудных младенцев, подобно неграм, покупались Хлудовыми у мелких помещиков в полнейшую кабалу. Для облечения сделок законной формальностью это делалось таким образом: помещик писал своему крепостному вольную, которая утверждалась судом; вместе с тем там же и в то же время между отпущенником и Хлудовыми совершался нотариальный договор найма, обязывающий первого работать на фабрике на крайне тягостных условиях... Договоры исполнялись рабочими со всею точностью благодаря полицейским мерам, которые в то время были ужасны... Следствие установило, что все договоры заключались без ведома отпущенников и что за них подписывались посторонние лица, которых они в глаза не видали. Оказалась масса подложных документов и контрактов...»

Вскоре после столкновения с новым губернатором — махровым реакционером, М. Е. Салтыков вынужден был уехать из Рязани, и дело о работорговле в Егорьевске, естественно, закрыли. Но не закрыл его сатирик Н. Щедрин — оно отразилось в его пьесе «Соглашение» и в статье «Еще скрежет зубной». В этой статье автор вынужден был замаскировать географические названия (Нововласьевский и Саревский уезды вместо Егорьевского и Зарайского), но главные «герои» указаны общепонятным намеком — «братья Х», «фабрикант Х», «Братья Х», и в первую голову — А. И. Хлудов, стали прообразом щедринского фабриканта Чумазого, а имя это в свою очередь — нарицательным для обозначения российского капиталиста.

Одну эпоху в истории России — «дореформенную» сменила другая — «пореформенная», но Чумазые оставались Чумазыми — приумножали свои капиталы, не считаясь ни с кем и ни с чем. И снова вошли они в историю, сами того не желая конечно. В историю революционной борьбы российского пролетариата, в героической хронике которой против года 1893 обозначено: «Хлудовская стачка».

К этому времени «Хлудова сыновья» ворочали миллионами. На фабрике трудились свыше трех тысяч рабочих. Хозяева выжимали из них соки с прежним остервенением. Рабочий день — 14 часов, для детей — «снисхождение»: «только» 9 часов. Всем, даже подросткам, запрещено было кусок хлеба съесть в течение смены. «Тощая, худая, — вспоминал о несчастной доле егорьевской прядильщицы рабочий И. Я. Соловьев, пришедший в цеха хлудовской фабрики 11-летним мальчишкой, — она приходила на работу, оставляя зачастую дома без всякой медицинской помощи больных детей». Кормящих матерей к детям не отпускали... Штрафы и вычеты на каждом шагу, мастера — совершенно обнаглевшие взяточники. Станки гудели беспрерывно — от 5 утра понедельника до 9 утра воскресенья.

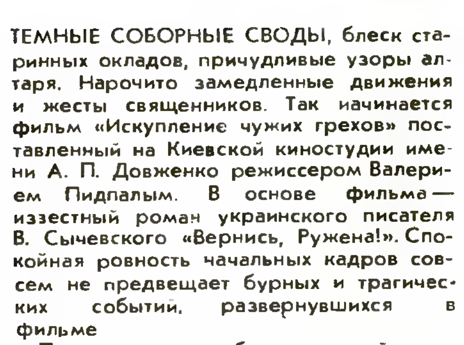
25 мая 1893 года на хлудовской мануфактуре вспыхнул стихийный бунт: рабочие и работницы разгромили фабричную контору, склады, магазин, квартиру директора, разорвали и выбросили во двор конторские книги, вытащили туда же денежный ящик.

И тут на фабричном дворе появился егорьевский священник Николай Зверев. Он бросился к денежному ящику, уселся на него и, подняв крест, произнес с этого необычного амвона пылкую проповедь: «Православное стадо Христово, опомнитесь! Что вы делаете? Ведь вы на чужую собственность руку подняли! Против своего благодетеля — поильца, кормильца пошли. Ведь он наш благодетель — сколько вас кормит тысяч! Вот он закроет разбитую фабрику. Что вы станете делать? Ведь все по миру пойдете, с голоду перемрете, и вас как бунтовщиков нигде не примут... Опомнитесь, чада!»

Стачка продолжалась две недели и была подавлена только после того, как в городок вступил пехотный полк. Хозяевам пришлось, однако, пойти на некоторые уступки — уволить самых ненавистных мастеров и конторских служащих, отменить ночные смены накануне крупных праздников. С перепугу пообещали даже повысить заработки, но потом, когда все стихло, отказались. «Пруд запружу золотом, а вам — копейки не прибавлю!» — услышали делегаты рабочих, когда они осенью напомнили об этом обещании...

А прудить пруды золотом Хлудовы умели! И лесковский «Чертогон» — убедительное тому свидетельство...

ИСПЫТАНИЕ БОГДАНА ЧИЧУРЫ

М. ЗАЙОНЦ

ТЕМНЫЕ СОБОРНЫЕ СВОДЫ, блеск старинных окладов, причудливые узоры алтаря. Нарочито замедленные движения и жесты священников. Так начинается фильм «Искупление чужих грехов» поставленный на Киевской киностудии имени А. П. Довженко режиссером Валерием Пидпалым. В основе фильма — известный роман украинского писателя В. Сычевского «Вернись, Ружена!». Спокойная ровность начальных кадров совсем не предвещает бурных и трагических событий, развернувшихся в фильме

После темноты собора — яркий простор закарпатской природы. Повсюду снег. Из окна вагона он кажется неестественно белым. Поезд идет в Ужгород. Вторая мировая война, обычная толчея фронтовых перегонов, военные мундиры, свастика на рукавах, шумные разговоры, чаще других звучит слово «Сталинград». Мелькают кадры, неожиданно крупно — лица двух: молодого священника и фашистского полковника. Встретились глазами и снова — ровный шум поезда и одинокая фигура в черном у окна. 26-летний Богдан Чичура, доктор теологии, после пяти лет, проведенных в Риме, в Грегорианском университете, возвращается домой, в родное Синегорье. В шумном коридоре поезда вспоминает он Ружену — нежное лицо юной девушки, традиционный обмен крестами любящих молодых людей. Воспоминание подробное, трогательно поэтичное так вспоминают о безвозвратно ушедшем. А вслед за этим резкая перебивка кадров — отец Юлий приводит своего племянника Богдана в семинарию. Почтительный и твердый взгляд молодого человека, ясность его стремлений и продуманность шага.

Стилистика фильма в основном построена на такой смене ритмов и цветовой гаммы. Замедленное действие в прошлом — и быстрота в настоящем. Темно-красные, коричневые краски церковных сводов, черно-лиловые одежды — и ослепительная белизна снега. Подчеркнутая символика построения продумана и сознательна. Фильм отличается от книги определенной упрощенностью проблематики. По сравнению с романом опущены многие подробности и сюжетные линии, события даны уплотненно и сжато, порой даже несколько схематично, для режиссера главное — довести идейный замысел повествования. Фильм можно было бы назвать «Искупление своих грехов». Ибо герой поздним прозрением и мучительным страданием искупает грехи собственного заблуждения.

Богдан сознательно выбирает путь служения богу, видя в этом единственную возможность помочь многострадальному своему народу. Служить бедным, помогать им, ободрять в несчастье — вот чем он одержим. Перед этой высокой целью Богдан (его сдержанно и строго играет заслуженный артист Украинской ССР И. Гаврилюк) готов закрыть глаза на многое — на унизительное стояние на коленях во время так называемого «покаяния», на явные доносы своих товарищей по семинарии, готов забыть страшный крик выбросившегося из окна единственного друга Алоиза Чижека. Более того, приняв целибат, обет безбрачия, он готов утратить Ружену. Епископ Александр, отправляя его в Рим, в Грегорианский университет, говорит: «Лишь высокая душевная власть, которую ты получишь по окончании Грегорианы, позволит тебе стать по-настоящему полезным братьям с Верховины».

И вот, после пяти лет отсутствия, Богдан снова на родине. Ужгород, теперь он Унгвар, тревожная сутолока вокзала, листовки на стенах с объявлением награды за поимку «государственного преступника». Камера приблизит лицо на листовке, и мы узнаем того фашистского полковника, который ехал в одном вагоне с Богданом, а тот узнает в нем учителя Русина, отца Ружены (заслуженный артист Украинской ССР И. Миколайчук). Узнает и постарается быстро пройти мимо, как чуть позже, опустив низко голову, пройдет мимо заключенных за решетку заложников, тянущих свои руки к священнику и умоляющих спасти их. Первое столкновение с реальностью, первое испытание веры. А ведь Богдан писал из Рима: «Я хочу прожить земную жизнь так, чтобы каждый мой вздох был ему мил, чтобы... и в день страшного суда он не мог ни за что попрекнуть меня, чтобы каждое малейшее движение моей души шло для его вечной славы и на добро людям». И вот он проходит мимо людей, действительно ждущих его помощи.

Полагая что «все земное — от бога», что если он позволяет творить недостойное, то лишь для того, чтобы покарать заблудших и обратить их на путь всеблагой и святой истины, Богдан не понимал еще простой истины: каждый человек ответствен перед собственной совестью и зло не есть сила, посылаемая свыше, перед которой можно лишь смиренно склонять голову. А пока он только с недоумением видит страшные разрушения, которые принесли его родине оккупанты; на торжественном обеде, устроенном епископом Александром, увидит фашистского генерала, услышит слова о задачах святой церкви в это критическое для христианства время. Нет, не сможет уйти от жестокой реальности, спрятаться за абстрактную идею служения богу доктор богословия Богдан Чичура. Война — ситуация критическая — всех

подведет к необходимости выбора. И события начнут разворачиваться с неумолимой быстротой. На том же обеде у епископа встретит Богдан своего двоюродного брата, с которым он когда-то вместе поступал в семинарию. Августин Евич (артист Н. Сектименко) появится в форме гитлеровского капитана — у когда-то нескладного, неуверенного деревенского парня обнаружится лихая военная выправка, уверенность в своей силе. Он тоже любил когда-то Ружену — вот что связывает этих двух столь разных людей. Сцена между ними станет кульминацией фильма.

От этого подлеца и фашиста впервые услышит Богдан о том, что изнасилованная, опозоренная Ружена вынуждена была уйти в монастырь. Богдан понимает, что предал ее, оставил одну, беззащитную, обрек на муки и страдания. Августин раскроет глаза на многое — и на политические притязания епископа, и на то, что «все святые отцы у генерала исповедуются», и на скрытые богатства мукачевской епархии. Именно он бросит в глаза герою фразу: «Ты — раб!» Полагавший себя зависимым только от веления божьего, Богдан впервые осознает себя «стреноженной лошадью», у которой есть жестокие хозяева. Глубокий смысл этой сцены в том, что именно негодяй показывает герою, оказавшемуся всего лишь послушным исполнителем воли епископа Александра, что именно он сотворил «во славу божью», чему помог.

Богдан попытается спрятаться в родной деревне, но и там не найдет покоя. Нагрянут каратели во главе с бравым Августином в поисках учителя Русина — запылает огонь, сжигающий деревню. Короткая встреча с учителем, и в памяти останется только спокойствие, с которым тот выйдет навстречу фашистам, чтобы спасти сотню заложников, и еще фраза, сказанная им на прощание: «Нет выше бога, чем совесть человеческая».

События подталкивают Богдана к окончательному решению. Допрос у фашистского генерала, безуспешная попытка спасти учителя. А в финале — схватка двух непримиримых врагов, двух братьев, короткий выстрел и падающее тело Августина. Затем долгий и трудный побег Богдана в лес — голые ветки на фоне белого снега, падающая и вновь поднимающаяся фигура в черной рясе, упрямо пробирающаяся сквозь кусты и деревья.

В романе Богдан вступает в ряды партизан. Фильм заканчивается его побегом. Дальнейший смысл ясен и без детальной расшифровки. Драматический путь к истине, который прошел Богдан Чичура, был для него далеко не простым, это был путь к правде, к родине, к людям, страдающим и борющимся.

Для режиссера Валерия Пидпалого, работавшего до этого в научно-популярном кино, «Искупление чужих грехов» — первый художественный фильм.

Видимо, от многолетней практики документального кино, рассказывал он, во мне выработалось и сохранилось пристрастие к документальной точности, достоверности сюжета и места действия, интерес к глубинному анализу происходящего. Автор сценария Василий Сычевский тоже был раньше сценаристом и режиссером документального кино. Таким образом, наши опыт и интересы объединились.

Однажды, много лет назад, автор сценария попал в Карпатских горах в снежную бурю и в поисках укрытия наткнулся на старую избушку, в которой жил одинокий старик. Он и рассказал ему о своей жизни, о поисках Ружены, которую так и не нашел.

— При создании фильма мы старались найти очевидцев реальных событий. И снимать решили строго документально, по фактам, оставаться верными им, сознательно сохраняли всех реально действующих лиц, даже их имена. Подготовка была длительной; мы долго разыскивали людей, изучали фотографии, восстанавливали по ним интерьеры, костюмы, старались воспроизвести и манеру поведения этих людей. Художники рисовали декорации, тщательно и точно выписывая каждую деталь.

Вся съемочная группа работала с энтузиазмом. Проблемы сценария волновали, трогали каждого участника съемок. На главную роль Богдана сразу же, без предварительных проб, был выбран заслуженный артист Украинской ССР Иван Гаврилюк, настолько мы были уверены в его возможности сыграть эту роль. Он давно мечтал о сложном, неоднозначном, противоречивом характере кtypoгероя. Тема нашего фильма оказалась актеру близкой и понятной: он вырос в Львове.

По жанру «Искупление чужих грехов» — фильм политический. Он направлен против клерикалов, служителей церкви, которые использовали веру в своих политических интересах. Меня давно интересовала тема, воплощение которой я нашел в сценарии В. Сычевского, — трагический путь героя к познанию истины. Не просто разрушение веры в бога, а сложнейшее осознание своего места, предназначения в жизни, горестное понимание собственных заблуждений, непоправимости совершенных ошибок.

Для понимания проблематики нашего фильма крайне важны исторические факты. В годы после Великой Октябрьской социалистической революции деятельность униатской церкви носила злостный антисоветский характер, еще более усилившийся в годы оккупации Западной Украины и Закарпатья. Как известно, пособниками фашизма в западных областях Украины были глава униатской церкви митрополит граф Андрей Шептицкий, его преемник Иосиф Слипый и возглавлявший униатскую епархию в Закарпатье епископ Александр Стойка (в нашем фильме он выведен под именем епископа Александра). С разгромом гитлеровцев наступил неизбежный конец владычеству таких вот служителей религии. Однако Иосиф Слипый уцелел и живет ныне за границей, Ватикан попрежнему считает его главой униатского движения. Надежда на униатство, на оживление связанного с ним национализма не покидает римскую церковь.

Любой поступок клерикалы могут объявить нужным и угодным богу, прикрываясь подходящими к случаю цитатами из Библии, и на этой основе найти оправдание политическому обману, стяжательству, даже убийству. Именно потому нам показалась важной ориентация нашего фильма. Его тематика не утратила с годами своей актуальности.

А. ФЕЛЬМАН

В БОРЬБЕ ЗА НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

«Заветы В. И. Ленина и формирование сознания людей в условиях реального социализма» — так называется статья Ярослава Челко, опубликованная к 110-й годовщине со дня рождения Ленина в словацком журнале «Атеизмус» (1980, № 2 [1]. В условиях реального социализма решение этой задачи, отмечает автор, приобретает особое значение. XV съезд КПЧ подчеркивал: «Чтобы выполнить задачу построения развитого социалистического общества, чтобы идти вперед по пути к коммунизму, необходимо интенсивно развивать и совершенствовать все формы идеологической работы партии во всех направлениях, в теории, пропаганде, в повседневной массово-политической работе, в деятельности всех учебных, научных и культурных учреждений. Усилия партии, всех ее идеологических учреждений направлены на то, чтобы научное мировоззрение стало мировоззрением наших трудящихся, чтобы оно помогало им правильно понимать тенденции общественного развития, оценивать ход событий и на основе глубокой внутренней убежденности активно участвовать в осуществлении исторической задачи — в строительстве социализма».

Формирование социалистического сознания — сложный процесс, при котором в течение длительного времени наряду с научным мировоззрением у людей сохраняются неверные представления, в частности религиозные, пишет Я. Челко. Существование таких взглядов тормозит развитие социалистического общества, оказывает влияние и на нерелигиозную часть населения. Поэтому стремление сохранять плюрализм в области мировоззрения — ошибочно. Наоборот, необходимо укреплять единство мировоззрения на основе марксистско-ленинского учения. Большое значение в этом смысле имеет воспитательная работа, повышение образовательного уровня населения. При этом нельзя забывать, напоминает автор, что ЧССР служит объектом постоянных нападок со стороны западной реакции, что буржуазная пропаганда ведет планомерную идеологическую борьбу, стремясь замедлить процесс формирования марксистско-ленинского мировоззрения у чехословацких трудящихся.

Отмечая, что формирование научного, материалистического мировоззрения требует преодоления религиозных взглядов на природу и общество, Я. Челко подчеркивает большое значение ленинского атеистического наследия для формирования социалистического сознания у строителей новой Чехословакии. Особенно важны ленинские положения о необходимости подчинения пропаганды атеизма и критики религии задачам классовой борьбы, о первостепенной важности единства трудящихся в борьбе за революционное преобразование мира.

Одна из серьезных проблем в этом плане — отношение коммунистов к верующим. КПЧ всегда уделяла большое внимание этому вопросу. «В нашей политической практике, — говорилось в Отчетном докладе ЦК КПЧ XV съезду партии, — мы никогда не должны забывать о ленинских идеях: объединяться с народными массами, жить среди них, знать образ их мышления, уметь подходить к ним, постоянно завоевывать их доверие. Крепить единство партии и народа, развивать его инициативу, обобщать опыт масс — это наша задача». Коммунисты стремятся активизировать созидательную деятельность верующих, участвующих в строительстве социализма. Для этого они должны хорошо знать их проблемы, находить подходящие формы политической, организационной связи с ними.

В Чехословакии последовательно осуществляется свобода вероисповедания, уважаются религиозные чувства верующих и создаются условия для удовлетворения их нужд, пишет автор. Однако, поскольку религиозное мировоззрение в корне противоречит научному, коммунисты стремятся оказывать на верующих идеологическое влияние в духе марксистско-ленинского учения.

Идеи Ленина, подчеркивается в статье, служат также компасом в преодолении иногда имеющего место ошибочного подхода к религии и церкви. Такое неправильное отношение обычно характеризуется, с одной стороны, администрированием, а с другой — полным пренебрежением вопросами религии, атеистического воспитания.

Действуя методами убеждения и личного примера, не ограничивая свободы и права верующих заключает Я. Челко, партия делает все, чтобы они переходили на позиции научного мировоззрения и более активно участвовали в строительстве социализма и коммунизма.

Особое внимание в ЧССР уделяется формированию научного мировоззрения у подрастающего поколения. Статья Гелены Павлинцовой «Основные тенденции мировоззренческой ориентации школьной молодежи южноморавской деревни Прушанки» (1980, № 2) знакомит с социологическими исследованиями, проведенными в одном из районов с относительно высоким уровнем религиозности. Их целью было выявить религиозные и атеистические взгляды у детей 9—15 лет и тенденции изменения их мировоззрения под влиянием социально-экономических преобразований.

В первую группу опрошенных детей вошли 49 учеников 3—5-х классов, во вторую — 62 школьника 7 — 9-х классов. Исследователей интересовали взгляды детей на происхождение мира, человека, на веру в бога, бессмертие души, отношение к церковным обрядам. При этом выяснилось, что 43 процента опрошенных стоят на безрелигиозных материалистических позициях, 34,3 — настроены религиозно, а 22,5 процента колеблются. Если последних по характеру их ответов распределить между верующими и неверующими, то соотношение первых и вторых будет 48,7 процента к 51,3 процента. Причем среди старшеклассников неверующие составили 73 процента, в то время как среди учеников младших классов их была всего четверть. В последнем случае сказывалось сильное влияние семьи. Старшие же ребята уже много лет находи-

[1] Предыдущие обзоры этого журнала см. в № 10 за 1978 г., в № 2 и № 7 за 1980 г.

лись под благотворным воздействием школы, детских и юношеских организаций.

Выявилось даже, что процесс секуляризации в среде девочек протекает более интенсивно, чем у мальчиков. 82 процента старшеклассниц не верят в бога, а среди мальчиков таких лишь 65 процентов. В то же время в младших классах верующие девочки составляли 79 процентов. Сказывается и социальное положение родителей. Так, дети рабочих — на две трети неверующие, а в крестьянских семьях соотношение обратное. Анализ использования свободного времени школьников показал, что спорту и встречам с друзьями верующие ученики предпочитают посещение церкви.

И хотя еще рано говорить о четких научно-атеистических взглядах детей, заключает автор, однако в целом процесс секуляризации на селе, даже в традиционно религиозных районах, развивается успешно. И это — немалая заслуга школы, формирующей у своих воспитанников научное мировоззрение.

Все это предъявляет высокие требования к педагогам. В статье Здены Катовой и Дарины Маньковой «Социологическое значение учета и анализа неясных мировоззренческих вопросов» (1980, № 1) говорится, что воспитатель должен знать уровень подготовки молодого человека, уметь отвечать на возникающие у него вопросы, в том числе мировоззренческого характера. Обычно они стереотипны и отражают различные ступени переход от религии к атеизму и соответственно к марксистско-ленинскому мировоззрению.

Авторы анализируют результаты социологического исследования, проведенного в 10 гимназиях и 6 средних профучилищах 13 городов восточной Словакии. Из 749 опрошенных гимназистов и учащихся профучилищ 1-го класса [2] 416 оказались неверующими, 96 верующими и 237 колеблющимися, а из 904 четырехклассников соответственно — 581, 94 и 229. При этом выяснилось, что даже у учащихся выпускных классов гимназий и профучилищ многие мировоззренческие вопросы остаются без ответа, причем число таких вопросов даже не сократилось по сравнению с первыми классами, что свидетельствует о серьезных недочетах в учебно-воспитательной работе.

Опрос показал, что, в то время как гимназисты получают ответы на вопросы о происхождении и сущности религии, об отношении социалистического государства к религии и церкви в процессе обучения и занятий в атеистических и прочих кружках, эти вопросы продолжают оставаться неясными для учащихся профучилищ. При этом наибольшие затруднения они испытывают, когда пытаются уяснить себе происхождение Вселенной, жизни, человека и другие проблемы естественнонаучного характера. Преподаватели же естественнонаучных дисциплин, особенно в профучилищах, уделяют недостаточно внимания формированию у молодежи научного мировоззрения.

Опросы показали, что даже неверующие гимназисты затрудняются отвечать на такие вопросы, как, например, несостоятельность доказательств бытия божьего либо историчность или мифичность Христа и т. д. С другой стороны, убежденные верующие среди учащихся почти не испытывали сомнений при ответе на подобные вопросы, а у некоторых из них они вообще не вызывали затруднений. Поэтому педагоги должны стремиться заронить семена сомнений в сознание таких учащихся, хотя известно, что в работе с верующими это одна из наиболее трудных задач.

Таким образом, всего больше невыясненных вопросов оказалось у колеблющихся (659 вопросов на 466 опрошенных) и у неверующих (1340 на 997 опрошенных). Все это свидетельствует и о несовершенстве стандартных социологических анкет, призванных установить отношение к религии, и о том, что существующая методика опроса не позволяет выявить степень атеистической подготовки и убежденности.

«Атеизмус» (1980, № 3) публикует статью «Атеизм в истории Чехословакии», заимствованную из «Словаря научного атеизма», подготовленного к печати братиславским издательством «Правда». В частности, в ней отмечается, что сегодня проблемы научного атеизма разрабатываются, например, в таких исследовательских центрах, как Институт научного атеизма Чехословацкой академии наук в г. Брно, Институт научного атеизма Словацкой академии наук, Институт марксизма-ленинизма ЦК КП Словакии, кафедра марксистско-ленинской философии и научного атеизма философского факультета Кошицкого университета имени П. Й. Шафарика в г. Прешове (кстати, первом вузе страны, где было введено преподавание научного атеизма). Они координируют свою работу с соответствующими институтами и кафедрами Советского Союза и других социалистических стран. Серьезное внимание в ЧССР уделяется и изданию литературы по проблемам научного атеизма, которые освещаются также на страницах партийных и специальных журналов.

Богумир Квасничка (1980, № 2) информирует о состоявшемся в конце 1979 года III коллоквиуме по проблемам научного атеизма, организованном Институтом научного атеизма Чехословацкой академии наук в Брно. В нем приняли участие сотрудники Института научного атеизма Словацкой академии наук, кафедры марксистско-ленинской философии и научного атеизма философского факультета Кошицкого университета имени П. Й. Шафарика в г. Прешове, отделения научного атеизма университета имени Я. А. Коменского в Братиславе и других вузов страны.

С основным докладом на тему «Актуальные проблемы дальнейшего развития теории научного атеизма» на коллоквиуме выступил директор Института научного атеизма Чехословацкой академии наук Иржи Лоукотка, а с содокладом «Место научного атеизма в духовной жизни развитого социалистического общества» — старший научный сотрудник Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС Р. А. Лопаткин.

Выступившие на их обсуждении Т. Галечка, Э. Караба, Ф. Кршенек, М. Жупка, Ф. Вашечка и другие чехословацкие ученые осветили различные стороны теории и методологии научного атеизма, проблемы атеистического воспитания молодежи, преподавания научного атеизма и организации научно-исследовательской работы на соответствующих кафедрах. Выступивший на коллоквиуме ответственный работник ЦК КПЧ Франтишек Цинолдр обра-

[2] Обычно гимназии и профучилища имеют четыре класса и принимают туда выпускников восьмилетних общеобразовательных школ.

тил внимание собравшихся на задачи, стоящие перед исследователями в области научного атеизма, на роль атеистического воспитания в процессе формирования человека социалистического общества.

Статьей Иржи Лоукотки «К вопросу о предмете и методе научного атеизма» (1980, № 2) «Атеизмус» открыл дискуссию на эту тему, в ходе которой намечено также рассмотреть место научного атеизма в духовной жизни развитого социалистического общества и его роль в современной идеологической борьбе. Автор исходит из того, что такое обсуждение как бы высветит ключевые теоретические и методологические проблемы общественных наук, решение которых будет в значительной мере способствовать их дальнейшему развитию.

Милослав Тржиска в статье «Критика современных клерикальных концепций войны» (1980, № 1) показывает несостоятельность некоторых реакционных теорий возникновения войн, согласно которым последние порождаются человеческим несовершенством, отходом от божьих заповедей. Буржуазные идеологи стремятся убедить верующих, что борьба за мир бессмысленна, ибо его судьбы предопределены всевышним. В то же время, выступая против революционных войн, христианские пацифисты отрицают право народов на защиту своей свободы и независимости. Только марксизм-ленинизм, подчеркивает автор, позволяет вскрыть подлинные причины возникновения войн и вооружает массы правильным пониманием задач борьбы за сохранение мира на земле.

В статье «О некоторых немарксистских социологических понятиях процесса секуляризации» (1980, № 2) Алеш Секот пишет, что в буржуазной социологии существуют представления, искажающие истинный характер этого явления. Он полемизирует с рядом современных английских и американских социологов, которые, исходя из незыблемости основ буржуазного общества, игнорируют социальные, классовые моменты, не рассматривают процесс секуляризации как постепенное преодоление религиозности, происходящее в результате взаимного влияния общественных условий и субъективных факторов.

Богумир Квасничка в статье «О характере и перспективах модернизации христианства» (1980, № 3) отмечает, что в условиях кризиса капиталистической системы, укрепления мира социализма, роста национально-освободительного движения и развертывания научно-технической революции христианство, особенно католичество, чтобы сохранить свое влияние, вынуждено модернизироваться. Это не только реакция на кризис во взаимоотношениях между религией и обществом, считает автор, но и явление само по себе кризисное. Однако модернизация не может изменить ни идеологию, ни социальную роль, ни реакционную сущность христианства.

«Атеизмус» регулярно обозревает атеистическую литературу, выходящую как в ЧССР, так и за рубежом, в частности работы советских авторов. Только в первых номерах прошлого года, например, журнал поместил рецензии на книги Л. Н. Великовича «Религия и церковь в США», В. И. Гараджи «Критика новых течений в протестантской теологии», Д. П. Цыганаш «Атеистическое воспитание: проблемы эффективности», на сборник «Религия и церковь в современную эпоху» и другие.

Торжество весны и труда

В Болгарии существует целая система традиционных народных праздников и обычаев. Они сопровождаются народными гуляньями, во время которых люди приобщаются к духовному наследию прошлого. Эти традиции помогали болгарам сохранить свою культуру в течение пяти веков османского ига. Сегодня они развиваются и обогащаются, становясь частью социалистического быта. Познакомим читателя с двумя из этих торжеств, кстати одними из самых распространенных, которые всегда приурочиваются к приходу весны.

«ТРИФОН ЗАРЕЗАН» — ПРАЗДНИК ВИНОГРАДАРЕЙ

С древних времен ведет свое начало праздник виноградарей — «Трифон Зарезан», который отмечается 14 февраля. Возникший еще в языческие времена, когда человек поклонялся силам природы, сегодня этот праздник — один из самых веселых и любимых на селе. Он олицетворяет собой пьянящую весеннюю мечту о счастье, надежды на лучшее будущее, пробуждение земли и человека от долгого зимнего сна.

...Рано утром вся деревня уже на ногах. Укладываются в наплечные мешки, сотканные из разноцветной грубой шерсти, слоеные пироги с брынзой — баницы, печеные цыплята. Баклажки наполняются вкусным домашним виноградным вином. Все, стар и млад, отправляются на лучший виноградник. Там самый опытный виноградарь обрежет самый плодоносящий куст винограда, польет его вином.

Начинается выбор «царя». Здесь нет ограничений — начиная от рядовых членов земледельческих кооперативов и кончая председателем агрокомплекса... Главное — как и чем ты помог получению лучшего урожая винограда, что сделал, чтобы облегчить труд людей. Для «царя» уже готова «корона» из лозы и цветов, перевитая красной шерстяной нитью.

Избранный таким образом «царь» поднимает заздравную чашу и произносит тост: «Пусть год будет счастливым и плодородным. С каждой ветки снять по одному чеберу (ушату) винограда, а с каждого куста — по бочонку. И пусть все мы будем живы-здоровы!» Затем поднимают свои баклажки «подданные».

Широко разливается народное гулянье. К концу празднества музыканты падают от усталости. Хороводы и танцы длятся до поздней ночи.

ДЕНЬ ЖИВОТНОВОДА — ГЕОРГИЕВ ДЕНЬ

Отмечается он 6 мая, тоже начиная с языческих времен. В этот день приносили жертву богам, чтобы те ниспослали плодородие и здоровье. Повсюду в песнях воздавали хвалу весне.

Сегодня накануне этого дня молодежь обходит все поля и рощи. Собирают цветы, срезают зеленые веточки — то, что цветет и зеленеет, чтобы утром село проснулось в зелени и цветах, — ими украшают калитки и крылечки всех домов. Из них же плетут венки для ягнят, которые в этот день пойдут на праздничный стол. Девушки в эту ночь подрезают листочки перунки, называя их именами юношей — тот из них, который вырастет побольше, укажет имя суженого. Хлеб накануне праздника замешивает молодая женщина или девушка. Тесто укрывается новым вышитым полотенцем и девичьим платьем — чтобы чаще ягнились овцы, а ягнята были женского пола.

Празднуется день животновода за общей трапезой прямо в поле. Каждая семья приходит с запеченным целиком ягненком, с калачами, с приготовленными накануне кислым молоком и брынзой. Каждая хозяйка старается угостить побольше людей, чтобы ее кулинарное искусство отметили по заслугам. А молодежь веселится у качелей, раскачивая друг друга так, что хочешь не хочешь признаешься, кто тебе по душе. Правда, все и так это знают, но надо вслух назвать имя. И не отпустят на землю, пока не признаешься. Веселье, песни, танцы, хороводы кончаются далеко за полночь.

Н. ПОЛЯНСКАЯ

Д. УГРИНОВИЧ,
доктор философских наук

МЕТАМОРФОЗЫ ПРОТЕСТАНТСКОГО МОДЕРНИЗМА

ИДЕЯ БОГА — стержень любого вероучения, его основное ядро. Отсюда — постоянные попытки теологов и религиозных философов обосновать ее «истинность», защитить ее от атеистической критики. Эти попытки особенно активны и многочисленны в современную эпоху, когда бурные социальные, научные и технические изменения в мире преобразуют не только условия жизни людей, но и привычные способы и приемы их мышления, ставя под вопрос устоявшиеся религиозные представления и понятия, в том числе и идею бога.

Теологи-модернисты понимают, что защищать идею бога с помощью старых, традиционных средств и аргументов сейчас — дело безнадежное. Поэтому они в последние годы создали немало концепций, которые претендуют на новую, нетрадиционную трактовку идеи бога, свободную якобы от прежних противоречий и вполне совместимую с современным научным мышлением. Как мы увидим, однако, модернизированные варианты идеи бога не только не устраняют присущих ей противоречий и нелепостей, но, напротив, усугубляют и обостряют их, демонстрируя весьма наглядно несовместимость этой идеи с современным научным взглядом на мир.

Бог: реальность или умозрительная конструкция?

Казалось бы, вопрос, поставленный в подзаголовке, может решаться теологами лишь однозначно. Христианская церковь и ее официальное богословие в течение многих сотен лет считали признание реального существования бога как трансцендентного (потустороннего), духовного и в то же время личного начала, сотворившего мир и управляющего им, чем-то само собой разумеющимся, исходной предпосылкой, альфой и омегой христианской веры. Заметим попутно, что, хотя богословы и разработали известные «доказательства» бытия бога, они никогда не считали их главным обоснованием религиозной веры. Последняя должна быть основана на божественном откровении — вот что, с точки зрения официальной теологии, удостоверяет бытие бога.

Но времена меняются. Ныне под натиском рационализма и атеизма происходит прогрессирующий процесс размывания традиционных устоев христианства. Это проявляется и в модернистских построениях отдельных протестантских теологов, пытающихся подойти к трактовке идеи бога с новых позиций. К таким теологам относится и Гордон Кауфман — профессор теологического факультета Гарвардского университета. Этот факультет ныне стал одним из главных центров протестантского модернизма в США. В книге «Очерк теологического метода» (1979 г.) он пытается развить новое понимание основных теологических понятий, в том числе такого, как «бог».

Кауфман полагает, что идет по пути радикального обновления основных задач богословия, принципиально новой интерпретации этого понятия. «Теология не может больше рассматривать себя как некую картину или карту, которая показывает, какова существующая действительность, то есть излагать старую схему соотношения бога, человечества и мира, — пишет он. — Скорее, теология должна рассматривать свою деятельность как некое подобие строительства дома: используя опытные материалы, она фактически конструирует мир, проект которого нельзя найти в материалах самих по себе».

«Мир» и «бог», по его мнению, — не непосредственно описываемые объекты, а конструкции или образы, посредством которых люди постигают многообразие эмпирического опыта, выявляя в нем единство, порядок и целостность (понятие или образ мира), а также цель, смысл и значение их собственной жизни (понятие или образ бога). Кауфман считает, что благодаря этим конструкциям человек может осмысленно жить и действовать в окружающем мире. Поэтому, хотя подобные идеи и не отражают реальность, значение их для человеческой жизни чрезвычайно велико.

Этот американский теолог признает, что идея бога не столь неизбежна и необходима для человека, как идея мира. Первая из них, по Кауфману, возникла в иудаизме и христианстве как внешнее по отношению к миру творческое начало по аналогии с творческой деятельностью самого человека, который создавал в процессе труда новые формы бытия, новые вещи. Поэтому-де не удивительно, что идея бога в течение длительного времени выступала в антропоморфной и «объективированной» форме. Таким образом, хотя по видимости теология и считала своей задачей описание для нее одинаково реально существующих объектов — бога и мира в их специфическом взаимоотношении, на самом же деле, полагает гарвардский богослов, она всегда конструировала, создавала свои понятия, исходя из окружающего опыта. Понятия бога и мира, рассуждает далее Кауфман, были сконструированы в системе иудейско-христианской традиции для того, чтобы жить и действовать, опираясь на них, ибо они дают смысл человеческой жизни. Однако это не исключает того, что в системе иных культурных традиций для указанных целей могут использоваться другие понятия. Важно только, чтобы они способствовали решению главной задачи: придавали смысл человеческим действиям, определяли цель и назначение жизни.

На основании всех этих рассуждений Кауфман делает общий вывод: теологи должны осознать, что все их понятия, в том числе «бог», — «конструктивные и имажинативные»[1] и, следовательно, задача теологии состоит не в том, чтобы правильно отражать объективные качества бога и его соотношение с миром, а в том, чтобы конструировать это понятие наиболее удачно, исходя из практических целей и потребностей человека.

Описанная концепция глубоко противоречива как по содержанию, так и по объективному социальному значению. Если понятие «бог» не отражает объективно существующее потустороннее начало, а лишь «воображается» и «конструируется» людьми для практических целей, прежде всего для осмысления жизни, то неизбежно встает вопрос: а нужно ли это понятие современному человеку? Косвенный ответ на него дает сам Кауфман, признавая, что в системе определенных культурных традиций люди могут использовать для осмысления жизни и иные понятия и идеи. Вполне логично предположить, что если в прошлом они делали это с помощью понятия «бог», то ныне, в эпоху ломки старых представлений и переоценки прежних ценностей, люди смогут постичь смысл своей жизни, используя иные, нерелигиозные понятия.

Таким образом, модернистские упражнения американского теолога, независимо от его собственных намерений, подрывают тот фундамент, на котором держится все здание христианства. Ведь верующий молится богу лишь тогда, когда убежден в реальном его существовании; больше того — если он верит не только в «бога-творца», но и в «бога-промыслителя», который способен избавить молящегося от горестей и страданий в реальном мире и уготовить ему райское блаженство на том свете. Если бог есть лишь созданное людьми для осмысления их жизни понятие, то можно ли такому богу молиться? Вряд ли. Значит, рушится вся система христианского культа, который составляет очень важный элемент повседневной религиозной жизни.

Модернистские идеи Г. Кауфмана в этом смысле разделяют судьбу всего радикального теологического модернизма. Рассчитанный на подновление и улучшение идеологического арсенала религии, модернизм в его крайних проявлениях выходит за рамки, которые обязательны для теологии, если она хочет оставаться основой религиозной практики и деятельности. И хотя модернисты такого рода и пользуются определенной, как правило кратковременной, популярностью в околоцерковной и богословской среде, однако они встречают весьма настороженное, а нередко и враждебное отношение со стороны клира и церковной иерархии.

В то же время было бы неправильно считать, что теологический модернизм, даже в его радикальных формах, не оказывает вообще никакого влияния на верующих и конфессиональные организации. Многие идеи и концепции модернистов используются (чаще всего в модифицированном виде) различными проповедниками и массовой церковной литературой и периодикой. Все это, с одной стороны, создает иллюзию, будто церковь шагает в ногу с жизнью, отказываясь от явно архаичных и устаревших концепций, а с другой — выявляет острые противоречия христианства, способствуя их открытому обсуждению.

---

[1] «Имажинативные» — представляющие собой плод воображения.

Какого пола христианский бог!

Прочитав этот подзаголовок, читатель, знакомый с христианской теологией, может пожать плечами. Разве применимы характеристики пола к божеству, которое, например, в дореволюционном православии определялось как «дух вечный, всеблагий, всеведущий, всеправедный, всемогущий, вездесущий, неизменяемый, вседовольный и всеблаженный»? И тем не менее такой вопрос отнюдь не лишен смысла, если учесть, что все образы и понятия, с помощью которых традиционно обозначался бог, были так или иначе связаны с существом мужского пола.

Вспомним, к примеру, ипостаси так называемой «святой троицы». Здесь фигурировали, как известно, бог-отец, бог-сын и бог — дух святой. Только по отношению к третьему лицу троицы, так называемому «святому духу», можно сказать, что его пол остается не вполне ясным. Что же до первых двух ее персонажей, то их мужские характеристики вполне очевидны. Общеупотребительное обращение к богу — «господь» — также не вызывает сомнений в этом смысле. В течение многих столетий верующие пользовались такими понятиями и образами (кстати, бог-отец и Иисус Христос всегда изображались на иконах в виде мужчин), не задумываясь над тем, возможны ли какие-либо иные символы для их обозначения.

В последние годы, однако, протестантские теологи оживленно обсуждают и эту проблему. Еще в конце 60-х — начале 70-х годов на страницах американских теологических журналов выступили несколько женщин с требованиями пересмотреть традиционные христианские понятия и образы, ибо они, по мнению этих авторов, возникли в эпоху господства мужчин над женщинами и призваны были освящать и закреплять его. Профессор теологии Бостонского колледжа Мэри Дэйли, например, писала, что современное феминистское движение против «сексизма»[2], за женское равноправие, требует также и пересмотра системы традиционных ценностей и символов, сложившихся в эпоху господства мужчин. По ее мнению, образы и понятия бога-отца и бога-сына сформировались в эпоху патриархата и поэтому нуждаются сейчас в коренной ревизии. Сама М. Дэйли выступает при этом за отказ от грубого антропоморфизма в изображении и обозначении бога. Ей представляется, что определение бога известным протестантским богословом П. Тиллихом как «глубины и основания всякого бытия» преодолевает подобное одностороннее традиционно-патриархальное толкование.

Эта женщина-богослов идет настолько далеко в своей ревизии основных понятий и принципов теологии, что пытается переосмыслить и образ Иисуса Христа, требуя пересмотра традиционных формулировок, подчеркивающих единство его божественной и человеческой природы. Общий смысл ее высказываний на сей счет — кстати, довольно путаных — сводится к тому, что Христос на земле был прежде всего человеком, а не богом. Поэтому, мол, к историческому Иисусу вполне применимы характеристики и определения мужчины. Однако они неприменимы к потустороннему второму лицу троицы.

Между прочим, проблема обозначения бога, затронутая в приведенных высказываниях, ныне вышла в ряде капиталистических стран за рамки отвлеченных дискуссий на страницах теологической печати. В 1979 году, например, некоторые делегаты конференции епископальной церкви США потребовали изменить все традиционные молитвы, в которых бог именуется «отцом», то есть существом мужского пола. Хотя это предложение и не было принято, тем не менее сама его постановка весьма симптоматична.

С нашей точки зрения, подобные дискуссии еще раз подтверждают справедливость тезиса о социальной обусловленности содержания религии, в том числе и всех ее основных идей, образов и понятий. Понятие бога неизбежно содержит в себе отпечаток той исторической эпохи, когда оно возникло. Атеисты знали это давно. Ныне это вынуждены признать и некоторые богословы. Что же, примем это к сведению.

Бог, мир, человек

Одной из самых трудных и каверзных для теологов проблем было издавна соотношение бога, мира и человека. Официальное христианское богословие еще в эпоху «отцов церкви» утвердило постулат трансцендентности, то есть потусторонности бога, который якобы пребывает по ту сторону всего реального, воспринимаемого нашими чувствами, представляя собой вечную, всесовершенную духовную сущность, сотворившую мир.

Издавна теологи противопоставляли бога миру и человеку. Бог вечен, мир же — преходящ и изменчив, бог совершенен и всесилен, человек — греховен и слаб и т. д. и т. п. Бог, таким образом, противостоял миру и человеку как в корне отличная и превосходящая их сущность. Однако христианская теология не могла последовательно соблюдать принцип дуализма бога и мира, ибо в таком случае ей бы не удалось избежать вывода, что между богом и человеком существует непреодолимая пропасть. А это уже противоречило бы основополагающему христианскому догмату о спасении человека, о возможности его приобщения к божественной благодати. Поэтому христианская теология издавна пыталась преодолеть указанный дуализм — прежде всего путем ссылок на учение о Христе, который якобы воплощал в себе и божественную и человеческую природу.

Для преодоления такого дуализма современный протестантский модернизм применяет несколько основных приемов. Наиболее распространенные из них это, во-первых, широко пропагандируемая ныне в США «теология процесса», которая претендует на принципиально новое понимание бога, и, во-вторых, трактовка бога популярным протестантским теологом П. Тиллихом, оказавшим значительное влияние на современное христианское богословие.

«Теология процесса» пытается опереться на концепции известного американского философа-идеалиста А. Уайтхэда, переводя их на богословский язык. Наиболее известные представители этого направления — Ч. Хартшорн и Дж. Коббс. Первый из них в книге «Логика совершенства» (1973 г.) выдвигает теорию, суть которой сводится к тому, что бога нельзя считать чем-то статичным, постоянным, раз и навсегда данным. Хартшорн критикует традиционные представления о нем как «о чистой действительности», в которой реализованы все возможности, утверждая, что от статичного бога нет реального мостика к постоянно движущемуся и меняющемуся миру. С точки зрения этого богослова, бог — динамическая, а не статическая сила, возможности которой якобы постепенно реализуются в развитии самого мира, причем бог выступает здесь как главное творческое начало.

Хартшорн, таким образом, делает шаг в сторону идеалистического пантеизма, сближая бога и мир и представляя их развитие как целостный процесс, определяемый божественным творческим началом. В этой связи невольно напрашивается сравнение с известной концепцией католического философа Тейяра де Шардена, также пытавшегося включить бога в эволюцию Вселенной в качестве источника и конечной цели всех изменений в мире.

Создавая известную видимость преодоления дуализма бога и мира, «теология процесса» в то же время не способна всерьез обосновать истинность своих постулатов. Камнем преткновения при этом остается невозможность доказать присутствие «божественного творческого начала» в материальных процессах. Наука, как известно, не приемлет никаких ссылок на присутствие в них бога, не подкрепленных экспериментальными или теоретическими доказательствами. А последние по вполне понятным причинам отсутствуют. В результате рушится весь хитроумно сооруженный теологами карточный домик и им приходится уповать только на слепую веру, а не на доводы разума.

Если в центре внимания «теологии процесса» находится вопрос соотношения бога и мира, то богословская система П. Тиллиха сосредоточивается на проблеме соотношения бога и человека. Заявляя, что подлинное решение «экзистенциальных» проблем (то есть смерти, вины, смысла жизни) может предложить только христианство, он пытается преодолеть дуализм бога и человека, постулируя их неразрывную связь и внутреннюю сопричастность и определяя религию как «высший интерес».

Многие комментаторы этого теолога отмечают, что данное им определение религии как «высшего интереса» может быть истолковано двояко: и как характеристика психологической установки верующего, и как характеристика самого объекта веры, то есть бога. Во всяком случае, Тиллих в книге «Динамика веры» заявил о том, что его определение включает в себя обе эти интерпретации. «Высшее акта веры и высшее, которое подразумевается в акте веры, — это одно и то же», — писал он. По его мнению, такое понимание избавляет от традиционного противопоставления объекта веры ее субъекту. Бога, по Тиллиху, следует трактовать не как внешний по отношению к человеку объект, а как «глубину и основание его собственного бытия». И в этом смысле бог имманентен человеку, хотя и бесконечно превосходит его. Бог — не один из объектов, который мы должны

[2] «Сексизмом» на Западе называют господство одного пола над другим.

познать, а «бытие, к которому мы сопричастны самим фактом своего существования». При этом богослов полагает, что преодолел односторонность как натурализма, так и супранатурализма и выработал некую третью концепцию.

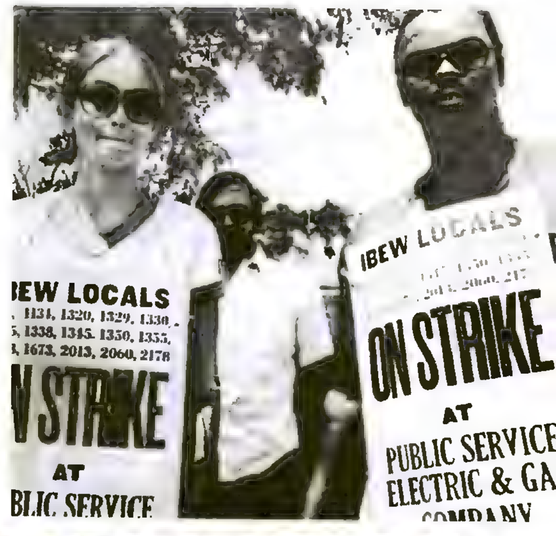
Вряд ли, однако, можно согласиться с такими претензиями. Идеалистическая «антропологизация» идеи бога, характерная для теологии Тиллиха (как, впрочем, и для некоторых других протестантских богословов, испытавших влияние экзистенциализма, например Р. Бультмана), нисколько не выводит его за рамки «супранатурализма», то есть веры в сверхъестественное. Однако его «супранатурализм» нечеток и непоследователен, так как включает в себя элементы и субъективизма и пантеизма. Концепция Тиллиха широко используется ныне теологами и другими религиозными идеологами, поскольку позволяет уйти от четкого ответа на вопрос об объективном бытии бога и подчеркивает мнимо извечную «божественную природу» человека.

Как видим, попытки протестантских богословов коренным образом обновить и осовременить традиционное христианское учение о боге не только не решают стоящие перед церковью проблемы, но и создают для нее новые трудности и опасности. Если эти модернисты заходят слишком далеко в своем пересмотре традиционных богословских представлений, то тем самым они объективно подрывают основы христианского вероучения, а если ограничиваются отдельными «поправками» к ортодоксальной догматике, то такие частные поправки не меняют существа религиозных идей, которые были и остаются несовместимыми с научным мировоззрением.

В США заметно активизируются ультраправые силы. Пользуясь попустительством властей, расисты из ку-клукс-клана устраивают шабаши, терроризируют негров и представителей других национальных меньшинств.

Упорной забастовочной борьбой отметили прошлое лето трудящиеся Соединенных Штатов. В условиях углубляющегося экономического спада, приведшего к массовым увольнениям, рабочий класс Америки решительно требует обеспечения занятости, проведения экономической и социальной политики в интересах народа, а не монополий. На снимке: пикет бастующих электриков в городе Гамильтоне (штат Нью-Джерси). Фото ЮПИ — ТАСС.

Н. КАРАМЫШЕВА

В ТИСКАХ ХАНЖЕСТВА и ЛИЦЕМЕРИЯ

Люди, побывавшие в США, как правило, замечают, что образ жизни там во многом характеризуется религиозным конформизмом[1]. Многоконфессиональность — изобилие различных религиозных направлений — весьма типичное явление для Америки. Не случайно, по-видимому, К. Маркс писал, что в этой стране «религиозное сознание блаженствует, утопая в богатстве религиозных противоположностей и религиозного многообразия»[2].

Эта особенность американского образа жизни, прозорливо подмеченная основоположником научного коммунизма в прошлом веке, сегодня еще более бросается в глаза. Ныне в США существует множество различных церквей и сект (по данным американской печати — около трех тысяч). При этом больше половины верующих — протестанты, почти треть — католики и, наконец,— самая крупная в мире иудаистская община. Такое разнообразие исторически обусловлено тем, что в прошлом веке и начале нынешнего большой поток иммигрантов из всех стран мира принес с собой самые разнообразные верования. Не случайно поэтому религиозный плюрализм стал характерной чертой американского образа жизни. По сравнению с рядом европейских государств, например с Францией, где довольно сильны антиклерикальные традиции, в США, несмотря на относительную молодость американского государства, таких традиций практически нет совсем, что также отчасти обусловило свойственный американскому обществу религиозный конформизм. Это создает там специфический общественный климат, к которому все люди должны приспосабливаться, и накладывает особый отпечаток на их образ жизни.

Не случайно и то обстоятельство, что «сектантский бум», переживаемый ныне Соединенными Штатами, да и другими развитыми странами Запада, по времени совпал с обострением экономического, энергетического, экологического, идеологического, морального кризиса и других проявлений общего кризиса капитализма. Не случайно и то, что многоконфессиональность в США сочетается с культом бизнеса и денег.

При определении понятия «американский образ жизни», который стал синонимом буржуазного образа жизни, в первую очередь следует иметь в виду его классовую природу, характеризующуюся неразрешимыми социальными антагонизмами. В условиях одного и того же общественного строя разные классы и прослойки ведут различный образ жизни. Однако в антагонистических формациях господствующий класс всегда стремится привить всем социальным слоям свои взгляды; в современном буржуазном обществе, в том числе и в США, господствуют идеи и ценности, угодные монополистическому капиталу.

В последнее время буржуазная идеология и средства массовой информации особенно много внимания уделяют проблеме образа жизни, неотъемлемым компонентом которого в их толковании выступает религиозность.

Понятие «образ жизни» включает в себя уровень материального благосостояния, общественно-политической активности людей, условия их жизнедеятельности, социальное и духовное развитие и т. д. «...Способ производства, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», — надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени, это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный **образ жизни.** Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, **что** они производят, так и с тем, **как** они производят»[3].

Этот вывод основоположников научного коммунизма стал методологической базой для выработки марксистского определения «образа жизни». Академик П. Н. Федосеев рассматривает его как «свойственный определенному об-

---

[1] Конформизм — приспособленчество, пассивное следование существующему порядку вещей, господствующим мнениям, традициям, авторитетам, в том числе религиозным.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 397.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 19.

ществу, классу, социальной группе комплекс форм жизнедеятельности, способ удовлетворения и развития индивидами в условиях данной общественно-экономической формации своих материальных и духовных потребностей, характер общения и ценностной ориентации личности...».

Если количественная сторона образа жизни больше характеризует его уровень, то качественная определяет такие его черты, которые трудно поддаются измерению: удовлетворенность трудом и досугом, качество питания, одежды, жилья, потребность личности в творчестве, знаниях, общении и т. д. Эти две характеристики невозможно искусственно отделить друг от друга, как это делается в буржуазных концепциях «общества потребления» и «качества жизни».

Концепция «общества потребления» стала формироваться на Западе, в первую очередь в США, в 20—30-е годы, но окончательно сложилась в 50—60-е годы. В основе ее лежала потребительская модель образа жизни, принцип удовлетворения материальных потребностей в ущерб духовным. В эти же годы в социологической литературе США утверждался и термин «американский образ жизни», возведенный в ранг некоего образца для подражания, своего рода воплощения богатства и роскоши в сфере материального потребления.

Действительно, научно-техническая революция, а также борьба трудящихся за свои жизненные права способствовали увеличению производства товаров длительного пользования, некоторому улучшению жизни большинства американцев. С НТР в США совпал и так называемый «религиозный (в основном сектантский) бум». Все эти факторы стали неотъемлемыми чертами «общества потребления».

70-е годы развеяли миф о якобы бескризисном развитии экономики США. «Теперь все видят: опровергнут один из главных мифов, созданных реформистами и буржуазными идеологами, — миф о том, будто капитализм наших дней способен избавиться от кризисов, — подчеркивалось на XXV съезде КПСС. — Нестабильность капитализма становится все более очевидной. Обещания «оздоровить» капитализм и создать в его рамках «общество всеобщего благоденствия» потерпели очевидный провал»[4]. В этих условиях буржуазные идеологи вынуждены были отказаться от восхваления «общества потребления» с его потребительскими установками и сосредоточить внимание на иных проблемах. В результате на смену концепциям «общества потребления» и «общества всеобщего благоденствия» приходит концепция «качества жизни», которое буржуазные идеологи пытаются противопоставить ее уровню, уйти в сторону от экономических проблем. Объективно это была реакция на то, что концепция «общества потребления» пришла в противоречие с действительностью.

Выделяя в образе жизни качественную сторону, духовные защитники буржуазного мира стремятся в выгодном свете представить капитализм, выпячивая такие его черты, как удовлетворение отдельными слоями материальных потребностей, создание индустрии досуга и развлечений, насыщение быта техникой, всевозможными видами услуг и т. д. В то же время замалчиваются проблемы труда, образования, здравоохранения, обеспеченности жильем, неразрешимые в условиях классово-антагонистического общества. Так упор на «качественную» сторону образа жизни на деле оборачивается фальсификацией реальной картины современного капитализма.

В противовес ограниченности буржуазной социологической мысли классики марксизма-ленинизма рассматривают общественные явления и образ жизни людей в той или иной общественно-экономической формации конкретно-исторически, а количественную и качественную стороны жизни — в неразрывном диалектическом единстве.

Акцентируя внимание на ее количественной стороне, то есть на удовлетворении материальных потребностей, «общество массового потребления» обедняет внутренний мир человека, стимулирует бездуховность. Заполняя этот вакуум, религия в свою очередь способствует укреплению буржуазного образа жизни, духовному порабощению трудящихся.

Подменяя концепцию «общества потребления» концепцией «качества жизни», буржуазные идеологи, по существу, представляют дело так, будто вопросы материального благосостояния уже решены и на повестку дня выдвигаются проблемы духовного, морального порядка. Но задача этой «новой» социологической концепции осталась прежней — укрепить веру в «американский образ жизни» как наиболее передовой в мире. На самом же деле «общество массового потребления» попросту поизносилось и нуждается в обновлении гардероба. И как актуально звучат ныне ленинские слова о том, что «мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась»[5].

Несомненна при этом и связь религии с «американским образом жизни». И хотя церкви в США формально отделены от государства, они оказывают большое влияние на все стороны жизни американцев — как в бизнесе и политике, так и в быту.

Как известно, жажда наживы и погоня за прибылью органически вытекают из буржуазной морали. Известный западный идеолог Д. Белл, например, в своей книге «Культурные противоречия капитализма» (1976 г.) приходит к выводу, что кризис традиционных американских духовных ценностей начался с роста крупной промышленности и больших городов, что протестантская мораль как неотъемлемая черта образа жизни так называемого «среднего класса» сменилась в 20-е годы потребительством и гедонизмом. Вывод этого автора: возврат к той или иной форме религии при буржуазном образе жизни — неизбежен.

Пришедшая на смену концепции «общества массового потребления» концепция «качества жизни» также проникнута религиозным духом. Указывая, например, на субъективизм понятий «качество жизни», «хорошая жизнь», профессор права Корнельского университета В. Данхаузер подчеркивает такой их существенный момент, как раздумья о любви, боге и смерти. И снова тот же вывод: хорошее качество жизни непременно должно быть связано с религией.

Вплетая ее в свои социально-политические концепции, господствующие классы США пытаются таким путем создать новый канал влияния на сознание «маленьких людей». В пропаганде американского образа жизни широко распространяются штампы, согласно которым мерило успеха — не сам человек с его способностями, деловыми и моральными качествами, а то, «сколько он стоит», его принадлежность к какой-либо религии.

Орган деловых кругов США журнал «Форчун», например, опубликовал в 1976 году серию статей «Как они достигли вершины». В них рассказывается о том, как руководители отдельных корпораций прошли «путь наверх», и восхваляются качества бизнесменов — умение приспособиться к конъюнктуре, набожность, связь с церковью и т. п. При этом проводится мысль, что подлинный деловой успех немыслим без признания и почитания религии.

Впрочем, в капиталистическом мире не только бизнес освящается церковью, но и сама она становится одной из крупнейших монополий. В ее руках сосредоточены огромные богатства. Стоимость имущества различных конфессиональных организаций в США ныне оценивается примерно в 100 миллиардов долларов. К этому надо добавить, что в большинстве буржуазных стран они освобождены от уплаты подоходного налога, который весьма высок.

В США формально государство не связано с церковью, но на деле такая связь прослеживается на каждом шагу. Государственные деятели, конгрессмены, сенаторы, законодатели, бизнесмены стремятся всячески подчеркнуть свою, пусть даже показную, религиозность. А на них равняется буржуазное общественное мнение, и таким образом конформизм насаждается во всей стране.

В подобных условиях свобода совести ограничивается свободой выбора религии. К. Маркс указывал на узость такого понимания и подчеркивал, что в буржуазном обществе свобода совести сводится к терпимости ко всем видам религии[6]. Буржуазия не в состоянии подняться до того, чтобы предоставить право не исповедовать никакой религии, то есть быть атеистом. В большинстве капиталистических государств практически не может быть и речи о праве вести атеистическую пропаганду.

Конституция США, например, провозглашает свободу совести и вероисповедания. На деле же атеисты не могут занимать здесь какие-либо должности в государственных учреждениях, свидетельствовать в суде и т. д. За атеистическую пропаганду человека могут привлечь к суду или подвергнуть штрафу. В деловых кругах также требуется хотя бы показная принадлежность человека к той или иной церкви, в противном случае он автоматически выталкивается из мира бизнеса, так как собственность по американским нормам — институт священный и тот, кто не верит в бога, не достоин занять место в де-

---

[4] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 28.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 269.
[6] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 30.

ловом мире. Даже на долларе — символе экономического преуспевания — красуется девиз: «В бога мы веруем».

Пропаганда религии и борьба против атеизма в буржуазном государстве возводится в ранг политики. Все президенты США во всеуслышание объявляют, что они — верующие. Д. Эйзенхауэр, например, заявлял, что без веры в бога не может существовать ни американская форма правления, ни американский образ жизни. А в книге Д. Тая «Кто управляет Америкой» (1979 г.) о президенте Дж. Картере говорится, что он «олицетворил» в себе традиционные американские ценности — скромные начинания, упорную работу, успех в бизнесе и политике, глубокие корни в земле, семье, обществе — и провозгласил христианскую мораль и ее принципы. Непонятно только, как эта «христианская мораль» согласуется, например, с американской политикой в Иране, на Ближнем Востоке, с кровавыми событиями в Майами и т. п.

Религиозность накладывает отпечаток и на политические акции государственных органов США. Достаточно сказать, что все заседания конгресса начинаются и заканчиваются молитвами. Не обходятся без религиозных церемоний и ссылок на бога также крупные официальные мероприятия и общественные кампании. Таким образом, с одной стороны, буржуазная политическая система объективно заинтересована в поддержке и распространении религии, в усилении ее влияния, а та в свою очередь способствует закреплению буржуазного образа жизни, «освящает» политические акты, направленные в конечном счете на усиление эксплуатации трудящихся и на увеличение прибылей монополистического капитала.

В США религиозность буквально насаждается средствами массовой информации. На религиозные передачи по коммерческому телевидению и радиовещанию тут в 1978 году, например, было истрачено 500 миллионов долларов — в 5 раз больше, чем в 1972 году. 25 теле- и 1200 радиостанций передают только такие программы. Ультрасовременные технические средства помогают воздействовать на сознание и того рядового американца, который в последнее время стал реже посещать церковь: она теперь сама приходит к нему в дом.

На почве разочарования в традиционных, в том числе и церковных, буржуазных духовных ценностях в США резко возросло количество различных сект. Они зачастую сознательно изолируются от окружающей действительности, уходят в мир причудливых несбыточных фантазий, экзотики, иногда восточной, и с помощью различных ухищрений пытаются создать у своих последователей иллюзорное субъективное состояние удовлетворенности. Однако, несмотря на кажущуюся замкнутость и аскетизм, такие общины весьма активны, создают свои филиалы во многих капиталистических странах, в особенности в Западной Европе.

Таким образом, протест людей против загнивающих производственных отношений, основанных на эксплуатации человека монополиями, религия стремится направить не в антиимпериалистическое, а в идеологически и политически безопасное для буржуазного общества мистическое русло.

Но ни новомодный сектантский «бум», ни традиционный религиозный конформизм не в состоянии решить проблему улучшения «качества жизни». Только с 1972 по 1978 год реальный жизненный уровень трудящихся в США упал на 4,5 процента. Усилилась поляризация богатых и малоимущих слоев населения. Доходы обладателей крупных состояний выросли, тогда как 25 миллионов человек, или 11,8 процента населения страны, существуют на средства ниже официального уровня бедности.

Институт социальных исследований США на основе опросов общественного мнения выявил любопытный факт. Оказывается, число людей, которые считают, что жизнь там становится хуже (36 процентов), вдвое больше тех, кто убежден в обратном. Причем среди жизненных аспектов, по поводу которых опрошенные высказались отрицательно, назывались такие, как мораль, духовные ценности, потребление наркотиков, преступность, хиппизм, инфляция, рост цен и налогов, расизм, загрязнение окружающей среды...

И действительно, если лет 12 назад в Соединенных Штатах ежегодно совершалось примерно 3 миллиона серьезных преступлений (убийства, изнасилования, вооруженные ограбления и др.), то теперь — свыше 10 миллионов. Сами преступники чаще всего действуют в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Все это никак не согласуется с духом благочестия, смирения и терпимости, проповедуемым церквами, к которым принадлежат правонарушители. И хотя американский «истэблишмент» веками культивирует в народе религиозный конформизм, это не спасло конфессиональные организации в США, как и в других странах капитализма, от упадка, разложения, кризиса, который выражается в отказе священников от сана, в духовной нищете и бесчеловечности всего общества[1].

Стремление буржуазных апологетов увековечить религиозный конформизм как неотъемлемую сторону американского образа жизни встречает отпор и со стороны рабочего класса, и со стороны марксистско-ленинской партии, и со стороны прогрессивно настроенной интеллигенции. Компартия США идет в авангарде борьбы за действительное улучшение жизни трудящихся. Она остро реагирует на проблемы современной Америки, выступает против нищеты, расизма, кризиса городов, роста налогов, упадка образования, загрязнения окружающей среды и т. п. Искоренение этих язв коммунисты связывают с борьбой за революционное переустройство общества на социалистических началах.

Пронизывая все сферы общества капитализма — идеологию, политику, право, мораль, труд, быт, досуг и т. д., религия накладывает явственный отпечаток на «американский образ жизни». С одной стороны, господствующие классы здесь всячески поддерживают и распространяют ее влияние на трудящихся, а с другой — она сама способствует консервации буржуазного образа жизни и тем самым выполняет апологетическую, защитительную функцию. Однако нестабильность капитализма, дальнейшее углубление его общего кризиса, — который, как отмечалось на XXV съезде КПСС, теперь стал не только экономическим, социальным и политическим, но и духовным, — все это указывает на приближение неминуемого краха эксплуататорского общества. Точно так же неминуемо обречены на провал и попытки идеологов Запада подлатать надстройку этого разлагающегося строя с помощью разного рода социальных мифов, видное место среди которых все еще продолжают занимать «американский образ жизни» и новомодный вариант последнего, проповедуемый в современных буржуазных концепциях «качества жизни».

---

[1] См.: В. Гараджа. Один из симптомов кризиса. «Наука и религия», 1979, № 5.

НОВЫЕ ТАЙНЫ ПАПСКОГО ДВОРА

«Не могу утверждать, что папы Иоанн XXIII и Павел VI работали на американские тайные службы. Но с уверенностью можно сказать, что в отношениях между Ватиканом и США много неясного», — заявил Марк Винярски, заведующий вашингтонским отделом еженедельника американских левых католиков «Нэшнл католик рипортер».

Он привел пример, который поставил в неудобное положение государственный департамент и Белый дом. Ссылаясь на закон, который позволяет гражданам США знакомиться с несекретными документами, разглашение которых не может нанести ущерб национальной безопасности, журналист потребовал предъявить ему переписку между папами и президентами США в 1957—1977 годах. Через восемь месяцев после его запроса ФБР и ЦРУ заявили, что эти материалы следует считать сугубо засекреченными, так как они затрагивают вопросы «обороны Соединенных Штатов и их внешней политики».

Несколько специалистов-международников, к которым после этого Винярски обратился за разъяснением, пришли к выводу, что за этой перепиской скрываются те деликатные и до сих пор неизвестные аспекты внешней политики США, когда Ватикан играл роль тайного посредника Вашингтона.

«Эти документы могли бы пролить свет на многое, — считает Винярски: — от возможностей ЦРУ и ФБР устанавливать подслушивающую аппаратуру в папском дворце или в дипломатическом представительстве Ватикана в США до разоблачения сотрудничества самых высокопоставленных прелатов римской курии с американскими спецслужбами».

Министерство юстиции США также ответило отрицательно на требование католического еженедельника, подтвердив, что существуют «причины для сдержанности в данном вопросе», из-за которых его запрос не может быть удовлетворен. Винярски пригрозил обратиться в суд — и только тогда ФБР сообщило, что предоставит ему не сами документы, а только их список — да и то лишь через два-три месяца. «К тому времени, — заметил журналист, — они изымут все компрометирующие подробности».

НЕ ТАК ДАВНО директор выходящего в Париже на французском языке так называемого «межконфессионального ежемесячника церквей молчания» под многозначительным названием «Катакомб» С. Гроссу вознегодовал на автора этих строк за то, что он «напал на страницах официального органа советского атеизма «Наука и религия» на журнал «Катакомб» и его директора» (1979, № 94—95). Но было ли это «нападение» чем-то неспровоцированным — так сказать, с одной стороны, злодей-налетчик, а с другой — невинная жертва? За что же все-таки Гроссу и его детище подверглись «атаке окаянных безбожников»? Читатели и почитатели означенного господина получили бы об этом представление, если бы их ознакомили с материалами советского журнала, в которых содержатся соответствующие «выпады».

Но не тут-то было: С. Гроссу предусмотрительно избрал другой путь. Он перепечатал из молдавской республиканской газеты «Молдова сочиалистэ» (24 марта 1979 г.) мою статью, в которой «Катакомб», его издатель и прочие авторы даже не упоминаются. Зачем, спросим себя попутно, ему это вообще понадобилось? Тем более, что такое наблюдается не впервые: в разное время ежемесячник воспроизвел, например, напечатанную в «Известиях» 30 января 1976 года статью В. А. Куроедова, а также опубликованные в «Науке и религии» (1973, № 3; 1977, № 4) статьи профессора М. Новикова и Г. Гальперина.

Представляется, что причин тут несколько. Во-первых, «Катакомб» преподносит эти публикации не в «натуральном виде», а обычно добавляет к ним «нужные разъяснения» и заодно предостережения: они, дескать, лживы, тенденциозны, несуразны. Во-вторых, издателям и авторам «Катакомб» прекрасно известно: потребители их продукции, как правило, обладают стойким иммунитетом против любых доводов разума, а посему богомерзким атеистам все равно не поверят. В-третьих, если временами бесцеремонно включать в свой авторский актив собственных же противников, то появится возможность симулировать объективность и беспристрастность, а это профессиональным дезинформаторам нужно, что называется, позарез.

Итак, сам Гроссу не пожелал вдаваться в подробности, почему он «пострадал», выдвинуты ли против его журнала аргументированные обвинения, или же он стал объектом голословных наветов. А раз так, то труд, который директор ежемесячника счел обременительным, нам придется взять на себя.

Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» среди коварных методов буржуазной пропаганды, подлежащих разоблачению в ясной, конкретной и убедительной форме, выделяет и «беспардонную ложь». А ведь именно на ней держатся ярые антикоммунисты типа Гроссу и К°. Особенно нынче, когда в обстановке резкого повышения спроса на антисоветчину на международной антикоммунистической бирже курс акций такого рода воителей ползет вверх.

Кстати, «Катакомб» — отнюдь не единственное западное издание, которое и дня не просуществовало бы, если б не паразитировало на лживых «разоблачениях», исходящих от диссидентствующих околоцерковных и сектантских писак. В знак признательности этот ежемесячник и подобные ему органы «информации» щедро осеняют таких «инакомыслящих» нимбами «страдальцев за правду божью», создавая им сомнительную рекламу.

Истина, как известно, всегда конкретна. Подлинная ложь — тоже. А потому предельно конкретным должно быть и ее разоблачение. Одна из основных целей «Катакомб» — исказить точку зрения основоположников марксизма-ленинизма. Наглядный пример: коммунистические партии, уверяет «Катакомб», действуют «во имя уничтожения всех религий и всякой морали», причем в подтверждение ссылается на «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса (1978, № 78).

На самом же деле в «Манифесте Коммунистической партии» этого утверждения нет, а есть убедительное отклонение выдвинутого буржуазией в адрес коммунизма обвинения в том, будто он «отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их...» [1]. Вряд ли стоит доказывать, что коммунисты не отменяют религию, а выступают за постепенное и терпеливое преодоление религиозных иллюзий, не отрицают нравственность «вообще», а лишь нравственность эксплуататорских классов.

Впрочем, для «развенчания» коммунизма применяются и более сильнодействующие средства. Например, приводится состоящая из 45 пунктов «коммунистическая программа» (1977, № 72), правда, составленная не теоретиками коммунизма, а субъектом, занимавшимся «углубленным его изучением» в течение 16 лет службы... в ФБР. Кстати, среди этих сработанных в недрах американской охранки «программных установок красных» значатся и внедрение непристойностей в книги, журналы, кинофильмы и телевизионные постановки, пропаганда распущенности и вседозволенности, дискредитация семьи как таковой, поощрение разводов (!). Перечень подобных «теоретических» экскурсов можно было бы продолжить.

Львиную долю содержания каждого номера «Катакомб» составляют антисоветские фальшивки. Но даже среди них выделяется «обзор» советской печати (1976, № 61), с которым выступил снискавший скандальную известность баптистский пастор Р. Вурмбранд [2], эмигрировавший из Румынии в США. Пастор-обозреватель должен был подумать о том, что когда-нибудь ему придется ответить (или, напротив, уйти от ответа) на вопрос, все ли ссылки на издаваемую в СССР периодику взяты именно из нее? Например, такая: «Московский атеистический журнал «Наука и религия» подтверждает это («могущество» христианской веры в Советском Союзе. — **М. Г.**) в своем № 5: «Атеистическая работа с верующими трудна ныне». Она трудна даже после 60 лет сатанинского террора». Сверкой установлено: в указанном пастором номере нет взятых им в кавычки слов, послуживших «основанием» для столь далеко идущих выводов.

Еще пример. По свидетельству Вурмбранда, газета «Советская Молдавия» 16 января 1973 года напечатала материал, настолько угрожающий жизни христиан, что пастор задается вопросом, «сколько же наших братьев будут истреблены» после этой публикации. Сверяем: в данном номере газеты нет не только статьи, но и даже заметки или хотя бы строчки об атеизме или религии.

Далее. В «Комсомольской правде» 18 июля 1973 года, по словам Вурмбранда, появилось сообщение, исходя из которого он делает подстрекательский вывод, будто нередко молодые христиане отказываются от службы в армии, не желая служить «царству антихриста». Результаты сверки точно такие же, как и в отношении «Советской Молдавии».

Тот же 61-й номер «Катакомб», правда устами не Вурмбранда, а другого менее «известного» автора, констатирует, что в СССР с церковью мирятся лишь постольку, поскольку она соглашается быть покорной проводницей внешней политики государства. В подтверждение приводится взятая в кавычки цитата из «Науки и религии» (1969, № 5): «Православная церковь будет терпима лишь до тех пор, пока она поддерживает советскую политику». Сверка показала... Да ничего она и на сей раз не показала! Нет в журнале таких слов.

Доказывая, будто в СССР христианство одерживает победу за победой, а атеизм терпит жестокое поражение, Вурмбранд далее договаривается до такого утверждения: «Часто атеист, обученный чтобы разрушить веру хри-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 445.

[2] Более подробно о нем см.: А. Белов и А. Шилкин. Вурмбранд в поход собрался. «Наука и религия», 1976, № 12.

стианина, спрашивает последнего, где он сам мог бы принять крещение». Не говоря уже о полнейшей безосновательности подобных «откровений», можно просто ответить: если уж в кои-то веки и сыщется такой «атеист», то, надо полагать, он все же сообразит и без такой консультации, куда ему надлежит направить свои стопы.

Мы, атеисты, с полным основанием можем сказать: в реальной нашей действительности происходит диаметрально противоположный процесс — бывшие верующие и даже служители культа после долгих, порою мучительных раздумий становятся активными пропагандистами научного атеизма. И готовы в любое время подтвердить это множеством имен, начиная от широко известного ныне уже покойного А. А. Осипова и кончая скромными авторами и лекторами, о которых знают лишь в пределах области, города, района.

А вот как «Катакомб» «осмысливает» другие материалы нашей печати. В № 94—95 этого ежемесячника за 1979 год, например, говорится, будто, согласно газете «Правда», верующие «составляют лишь 8 процентов населения СССР против 90 процентов в 1917 г....» И далее: «Какова цена таких исследований, если статистика «Правды» показывает 40 процентов верующих в 1937 г., тогда как официальная и публичная перепись насчитала 60 процентов?»

Прежде всего уточним, что в статье «Правды» (30 марта 1979 г.) речь шла об активно верующих (а не о верующих в целом!), которые составляют 8—10 процентов населения. Остальные «показатели», приписываемые «Правде», — плод «творческой раскованности» комментатора «Катакомб». Что же касается его утверждения, что в СССР проводилась официальная и публичная перепись, в ходе которой верующие якобы ставились на «учет», то оно, как нам думается, вообще не нуждается в опровержении: вероисповедание в Советском Союзе, как известно, никогда не было предметом статистической отчетности, в том числе и при проведении переписей.

Когда знакомишься с содержанием «Катакомб», бросается также в глаза, что, фарисейски оплакивая «истребляемых» в СССР верующих, ежемесячник молчит, например, о трагедии, разыгравшейся в Гайане, где, как известно всему миру, была умерщвлена почти тысяча членов секты «Народный храм». И о том, как в начале 1979 года полиция ворвалась в одну из столичных церквей Сальвадора и, открыв огонь, уничтожила на месте священника и четырех прихожан. Не располагаем мы пока сведениями и о том, откликнулся ли «ежемесячник церквей молчания» на злодейское убийство фашиствующими молодчиками весной 1980 года главы сальвадорской католической церкви архиепископа О. А. Ромеро. Но, не рискуя ошибиться, беремся утверждать: отрицательной реакции в этом случае не было и не будет. Не исключено, что С. Гроссу возразит: у его журнала другой профиль, он ориентирован «на Восток». Однако, когда нужно, «Катакомб» умеет отыскать на карте и другие страны света — ту же Латинскую Америку например.

Так, рассматривая Всемирный совет церквей (ВСЦ) как «леворадикальную» (?) организацию, ежемесячник резко осуждает его за то, что в отношении Латинской Америки «он поддерживает своим моральным авторитетом легенду о религиозном преследовании, созданную при помощи лживых утверждений, призванных скрыть политическую революционную деятельность некоторых служителей церкви, ставших предводителями партизан...»

Иными словами, множество демократически настроенных священников, погибших от рук палачей или брошенных в застенки, — это, оказывается, не более чем «легенда о религиозном преследовании», посредством которой такое «орудие красных», как ВСЦ, пытается испортить репутацию кротких «горилл».

Тут-то и обнаруживается вполне естественное явление: безрассудный антисоветизм не мог не бросить деятелей из «Катакомб» в объятия самых одиозных сил международной реакции. В том числе колонизаторов и расистов. Мало у нас известный, но заслуживающий внимания атеистической критики почетный профессор свободного парижского протестантского факультета, постоянный автор «Катакомб» Ж. Гофман, например, выступил на его страницах (1977, № 72) со статьей «Трагедии и пытки в Родезии» (кстати, в ней содержатся и приведенные выше суждения о Латинской Америке). Может быть, она направлена против головорезов Яна Смита? Или против его ставленников епископа Музоревы и пастора Ситоле? Ничуть не бывало. Их Гофман фактически выгораживает, объявляя «инициаторами преступления» лидеров освободительного движения — нынешних премьер-министра Зимбабве Роберта Мугабе и министра Джошуа Нкомо, а также их сторонников, которыми-де манипулируют «марксистские агенты, направляемые из Москвы». О том, чтобы дискуссия с почетным профессором стала беспредметной, позаботилась история: с весны 1980 года нет больше английской колонии Родезии, а есть республика Зимбабве, возглавляемая как раз теми, кто так не угоден Ж. Гофману, С. Гроссу и К°.

В том же номере ежемесячника утверждается, будто вездесущие «красные смутьяны» обвиняют в сионизме каждого, кто осмеливается поддержать право Израиля на существование наряду с таким же правом арабских народов. Насколько абсурдно это «наблюдение», можно судить хотя бы уже по тому факту, что Советский Союз и другие страны социалистического содружества неоднократно заявляли о признании права Израиля на существование, отвергая лишь его «право» удерживать под своим господством чужие земли.

Свое сердечное влечение к сионизму «Катакомб», в частности, демонстрирует еще и тем, что печатает некоего А. Шифрина, который даже среди сионистов выделяется своим прямо-таки патологическим антисоветизмом [3]. Впрочем, ежемесячник не только охотно печатает этого злопыхателя, но даже выпустил отдельным изданием сборник его пасквилей с предисловием С. Гроссу.

Другое примечательное обстоятельство. «Наука и религия» уже писала о «деловом сотрудничестве» С. Гроссу с конгрессменом Л. Макдональдом. Если применительно к сенату США еще можно поспорить, кто правее — Джексон или Голдуотер, то в палате представителей Макдональд пользуется несомненной «привилегией» не иметь никого правее себя. Член национального совета профашистского общества Джона Бёрча Ларри Макдональд тесно связан с такими крупнейшими военно-промышленными корпорациями США, как «Локхид эйркрафт», «Рокуэлл интернэшнл», «Хьюз эйркрафт». А в своем доме в штате Джорджия сей законодатель держит целый арсенал (более двухсот единиц) стрелкового оружия, мотивируя это «опасностью коммунистического вторжения».

Еще один штрих. «Катакомб» неоднократно и упорно (1976, № 61; 1978, № 87) брал под защиту проживающего во Франции «монсеньера» В. Болдяну, выдачи которого требует правительство Социалистической Республики Румынии. Это бывший главарь румынских фашистов-железногвардейцев, приговоренный к смертной казни за свои кровавые преступления.

Словом, дела и связи «межконфессионального ежемесячника церквей молчания» говорят сами за себя.

г. Кишинев

---

[3] Более подробно о нем см. в «Белой книге». М., 1979, стр. 233—240.

ИЗ ИНОСТРАННОГО ЮМОРА

■ Во время урока катехизиса кюре спрашивает ученика:

— Ты можешь мне сказать, до каких пор Адам и Ева жили в раю!

— До осени!

— Как так?

— А разве вы не знаете, что яблоки раньше не созревают!

■ Учитель спрашивает Томаса:

— Почему ты сегодня не выучил урок?

— Потому что, согласно гороскопу, все, что бы я ни сделал на этой неделе, должно окончиться неудачей.

■ Один турист спрашивает другого:

— Не знаете ли, почему так много церквей в Париже?

— Вероятно, чтобы каждый пешеход мог помолиться, прежде чем перейти дорогу.

■ Молодой мусульманин, слушая молитвы муллы, заснул и захрапел. Сидящий рядом старик толкнул его:

— Как тебе не стыдно спать, да еще так храпеть в мечети?!

— Я не сплю, я просто храплю, чтобы отогнать сон! — ответил тот.

■ Судья, обращаясь к истцу, подавшему заявление о разводе:

— Чем вы мотивируете свой иск?

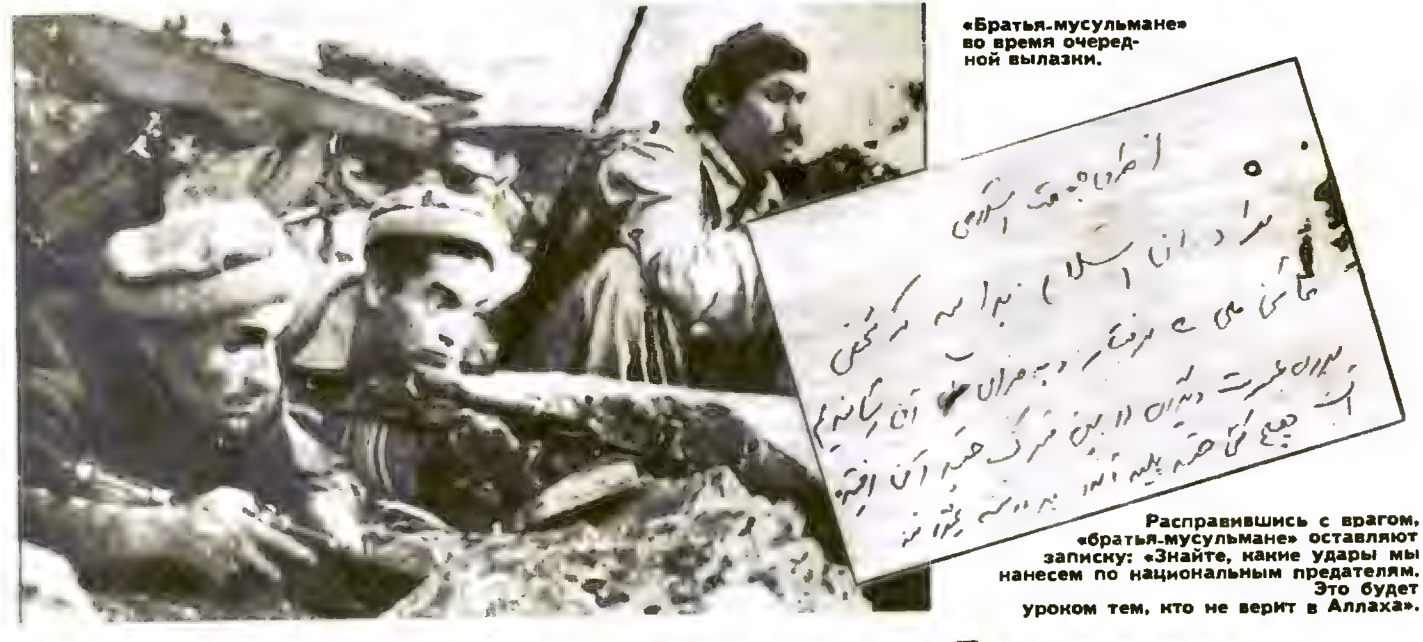
— Гадалка предсказала моей жене, что она скоро овдовеет. Зачем же ждать этой трагической развязки?

■ Корабль налетел на риф и стал медленно тонуть. Одним из первых к спасательным шлюпкам подскочил пастор Браун.

— Подождите, отец, — сказал ему вахтенный.— Сначала возьмем женщин!

— Ну, что ж...— пожал плечами преподобный и спросил: — Вы полагаете, что у нас будет время не только для молитв, но и для развлечений?

«Братья-мусульмане»

«Братья-мусульмане» во время очередной вылазки.

Расправившись с врагом, «братья-мусульмане» оставляют записку: «Знайте, какие удары мы нанесем по национальным предателям. Это будет уроком тем, кто не верит в Аллаха».

на службе реакции

Е. АРТЮХОВ, А. ОСТАЛЬСКИЙ

31 января 1980 года в мечеть Ас-Султания, в сирийском городе Алеппо, вбежали люди с автоматами и на глазах у молящихся в упор расстреляли шейха Мухаммеда аш-Шами — религиозного деятеля, известного своими прогрессивными взглядами. На следующий день в Дамаске было совершено точно такое же убийство: во время пятничного намаза в одной из мечетей жертвой бандитов с автоматами стал шейх Салех Окле, тоже популярный в Сирии священнослужитель.

Кто же решился пролить кровь в мечетях — этих «домах Аллаха», где, по законам ислама, даже враг становится неприкосновенным? Кто нанес столь тяжкое оскорбление чувствам верующих? Может быть, дело здесь в религиозной вражде и это счеты с иноверцами?

Нет, стрелявшие из автоматов, как и их жертвы, — тоже мусульмане, точнее — «братья-мусульмане» — члены международной организации, позорно прославившейся многочисленными злодеяниями. В странах мусульманского мира их называют «черными братьями», «братьями дьявола». Сами же «братья-мусульмане», напротив, утверждают, что защищают истинный ислам от всех тех, кто, по их мнению, искажает его. И лучшим средством достижения этих «высоких» целей организация считает террор, физическую расправу с «врагами чистого ислама». А таковыми для «братьев» оказываются как раз те, кто стремится к миру и созиданию, справедливому решению насущных для мусульманского мира проблем. В свое время «братья-мусульмане» объявили «врагом Аллаха номер один» президента Насера, проводившего демократические преобразования в Египте, и не раз покушались на его жизнь.

Более 50 лет действует на Арабском Востоке эта организация. Временами она совсем было уходила с арены истории современного Востока, порой же ее деятельность активизировалась — и всегда «братья-мусульмане» провозглашали, что действуют «от имени Аллаха», «в защиту дела Аллаха», «святой веры».

Родина этой организации — Египет, время рождения — конец 20-х — начало 30-х годов. Она возникла и выросла на благодатной почве египетского общества того времени, когда народ глубоко разочаровался в погрязшем в коррупции королевском режиме, утратил веру в «традиционные» (буржуазно-помещичьи) партии, которые то и дело предавали его интересы английским колонизаторам. Школьный учитель Хасан аль-Банна, человек незаурядный и одержимый идеей властвовать над умами и душами миллионов мусульман, точно почувствовал, что все слои египетского общества, оскорбляемые в своих национальных чувствах колонизаторами и их слугами, жаждали спасительных идей.

Он не был оригинальным мыслителем, этот школьный учитель. Хасан аль-Банна объявил о создании союза «братьев-мусульман» — организации, которая вернет истинную веру. Много раз в истории Востока социальную несправедливость, оскудение национальной жизни, чужеземное засилье религиозные вожди различного толка объясняли отступлением от «чистого ислама», нарушением законов Аллаха.

«Братья-мусульмане» многим казались тогда истинными борцами за национальное освобождение Египта, за создание более справедливого общества. Религиозные чувства египтян, оскорбленные насаждаемой «европейской культурой», находили выход в программе «братьев-мусульман». Популярность их быстро росла. Но религиозные лозунги обманули народ. С самого начала деятельность «братьев-мусульман» финансировала среди других и «Компания Суэцкого канала», которая для египтян представляла ненавистный западный колониализм.

Почему же колонизаторы финансировали «братьев», объявивших себя врагами всего западного? Они понимали, что союз, основанный на религиозном экстремизме, не имеющий конкретной социально-экономической программы, при надлежащем контроле не только не опасен для них, но может стать надежным средством отвлечения мусульман от борьбы за жизненные интересы.

Так и оказалось. Вся история «братьев» в дореволюционном Египте (до 1952 г.) — это история мелких и крупных предательств собственного народа. Аль-Банна сотрудничал и с королевским режимом, и с разведкой фашистской Германии, и с английскими колониальными властями. Он был убит в 1948 году политическими противниками.

К началу 50-х годов в организации «братьев-мусульман» состояло около 40 тысяч человек, хотя ее предводители похвалялись, что их братство объединяет более двух миллионов. Молодые члены братства маршировали в желтых рубашках по улицам египетских городов, демонстрируя «фашистский стиль».

Победа национально-демократической революции в Египте в 1952 году сильно пошатнула позиции этого мусульманского братства. Правительство Насера решало проблемы египетского общества не теми путями, которые проповедовали аль-Банна и его сторонники. Социально-экономические преобразования в Египте, революционные настроения народа способствовали тому, что «братья» утратили свою популярность. С тех пор они стали заявлять о себе на политической арене покушениями, диверсионными актами, поджогами, взрывами на улицах городов, на заводах (правда, не забывая при этом повторять, что тем самым спасают ислам).

В 1954 году президентский декрет запретил организацию «братьев-мусульман». Часть последователей аль-Банны остались в самом Египте, часть рассеялись по другим мусульманским странам, где они занимались малоэффективной пропагандой своего «учения». На долгие годы они исчезли со страниц мировой прессы.

Однако западные спецслужбы не теряют из виду такого рода кадры. И тут они справедливо полагали: пройдет время, и хорошо организованная сеть «братьев-мусульман» сыграет свою роль в подрыве национально-освободительных движений и будет способствовать защите позиций западного капитала на Ближнем и Среднем Востоке. Большой интерес проявляла к «братьям-мусульманам» и арабская реакция, надеявшаяся приспособить их для сохранения своего влияния в мусульманском мире.

И вот в начале 70-х годов час «братьев-мусульман» снова пробил. В Саудовской Аравии была создана их «штаб-квартира». На «нефтяные деньги» ей предстояло объединить свои разрозненные группировки в разных странах, превратить братство в монолитную «пятую колонну», которая будет выполнять приказы тех, кто платит, и там, где это понадобится. Именно в то время, когда египетская пресса начала нападки на прогрессивные преобразования, осуществленные правительством Насера, когда Садат отошел от сотрудничества с социалистическими странами, в Египте начинают действовать «братья-мусульмане» — с согласия и разрешения Садата.

В июне 1976 года в Каире появился официальный печатный орган «братьев» — ежемесячный журнал «Ад-Даава», объявивший об их фактическом возвращении на египетскую политическую арену. Со своих страниц журнал хляет все, что было сделано при Насере, нападает на прогрессивные силы в Египте и во всем мире. Снова горячо провозглашаются лозунги освобождения Египта от «безбожного влияния западного общества», звучат призывы к борьбе за «восстановление мусульманской цивилизации» и создание теократического режима. Но при этом реанимированные «братья» принимают и садатовскую политику «открытых дверей», означающую, по сути дела, грабеж страны западными монополиями, резкое усиление социального неравенства.

Саудовская Аравия, пригревшая «братьев-мусульман», заинтересована в том, чтобы позиции этой организации в Египте укреплялись — чтобы держать под прицелом самого Садата. Садат же пытается использовать «братьев» для упрочения своего режима. В условиях растущего недовольства его внешней и внутренней политикой Садату было необходимо заручиться поддержкой религиозных экстремистов. Он не прочь использовать «братьев» в качестве своего рода «черной сотни» в борьбе как против прогрессивных сил внутри страны, так и против тех прогрессивных арабских режимов, которые выступили против его политики в ближневосточном урегулировании.

Разжигание религиозной и национальной розни всегда было на вооружении у империалистических спецслужб. И вот перед «братьями» ставится задача оказать нажим на руководство Сирии, которая стала во главе борьбы прогрессивных арабских стран против предательского кэмп-дэвидского сговора. «Братья» обрушивают на эту страну свой хорошо оплаченный террор, пытаются создать здесь напряженную атмосферу. Они устраивают покушения на членов правительства президента Х. Асада, распространяют клеветнические листовки, призывают к свержению Асада, сеют религиозную рознь. Сирия решительно не согласилась с кэмп-дэвидской сделкой, осудила оккупацию арабских земель, в том числе арабского Иерусалима, — в ответ последовали «карающие удары»: бандитский налет на артиллерийское училище в городе Алеппо в июне 1979 года, вооруженная вылазка в городе Латакия в сентябре, убийства мирных жителей, поджоги зданий и учреждений, магазинов и жилых домов.

8 марта 1980 года, когда сирийский народ отмечал 17-ю годовщину прихода к власти Партии арабского социалистического возрождения, «братья-мусульмане» пытались устроить в Дамаске серьезные беспорядки, разжечь религиозно-общинную рознь по «ливанскому образцу». За несколько месяцев до этих выступлений «братьев» в Сирии бейрутская печать неоднократно сообщала о том, что руководство ультраправой ливанской партии Катаиб («Фаланги») заключило с этим мусульманским братством соглашение о «координации совместных действий в политической и военной областях». Фалангисты взяли на себя подготовку террористических групп «братьев», оснащение их оружием — для этого Тель-Авив предоставил им щедрую финансовую и военную помощь.

На первый взгляд военно-политический союз «братьев» с фалангистами и Израилем может показаться невероятным. Ведь мусульманское братство претендует на роль главного «защитника» мусульман, утверждает превосходство ислама над всеми другими религиями, а полуфашистская «Фаланга» проповедует воинствующий «христианский шовинизм», откровенное презрение к мусульманам. Сионисты же попирают права арабских народов, оскверняют и разрушают мусульманские и христианские святыни в древнем Иерусалиме. Тем не менее союз налицо, история не раз свидетельствовала, что единению реакционеров самых, казалось бы, несовместимых платформ ради борьбы против сил прогресса и демократии не мешает разница в религиозных взглядах, в этих случаях она легко отбрасывается.

5 июля 1980 года чрезвычайная сессия Народного совета (парламента) Сирии приняла закон о смертной казни за принадлежность к организации «братьев-мусульман». Сирийская печать ежедневно публикует имена и фотографии тех, кто заявил о разрыве с ней. Рядовые члены этой террористической организации убеждаются в преступном характере ее деятельности, использующей религию лишь для прикрытия антинародных целей.

Не случайно именно на «братьев-мусульман» прежде всего возложили надежды враги народной афганской революции, победившей в апреле 1978 года. В Афганистане в эту организацию входили представители феодальной элиты, генералы, высшие офицеры, поэтому реакционный характер ее идеологии был еще более откровенен. Газета «Ких» («братья» издавали ее здесь в конце 60-х годов) проповедовала примитивное социальное смирение, незыблемость феодальных устоев и монархии. Среди членов организации было немало выпускников американских университетов и военных училищ, многие из них имели тесные связи с ЦРУ США и с саудовской «штаб-квартирой».

После апреля 1978 года за афганскими «братьями» принялись «ухаживать» не только американская разведка и саудовские принцы, но и представители правящих кругов Пакистана и Китая. Отовсюду к ним стали поступать оружие, боеприпасы, взрывчатка, деньги — в надежде, что «братья» станут авангардом контрреволюции. И хотя различным группировкам организации так и не удалось полностью объединиться и между ними идет жестокая грызня за «помощь», поступающую от «союзников», тем не менее отряды организации вместе с другими басмаческими бандами, базирующимися в Пакистане и Китае, вместе с промаоистскими группировками «Шолее джавид» и «Сорха» регулярно переходят афганскую государственную границу, грабят, убивают, сжигают, насилуют. Однако ни религиозная демагогия, ни ссылки на Аллаха и его пророка Мухаммеда, ни проклятия революционному правительству за «отступление от ислама», ни даже провокационные поджоги мечетей, приписываемые затем активистам Народно-демократической партии, не могут создать видимость «широкого народного выступления» против революционного правительства.

Народ Афганистана все решительнее дает отпор тем, кто мешает ему мирно трудиться. «Это не «моджахеды» (борцы за святое дело), это обыкновенные грабители и бандиты», — такого рода высказывания представителей афганского духовенства о контрреволюционерах промелькнули даже на страницах западной буржуазной прессы. «Братья-мусульмане» — предатели и враги ислама и мусульман», — говорят афганские трудящиеся.

Лозунги «братьев-мусульман» уже не привлекают народные массы. В самом деле, может ли мусульманин, если он не совсем невежествен и хоть немного информирован, поверить, что его враг — не тот, кто оккупировал арабские земли, в том числе священный Иерусалим; не тот, чьи бомбы и снаряды каждый день убивают мирных ливанцев и палестинцев; не тот, кто пытается задушить исламскую революцию в Иране, кто угрожает арабам военной интервенцией, чтобы «защитить» от них их собственную нефть, — а «коммунисты», как «теоретики» «братьев-мусульман» называют все прогрессивные силы, борющиеся за независимость, за осуществление чаяний мусульманских народов. Не случайно поэтому «братья-мусульмане» активизируются сегодня там, где их искусственно «оживляют» западные разведки и те восточные миллиардеры, которые наживаются, расхищая природные богатства своих стран.

В арабской и израильской прессе недавно появились сообщения о секретной конференции «братьев-мусульман», состоявшейся в ФРГ. Председательствовал на ней некий Камаль аль-Адхам — крупный саудовский делец и посредник в нелегальной торговле оружием, известный как платный агент ЦРУ.

Сама география активности «братьев», так же как биографии их нынешних лидеров, достаточно красноречива.

Новинки Литературы

«АРГУМЕНТЫ. 1980». М., Политиздат, 1980. 192 стр., 200 000 экз., 40 коп.
В книге разоблачаются враждебные акции западных религиозных центров, идущих в русле антикоммунизма, выступления фальсификаторов, положения религии, церкви и верующих в СССР, с помощью которых буржуазно-клерикальная пропаганда пытается дезинформировать общественное мнение, посеять раздор между верующими и неверующими в нашей стране.

И. М. Бречак. КРИТИКА РЕЛИГИОЗНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 10), 1980, 64 стр., 45 700 экз., 11 коп.
В брошюре дается критика богословских интерпретаций библейского мифа о сверхъестественном творении, рассказывается, как, вопреки противодействию религии, наука на основе теории эволюции органического мира разрешила проблему происхождения человека, освещаются последние достижения в области антропогенеза.

В. Е. Острожинский. ОБРЯДНОСТЬ В НАШЕЙ ЖИЗНИ. М., Политиздат, 1980, 55 стр., 100 000 экз., 10 коп.
В книге на большом конкретном материале анализируется опыт работы партийных и общественных организаций по утверждению новой социалистической обрядности. Автор рассматривает такие важные проблемы, как подготовка кадров, совершенствование пропаганды новых праздников и обрядов, играющих важную роль в преодолении религиозных пережитков.

Г. В. Фартухова. СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ И АТЕИЗМ. М., Политиздат, 1980, 56 стр., 100 000 экз., 10 коп.
Автор брошюры доказывает несостоятельность богословской трактовки ответственности личности, подчеркивая, что только человек, свободный от религиозных предрассудков, способен в полной мере осознать свою социальную ответственность, свой долг перед людьми и обществом. Автор строит свои выводы на данных конкретных социологических исследований, примерах и фактах, почерпнутых из жизни.

Н. А. Алексеев. РАННИЕ ФОРМЫ РЕЛИГИИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СИБИРИ. Новосибирск, «Наука», 1980, 317 стр., 3 800 экз., 2 руб.

«АРХИТЕКТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВОВ». М., «Искусство», 1980, 343 стр. с илл., 25 000 экз., 9 руб. 10 коп.

«ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ. XII ВЕК». М., «Художественная литература», 1980, 704 стр., 50 000 экз., 4 руб. 80 коп.

А. С. Рослов. РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ СИОНИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ. М., «Знание», 1980, 80 стр., 25 000 экз., 25 коп.

Н. К. Тимофеева. РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА ЭТРУСКОВ. Новосибирск, «Наука», 1980, 112 стр., 4 550 экз., 80 коп.

О. Х. Халпахчьян. АРХИТЕКТУРНЫЕ АНСАМБЛИ АРМЕНИИ. VIII в. до н. э. — XIX в. н. э. М., «Искусство», 1980, 479 стр. с илл., 25 000 экз., 10 руб. 60 коп.

Л. А. Чухина. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЦЕННОСТНЫЙ МИР В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ. Рига, «Зинатне», 1980, 288 стр., 1 600 экз., 1 руб. 40 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

«Актуальные задачи атеистической работы». «Под знаменем ленинизма». Киев, 1980, № 4, стр. 2—5.

Р. И. Белянова. Деятельность Чувашской областной организации КПСС по усилению атеистической работы среди женщин в условиях развитого социализма. В кн.: «Вопросы истории и историографии Чувашской областной организации КПСС». Чебоксары, 1979, стр. 134—148.

Б. Битинас. Материалистическое воспитание школьника. «Коммунист». Вильнюс, 1980, № 1, стр. 31—36.

И. Блахницка, Я. Ершина, П. Шидловский. Социальный смысл концепции «поляк-католик». «Философские науки», 1980, № 5, стр. 118—125.

К. А. Виммсааре. О мировоззренческом смысле индифферентного отношения к религии. В кн.: «Социальные процессы развитого социалистического общества и идеологическая борьба». Таллин, 1979, стр. 38—51.

В. А. Габрусенко. Соотношение атеистического и нравственного воспитания молодежи. В кн.: «Социальные вопросы воспитания и образования». Томск, 1979, стр. 131—143.

Б. Л. Губман. Неотомистский персонализм. В кн.: «Актуальные проблемы критики современной буржуазной философии и социологии». вып. 3. Л., 1980, стр. 104—113.

Я. Гурановский. Проблема «обновления христианской идеологии» в современном мире. «Философские науки», 1980, № 1, стр. 123—132.

Д. В. Джохадзе, Н. И. Стяжкин. Рецензия на кн.: Г. Г. Майоров. Формирование средневековой философии (латинская патристика). «Философские науки», 1980, № 5, стр. 188—189.

«Древний Восток», сб. 2. М., 1980. Из содержания: **В. Н. Топоров.** Несколько параллелей к одной древнеегипетской мифологеме, стр. 75—97; **Е. П. Максимов.** О взаимодействии религии и фольклора на примере образа волшебного змея из «Сказки о потерпевшем кораблекрушение», стр. 120—126.

А. А. Ермичев. В. И. Ленин о кризисе русской религиозно-идеалистической философии конца XIX — начала XX века. «Вестник Ленинград. ун-та». Экономика. Философия. Право. Вып., 4, 1979, № 23, стр. 52—54.

А. А. Ерышев. Исследование актуальных проблем атеистического воспитания. «Коммунист Украины». Киев, 1979, № 8, стр. 92—94.

Р. Х. Керейтов. Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев. «Советская этнография», 1980, № 2, стр. 117—127.

П. П. Козлова. Проблема связи трудового и атеистического воспитания сельских школьников Башкирской АССР в 20-е годы. В кн.: «Вопросы трудового воспитания и политехнического образования в теории и практике марксистско-ленинской педагогики». М., 1979, стр. 89—103.

«Критика современной идеалистической диалектики». М., 1979. Из содержания: **Б. Л. Губман.** Проблема субъективной диалектики в современном неотомизме, стр. 26—30; **В. С. Федчин.** Негативная диалектика и ее место в религиозной и идеалистической идеологии, стр. 51.

«Литература и культура древней и средневековой Индии». М., 1979. Из содержания: **В. Ф. Антоненко.** Заметки к солярной интерпретации мифологии ведийского Индры (по материалам третьей мандалы «Ригведы»), стр. 89—98; **Я. В. Васильков.** Земледельческий миф в древнеиндийском эпосе, стр. 99—133; **В. Н. Топоров.** Учение Нагарджуны о движении в связи с аксиоматикой раннего буддизма, стр. 134—149; **М. Ф. Альбедиль.** Адепт и объект почитания в южно-индийском шайва-бхакти, стр. 203—208.

● **Бог един. Но сколько вариаций!**

● **Там, где черт ногу сломит, простой смертный рискует свернуть шею.**

● **Мечтал о теплом местечке — вот и угодил в ад.**

● **Боги горшки не обжигают: не престижно.**

Владимир ЧИЖОВ
г. Люберцы
Московской области

● **Жизнь — испытательный срок для бессмертия.**

● **Для того чтобы признать: «Се — человек», — не обязательно сначала распять.**

● **Из нимбов можно составить цепь.**

Юрий БАЗЫЛЕВ
г. Запорожье

● **Такой святой, что все вокруг — великомученики.**

● **В рамках хорошо держатся только иконы.**

Григорий РЮМКО
г. Гомель

● **Может ли остаться чистой душа, которая ушла в пятки?**

● **Сан — духовный, а интерес — материальный.**

Эрнест КУЛИН
г. Тамбов

● **На кофейной гуще не угадаешь даже сорт кофе.**

Владимир ПОЛИЩУК
с. Подвысокое
Кировоградской области

Сдано в набор 17. 11. 80.
Подписано к печати 24. 12. 80.
А 02117.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.

Условных печатных листов — 8.
Учетно-издательских листов — 12, 83.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 05653.

Адрес редакции:
109004. Москва, Ж-4
Ульяновская, 43, корп. 4.

Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Дом Советов в Чебоксарах.

Передовое предприятие, помогающее развитию сельского хозяйства Чувашии, — Чебоксарское отделение «Сельхозтехники».

В Чебоксарском сельскохозяйственном институте готовят высококвалифицированных специалистов.

Чувашские сувениры.

Хлебозавод в столице Чувашии.

Читайте в номере статью И. Прокопьева «Образ жизни — советский».

Цена 30 коп.
70602

33-13

В следующем номере

ЖЕНЩИНА ДОЛЖНА БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ,

говорит секретарь ЦК Компартии Таджикистана Г. Бобосадыкова и показывает это на примере жизни тружениц своей республики.

МУЗЕЙ В ПАРХОМОВКЕ

Историю создания школьного историко-художественного музея в украинском селе рассказывает журналист В. Евсеев.

ЭКОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

Эта проблема рассматривается в статье академика АМН СССР А. Адо.

ВОИН НОВОБРАННЫЙ

Новые архивные материалы о Николае Мордвинове, сыне сенатора, участнике кружка петрашевцев, корреспонденте герценовского «Колокола».

НЕЧИСТАЯ СИЛА

В центре документальной повести В. Харазова — сложные женские судьбы, жертвы суеверных мистических настроений.

БОЛИВИЯ: ЦЕРКОВЬ И ХУНТА

Статья члена-корреспондента АН СССР И. Григулевича.

КТО ТАКИЕ МАНДЕИ?

О том, как живет сегодня один из древнейших народов, чья история началась задолго до появления Библии, его обычаях и верованиях — очерк кандидата исторических наук К. Матвеева.